

Сергея Лук

Все чего'я

не
сказано

Annotation

«Лидия мертва. Но они пока не знают...» Так начинается история очередной Лоры Палмер – семейная история ложных надежд и умолчания. С Лидией связывали столько надежд: она станет врачом, а не домохозяйкой, она вырвется из уютного, но душного мирка. Но когда с Лидией происходит трагедия, тонкий канат, на котором балансировала ее семья, рвется, и все, давние и не очень, секреты оказываются выпущены на волю. «Все, чего я не сказала» – история о лжи во спасение, которая не перестает быть ложью. О том, как травмированные родители невольно травмируют своих детей. О том, что родители способны сделать со своими детьми из любви и лучших побуждений. И о том, наконец, что порой молчание убивает. Роман Селесты Инг – одна из самых заметных книг последних двух лет в англоязычной литературе. Дебют, который критики называют не иначе как «ошеломительный», проча молодой писательнице большое будущее.

- [Селеста Инг](#)
  -
  -
  - [Один](#)
  - [Два](#)
  - [Три](#)
  - [Четыре](#)
  - [Пять](#)
  - [Шесть](#)
  - [Семь](#)
  - [Восемь](#)
  - [Девять](#)
  - [Десять](#)
  - [Одиннадцать](#)
  - [Двенадцать](#)
  - [Примечание автора](#)
  - [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)

Селеста Инг

Все, чего я не сказала

© Анастасия Грызунова, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», 2017

* * *

Моей семье

Один

Лидия мертва. Но они пока не знают. 3 мая 1977 года, половина седьмого утра, никто не знает ничего, кроме безобиднейшего факта: Лидия опаздывает к завтраку. У ее плиты с хлопьями мать Лидии, как всегда, положила заточенный карандаш и домашку по физике – шесть задач помечены галочками. Отец Лидии в машине по дороге на работу крутит ручку на радиоприемнике, нащупывает WХКР («лучший поставщик новостей северо-западного Огайо») и злится, слыша хрипы статики. Брат Лидии зеваает на лестнице – его еще обвивает хвостик ночной грезы. А на стуле в углу кухни сидит сестра Лидии – таращит глаза, горбится, по одному рассасывает хлопья, ждет Лидию. Сестра-то в конце концов и говорит:

– Что-то Лидия сегодня долго.

Наверху Мэрилин открывает дверь в спальню дочери и видит, что в постель не ложились: уголки простыни – по-больничному опрятными складками, подушка взбита и пухла. Вроде все на месте. На полу комом – горчичные вельветовые штаны, полосатый радужный носок. На стене рядом – наградные ленточки со школьных научных выставок, открытка с Эйнштейном. В чулане съежилась сумка. Зеленый школьный рюкзак привалился к письменному столу. На комодке флакон духов «Бейби софт» – в воздухе еще витает пыльная сладость любимого ребенка. А вот Лидии нет.

Мэрилин закрывает глаза. Может, когда откроет, Лидия будет в спальне – как обычно, зарылась с головой, наружу торчат прядки. Ворчливый комок под одеялом – может, Мэрилин проглядела. *Я в ванной была, мам. Ходила вниз попить. Да я тут лежу, ты чего?* Мэрилин смотрит – и, само собой, ничего не изменилось. Задернутые шторы светятся, точно опустелый телеэкран.

В дверях кухни Мэрилин останавливается, ладонями упирается в косяки. Ее молчание красноречиво.

– Посмотрю снаружи, – после паузы говорит она. – Может, зачем-то...

Шагая к парадной двери, она глядит в пол, будто Лидия впечатала следы в коридорную дорожку.

Нэт говорит Ханне:

– Вечером была у себя. Я слышал радио. Полдвенадцатого. – И осекается, вспомнив, что не пожелал доброй ночи.

– А могут похитить, если тебе шестнадцать? – спрашивает Ханна.

Нэт тычет ложкой в хлопья. Они вянут и тонут в молочной мути.

Возвращается мать, и Нэт успеваает блаженно вздохнуть: вот и Лидия, цела и невредима. Не в первый раз: они с матерью так похожи, краем глаза увидишь одну и примешь за другую – тот же эльфийский подбородок, и высокие скулы, и ямочка на левой щеке, те же узкие плечи. Только волосы разные: у Лидии чернильно-черные, у матери медово-белокурые. Нэт и Ханна пошли в отца. Какая-то тетка однажды спросила в продуктовом: «Китайцы?» – а когда они сказали «да», решив не вдаваться в подробности – целиком, наполовину, – глубокомысленно кивнула: «Я так и знала. По глазам видать». И уголки глаз оттянула пальцами. Однако Лидии генетика не указ – она унаследовала материны голубые глаза, и Нэт с Ханной знают, что поэтому Лидия – мамина любимица. И папина. И не только поэтому.

Лидия подносит ладонь ко лбу и вновь оборачивается матерью.

– Машина здесь, – говорит мать, но Нэт и не сомневался. Лидия не умеет водить, у нее даже ученических прав нет. На той неделе всех удивила, завалив экзамен, а без прав отец не пускал ее даже за рулем посидеть. Нэт перемешивает ил размокших хлопьев на дне плошки. Часы в прихожей тикают, бьют половину восьмого. Никто и бровью не ведет.

– А в школу нам все равно идти? – спрашивает Ханна.

Мэрилин мнется. Берет сумку, с напускной деловитостью роется в ней, выуживает ключи.

– На автобус вы оба опоздали. Нэт, возьми мою машину, подбрось Ханну. – И затем: – Не волнуйтесь. Мы все выясним. – На детей она не смотрит. Дети не смотрят на нее.

Когда они уезжают, Мэрилин, сдерживая дрожь в руках, достает из буфета кружку. Давным-давно, когда Лидия была совсем кроха, Мэрилин однажды оставила ее в гостиной на одеяле и ушла в кухню выпить чаю. Лидии едва исполнилось одиннадцать месяцев. Мэрилин сняла чайник с плиты, обернулась и увидела, что Лидия стоит в дверях. Мэрилин от неожиданности приложила рукой к горячей конфорке. На ладони красной спиралью расцвел ожог, и Мэрилин, сквозь слезы глядя на дочь, прижала его к губам. А дочь стояла и смотрела настороженно, озираясь, будто узрела эту кухню впервые. Мэрилин тогда и не подумала о том, что пропустила первые шаги дочери, что дочь так выросла. В мозгу пронеслось не «Как же я все проглядела?», а «Что еще ты скрываешь?». Нэт старался, шатался, падал и ковылял у матери на глазах, но она не припоминала, чтобы Лидия хоть попыталась встать. И однако, похоже, твердо стояла

босыми ногами, из оборчатого рукава еле выглядывали пальчики. Мэрилин часто отворачивалась – открывала холодильник, возилась со стиркой. Может, пока Мэрилин смотрела в кастрюли, Лидия ходила уже не первую неделю.

Мэрилин подхватила дочь на руки, пригладила ей волосики, сказала, какая Лидия умничка, вот вернется папа – он будет так горд. И все равно – будто нашла запертую дверь в знакомой комнате: оказывается, у Лидии, которую еще можно баюкать на руках, есть тайны. Мэрилин кормит ее, купает, упаковывает в пижамные штаны, но жизнь Лидии уже отчасти зашторена. Мэрилин поцеловала дочь в щеку, прижала к себе, попыталась согреться ее тельцем.

А теперь пьет чай и вспоминает это свое изумление.

На пробковой доске у холодильника – телефон школьного секретаря; Мэрилин отцепляет карточку, набирает номер и наматывает провод на палец, слушая гудки.

– Миддлвудская средняя школа, – говорит секретарша после четвертого гудка. – Дотти у аппарата.

Мэрилин припоминает эту Дотти: сложением как диванная подушка, блекнувшие рыжие волосы до сих пор укладывает в пышный пучок.

– Доброе утро, – говорит Мэрилин и запинается. – А моя дочь сегодня в школе?

Раздосадованная Дотти вежливо кудахчет:

– С кем я говорю, будьте любезны?

Свое имя Мэрилин вспоминает не сразу.

– Мэрилин. Мэрилин Ли. Моя дочь – Лидия Ли. Десятый класс.

– Одну минуту, я посмотрю расписание. Первый урок... – Пауза. – Физика, одиннадцатый класс?

– Да, совершенно верно. У мистера Келли.

– Я кого-нибудь пошлю проверить.

Слышен стук: секретарша кладет трубку на стол.

Мэрилин разглядывает кружку, лужицу от кружки на столешнице. Несколько лет назад одна девочка заползла в сарай и задохнулась. Полиция разослала по домам листовку: «Если ваш ребенок потерялся, приступайте к поискам немедленно. Проверьте стиральные и сушильные машины, багажники автомобилей, сараи, все пространства, куда ребенок мог залезть. Если ребенок не обнаружен, срочно звоните в полицию».

– Миссис Ли? – говорит секретарша. – Ваша дочь на первый урок не пришла. Вы хотели ее отпросить?

Мэрилин вешает трубку, не ответив. Прикалывает карточку на доску, и

под влажными пальцами чернила расплываются, цифры смазаны, будто на ураганном ветру или под водой.

Мэрилин обходит все комнаты, открывает все чуланы. Заглядывает в пустой гараж – там только масляное пятно на бетоне и сильно пахнет бензином. Она сама не знает, что ищет. Многозначительные следы? Дорожку из хлебных крошек? Когда ей было двенадцать, у нее в школе пропала девочка постарше – потом нашли труп. Джинни Бэррон. Носила двцветные кожаные туфли – Мэрилин за такие душу бессмертную продала бы. Джинни пошла в магазин за сигаретами для отца, а спустя два дня ее нашли у обочины на полпути в Шарлоттсвилл, голую и задушенную.

Мозг закипает. Только-только начинается лето Сына Сэма – хотя газеты зовут его так лишь с недавних пор, – и даже в Огайо заголовки вопят о последнем убийстве. Через несколько месяцев полиция отловит Дэвида Берковица^[1] и страна найдет на что отвлечься: смерть Элвиса, новая «Атари»^[2], Фонци перепрыгивает акулу^[3]. Но сейчас темноволосые жительницы Нью-Йорка скупают блондинистые парики, а мир страшен и непредсказуем. У нас тут такого не бывает, напоминает себе Мэрилин. Не может такого быть в Миддлвуде, который считается городом, но на самом деле городок при колледже, три тысячи жителей. За час на машине доберешься разве что до Толидо; всех субботних развлечений – роллердром, боулинг да автокинотеатр; даже Миддлвудское озеро в центре – расфуфыренный пруд, не больше. (Тут Мэрилин ошибается: озеро – тысяча футов от берега до берега и глубокое.) И все равно поясницу покалывает, будто по хребту маршируют жуки.

Скрежеща кольцами по штанге, Мэрилин отдергивает душевую занавеску и смотрит на белый изгиб ванны. Обыскивает кухонные шкафы. Заглядывает в кладовую, в гардеробную, в духовку. Открывает холодильник. Оливки. Молоко. Курица в розовом пенопласте, кочан капусты, гроздь винограда цветом как жадеит. Мэрилин трогает прохладное стекло банки с арахисовым маслом и закрывает холодильник, качая головой. А ты что думала – Лидия сидит внутри?

Утреннее солнце, сочное, как лимонный бисквит, заполняет дом – заливает нутро буфетов и пустых чуланов, чистые голые половицы. Мэрилин разглядывает руки – они тоже пусты, на солнце почти светятся. Мэрилин берет трубку и звонит мужу.

В кабинете у Джеймса пока еще обыкновенный вторник; Джеймс

щелкает авторучкой о зубы. Слегка в горку ползет грязная машинопись: «Сербия была одной из самых могущественных балтийских держав». Он вычеркивает «балтийских», исправляет на «балканских», переворачивает страницу. «Архиепископ Франс Фердинанд был убит членами “Черной луки”». Франц, думает Джеймс. «Черной *руки*». Эти студенты – они учебник-то хоть раз открывали? Стоишь у доски в поточной аудитории, в руке указка, за спиной карта Европы. Вводная лекция, «Америка и мировые войны». Джеймс не надеется ни на глубокие знания, ни на критическое мышление. Пусть бы просто понимали основы и хоть кто-нибудь умел без ошибки написать «Чехословакия».

Он закрывает работу, на верхнем листе пишет оценку – шестьдесят пять из ста – и обводит в кружок. Каждый год чем ближе лето, тем больше финтят и суетятся студенты; недовольство вспыхивает сигнальными ракетами и рикошетит меж глухих стен аудитории. Работы пишутся со скрипом, абзацы затухают, порой не добравшись до точки, будто удержать мысль до конца – непосильный труд. Все зря, что ли? Вылизанные конспекты, цветные слайды с Макартуром, Трумэном и картами Гуадалканала. Просто несуразные смешные названия, а весь курс – лишь очередная строчка в списке, вычеркнуть и забыть. А чего еще ждать от этой дыры? Джеймс откладывает работу в кипу других и сверху роняет ручку. На зеленом квадратном дворике за окном три юнца в джинсах перебрасываются фрисби.

Когда Джеймс был молод, еще младшим преподавателем, его часто принимали за студента. Давненько такого не бывало. Следующей весной ему стукнет сорок шесть. Он на бессрочном контракте, в черноте волос завелась редкая седина. Но порой люди все равно обознаются. Как-то раз секретарша проректора приняла Джеймса за японского дипломата и спросила, как он долетел из Токио. Слыша, что он преподает американскую историю, люди удивляются – это забавно. «Ну *вообще-то* я американец», – колюче огрызается он, когда они растерянно хлопают глазами.

Стучат в дверь: пришла помощница Луиза с кипой бумаг.

– Профессор Ли. Извините, что потревожила. У вас было открыто. – Она сгружает студенческие работы ему на стол. Пауза. – Эти так себе.

– Да уж. Мои тоже. А я-то надеялся, у вас все на отлично.

Луиза смеется. На аспирантском семинаре в прошлом семестре она застала его врасплох. Со спины – вылитая дочь: почти такие же волосы, черные и блестящие, до лопаток, такая же манера сидеть, прижав локти к бокам. Но когда обернулась, лицо оказалось ее и больше ничье – узкое, а не широкое, как у Лидии, невозмутимые карие глаза.

– Профессор Ли? – сказала она тогда, протянув ему руку. – Я Луиза Чэнь.

Восемнадцать лет в Миддлвудском колледже, подумал он, а азиатская студентка у меня впервые. Сам не заметил, как разулыбался.

Спустя неделю она пришла к нему в кабинет.

– Это ваша семья? – спросила она, наклонив к себе фотографию.

Повисло молчание – Луиза разглядывала фото. Все разглядывали – Джеймс затем и выставлял его напоказ. Следил, как Луизины глаза скользят с его фотографического лица к лицу его жены, детей и обратно.

– Ой, – наконец сказала она, и он видел, как она старается не выдать замешательства. – А ваша жена – она не китаянка?

Спрашивали все. Но от Луизы он ждал иного.

– Нет, – ответил он и поправил фотографию, чтоб смотрела на Луизу прямее – ровно сорок пять градусов к столу. – Не китаянка.

И все равно к концу осеннего триместра он попросил Луизу проверять студенческие работы. А в апреле – стать его помощницей на лето.

– Надеюсь, летом придут люди поумнее, – говорит теперь Луиза. – Несколько человек написали, что железная дорога Кейптаун – Каир – это в Европе. Казалось бы, в колледже учатся. Что у них такое с географией?

– Ну, у нас тут не Гарвард, – отвечает Джеймс. Складывает две кипы работ в одну, стучит ею о стол, подравнивает, словно карточную колоду. – Я вот думаю: может, все это зря.

– Если студенты не стараются, вы тут ни при чем. И они же не все безнадежны. Кое-кто написал на отлично. – Луиза хлопает веками, внезапно серьезнеет. – Ваша жизнь – не зряшная.

Джеймс имел в виду лишь вводный курс, лекции для студентов, которые год за годом не дают себе труда хотя бы в общих чертах выучить хронологию. Ей двадцать три, думает он, она ничего не знает о жизни – ни о зряшной, ни о какой. Но спасибо, что сказала.

– Замри, – говорит он. – У тебя что-то в волосах.

Волосы ее прохладны и влажноваты – еще не высохли после душа. Она замирает, глаза распахиваются, вперяются Джеймсу в лицо. Он думал, это лепесток, но нет. Божья коровка – семенит на желтых ножках-ниточках, повисает вниз головой на его ногте.

– Май на дворе, деваться некуда от этих тварей, – раздается голос в дверях. Джеймс поднимает голову – в дверь сунулся Стэнли Хьюитт. Джеймсу он не нравится: румяный окорок, а не человек, с Джеймсом говорит громко и медленно, словно тот туговат на ухо, и сыплет дурацкими анекдотами про то, как Джордж Вашингтон, Баффало Билл и Спиро

Агню^[4] заходят в бар.

– Ты чего-то хотел, Стэн? – Джеймс так и сидит, наставив два пальца на Луизино плечо, будто пистолет изображает; он смущается и роняет руку.

– Хотел спросить про письмо декана, – отвечает Стэн, помахав копией с мимеографа. – Извините, если помешал.

– Мне все равно уже пора, – говорит Луиза. – Приятного вам утра, профессор Ли. До завтра. И вам, профессор Хьюитт.

Она прошмыгивает мимо Стэнли в коридор, Джеймс видит, что она краснеет, и его самого бросает в жар. Стэнли присаживается на угол стола.

– Симпатичная девчонка, – говорит он. – И летом тебе ассистирует, нет?

– Да.

Джеймс раскрывает ладонь – божья коровка сползает с ногтя, бродит по пальцу, нарезает круги и завитки. Хочется впечатать кулак прямо в ухмылку Стэнли, чтоб эти косоватые зубы рассекли кожу. Но Джеймс лишь большим пальцем давит божью коровку. Панцирь щелкает, как попкорн, и насекомое рассыпается в прах цвета серы. Стэнли водит пальцем по корешкам книг. Позже Джеймс затоскует по этому безмятежному неведению, по этой последней секунде, когда Стэнова усмешка была самой серьезной его проблемой. Но сейчас звонит телефон, и Джеймс так рад отвлечься, что не сразу различает тревогу в голосе Мэрилин.

– Джеймс? – говорит она. – Приезжай домой, пожалуйста.

Подростки, сообщают им полицейские, сплошь и рядом уходят из дома, ни слова не сказав. Очень часто девушки злятся на родителей, а те ни сном ни духом. Нэт наблюдает, как полицейские бродят по сестриной спальне. Думал, будут перьевые метелки и тальк, собаки-ищейки, лупы, но полицейские просто *смотрят* – на плакаты, приклеенные над столом, туфли на полу, приоткрытый школьный рюкзак. Тот, что помоложе, кладет руку на круглую розовую крышку духов Лидии, словно младенческую головку ладонью обнимает.

Обычно такие случаи, говорит им полицейский постарше, проясняются сами собой за сутки. Девушки возвращаются.

– Это что значит? – спрашивает Нэт. – Что значит *обычно*? Это что значит?

Полицейский смотрит вверх бифокальных очков.

– В подавляющем большинстве случаев, – говорит он.

– Восемьдесят процентов? – спрашивает Нэт. – Девяносто? Девяносто пять?

– Нейтан, – говорит Джеймс. – Хватит. Пусть офицер Фиск работает.

Полицейский помоложе записывает в блокнот личные данные: Лидия Элизабет Ли, шестнадцать, в последний раз видели в понедельник, 2 мая, цветастое платье с воротником-хомутом, родители – Джеймс и Мэрилин Ли. Тут Фиск вглядывается в Джеймса – в голове у полицейского всплывает воспоминание.

– Ваша супруга тоже ведь как-то раз пропадала? – спрашивает он. – Я помню это дело. В шестьдесят шестом, если не ошибаюсь.

Загривок Джеймсу окатывает жаром – за ушами словно пот течет. Теперь Джеймс рад, что Мэрилин дежурит у телефона внизу.

– Это было недоразумение, – чопорно отвечает он. – Мы с женой друг друга недопоняли. Семейное дело.

– Ясно.

Фиск тоже вытаскивает блокнот, делает пометку, а Джеймс согнутым пальцем постукивает по углу дочериного стола.

– Еще что-нибудь?

В кухне полицейские листают семейные альбомы, ищут четкий портрет.

– Этот, – говорит Ханна и тычет пальцем.

Снимали прошлым Рождеством. Лидия куксилась, а Нэт пытался ее развеселить, через объектив шантажом выманить улыбку. Не вышло. В кадре Лидия одиноко сидит под елкой, спиной к стене. Само лицо ее – вызов. Взгляд в упор, ни намек на профиль – мол, чего уставился? Нэту не видно границы между голубизной радужек и чернотой зрачков, глаза Лидии – как темные дыры в глянцевой бумаге. Забирая снимки из проявки, он пожалел, что запечатлел этот миг, эту суровость. Но теперь, глядя на фотографию в руке Ханны, не может не признать, что это настоящая Лидия – во всяком случае, вчера такой и была.

– Эту не надо, – говорит Джеймс. – Лицо не то. Люди решат, что она всегда так. Возьмите другую. – Он переворачивает страницы и выковыривает последнюю фотографию: – Вот эта лучше.

Ее шестнадцатый день рождения на той неделе. Лидия сидит за столом, растянула в улыбке напомаженные губы, лицо повернуто к камере, но глаза смотрят куда-то за белую рамку. Что там смешного? Нэт не помнит – то ли он ее рассмешил, то ли отец что-то сказал, то ли она смеется про себя неведомо над чем. Она похожа на рекламную фотомодел, неправдоподобно наслаждается жизнью: рот темен и резок, в тонкой руке застыло блюдце, на блюдце торт с блестящей глазурью.

Джеймс подталкивает фотографию через стол полицейским, а тот, что

помоложе, прячет снимок в коричневую папку и встает.

– В самый раз, – говорит он. – Сделаем листовку – на случай, если она завтра не вернется. Не волнуйтесь. Наверняка появится.

Изо рта у него летят брызги, и Ханна пальцем стирает слюнную крапинку со страницы альбома.

– Она бы не ушла просто так, – говорит Мэрилин. – А вдруг какой-то псих? Маньяк, похищает девочек? – Ее рука тянется к утренней газете, что так и лежит посреди стола.

– Постарайтесь успокоиться, мэм, – говорит Фиск. – Такого почти не случается. В подавляющем большинстве случаев... – Он косится на Нэта, прокашливается. – Девушки почти всегда возвращаются домой.

Полицейские уходят, а Мэрилин и Джеймс склоняются над листком бумаги. Полицейские посоветовали обзвонить друзей Лидии – вдруг кто-то знает, куда она подевалась. Вдвоем они составляют список. Пэм Сондерс. Дженн Питтмен. Шелли Брайерли. Нэт не вмешивается, хотя с этими девочками Лидия никогда не дружила. Они учатся с ней с детского сада, порой звонят, пронзительно хихикают, и Лидия кричит в трубку: «Я взяла». Иногда по вечерам она часами сидит в окне на лестничной площадке, с телефоном на коленях, зажав трубку плечом. Когда появляются родители, переходит на заговорщицкий шепот и накручивает провод на мизинец, пока они не уйдут. Потому-то они сейчас и пишут эти имена так уверенно.

Однако Нэт видит Лидию в школе – как она сидит в столовой и молчит, пока другие щебечут; как она тихо убирает тетрадь в рюкзак, едва у нее спишут домашку. После школы она идет к автобусу одна и молча подсаживается к Нэту. Как-то раз он не положил трубку, когда Лидия уже взяла, и никаких сплетен не узнал, лишь сестрин голос старательно перечислял задания – *прочесть акт I «Отелло», решить нечетные задачи в разделе 5*, – а потом в трубке щелкнуло и наступила тишина. Назавтра, когда Лидия висела на телефоне, Нэт взял другую трубку в кухне и услышал лишь тихий гудок. У Лидии никогда не было друзей, но родители не в курсе. Если отец интересуется: «Как дела у Пэм?» – Лидия отвечает: «Ой, прекрасно, в чирлидеры взяли», и Нэт не спорит. Поразительно, как невозмутимо ее лицо, как она врет и не краснеет.

Да только сейчас об этом не расскажешь. Нэт смотрит, как мать пишет имена на обороте старого чека, и когда она спрашивает: – Больше никого не знаете? – Нэт думает про Джека и отвечает «нет».

Всю весну Лидия увивалась за Джеком – или наоборот. Почти каждый день каталась на его «жуке», еле успевала домой к ужину, прикидывалась, будто прямиком из школы пришла. Очень внезапно случилась эта их

дружба – никак иначе Нэт ее называть не желает. Джек с матерью с первого класса жили на углу, и когда-то Нэту казалось, что они с Джеком могли бы подружиться. Не сложилось. Джек унизил его перед другими ребятами, посмеялся, когда мать Нэта пропала и Нэту казалось, что она больше не вернется. Кто бы говорил, размышляет сейчас Нэт, – Джек вообще безотцовщина. Когда Вулффы только приехали, все соседи шушукались: мол, Дженет Вулфф *разведенка*, в больнице ночами пропадает, а Джек растет что трава в поле. В то лето шушукались и о родителях Нэта – но его мать вернулась. А Джекова как была разведенкой, так и осталась. И Джек по-прежнему растет что трава в поле.

А теперь-то что? Вот только на прошлой неделе Нэт ездил по делам, а на обратном пути видел, как Джек выгуливает эту свою псину. Нэт обогнул озеро, уже сворачивал в тупик и тут заметил Джека на тропинке у берега. Его собака скакала впереди к дереву. Долговязый Джек был в застиранной футболке, нечесанные песочные кудри стояли дыбом. Когда Нэт проезжал, Джек, зажав сигарету в углу рта, еле-еле ему кивнул. Пожалуй, не столько поздоровался, сколько узнал. Псина посмотрела Нэту в глаза и непринужденно задрала лапу. И с этим вот Джеком Лидия якшалась всю весну.

Если сейчас об этом заикнуться, родители спросят: «А почему мы впервые об этом слышим?» И придется объяснять, что всякий раз, говоря: «Лидия у подруги, занимается» или «Лидия осталась после уроков подтянуть математику», он имел в виду: «Лидия с Джеком», или «Она катается с Джеком на машине», или «Она с Джеком невесть где». Хуже того: если помянуть Джека, придется признать то, чего признавать неохота. Что Джек вообще есть в жизни Лидии – и уже который месяц.

Мэрилин сидит против Нэта за столом, ищет телефоны в справочнике и читает вслух. Номера набирает Джеймс – размеренно, не спеша крутит диск одним пальцем. С каждым звонком голос у него все растеряннее. *Нет? Она ничего не говорила? У нее не было планов? Ага. Я понял. Ну что ж. Спасибо.* Нэт разглядывает волокнистый деревянный стол, открытый фотоальбом. От фотографии в альбоме осталась дыра – полиэтиленовое окошко с белой подкладкой. Мать ведет рукой по колонке телефонных номеров, пачкает палец серым. Ханна под столом вытягивает ногу и ступней касается ступни Нэта. Утешает. Нэт не поднимает головы. Закрывает альбом, а мать вычеркивает из списка очередное имя.

Позвонив по последнему номеру, Джеймс кладет трубку. Забирает у Мэрилин листок, вычеркивает Карен Адлер, и «К» распадается двумя аккуратными клиньями. Имя по-прежнему разборчиво. Карен Адлер.

Мэрилин не отпускала Лидию гулять по выходным, пока Лидия не доделает уроки, – а к тому времени от воскресенья обычно оставалась всего половина. И тогда Лидия порой встречалась с подругами в торговом центре, упрашивала отца ее подвезти: «Мы в кино пойдем. На “Энни Холл”^[5]. Карен хочет посмотреть, прямо *умирает*». Джеймс вынимал из бумажника десятку, толкал по столу, подразумевая: давай, иди, повеселись. А сейчас вспоминает, что никогда не видел билетных корешков, что воскресными вечерами Лидия всегда ждала его одна. Столько раз он останавливался под лестницей и улыбался, слушая полразговора, долетавшие с площадки: «Ой, вот это *точно*. А она что?» Но, как сейчас выяснилось, Лидия годами не звонила ни Карен, ни Пэм, ни Дженн. Джеймс вспоминает долгие вечера, когда они думали, что Лидия осталась в школе после уроков. Зияющие провалы – бог знает, где она была, что делала. Оказывается, пока размышлял, заштриховал Карен Адлер до полного небытия.

Он снова крутит телефонный диск:

– Офицера Фиска, будьте любезны. Да, это Джеймс Ли. Мы обзвонили всех, кто с Лидией... – Он осекается. – Всех ее школьных знакомых. Нет, ничего. Хорошо, спасибо. Да, непременно... Пошлют кого-то ее искать, – поясняет он, вешая трубку. – Сказали телефон не занимать – может, она позвонит.

Приходит и проходит час ужина, но еду невозможно даже вообразить. Еда – это для персонажей в кино, это так прелестно, так декоративно – поднести ко рту вилку. Какая-то бессмысленная церемония. Телефон молчит. В полночь Джеймс отправляет детей спать, они не спорят, но он стоит под лестницей, пока оба не разойдутся по комнатам.

– Спорим на двадцать баксов, что ночью Лидия позвонит, – бодро говорит он, слегка переигрывая. Никто не смеется. Телефон по-прежнему помалкивает.

Нэт уходит к себе и закрывает дверь. Его мучают сомнения. Охота отыскать Джека – вот кто наверняка знает, где Лидия. Но родители не спят, из дома не выберешься. Мать и так на пределе – вздрагивает всякий раз, когда врубается и вырубается холодильник. К тому же из окна видно, что у Вулффов темно. И пусто на дорожке, где обычно стоит серо-стальной «фольксваген-жук». Джекова мать, как водится, забыла включить свет на крыльце.

Сосредоточимся: странная была Лидия вчера? Нэт отсутствовал четыре дня – впервые в жизни четыре дня провел сам по себе, в Гарварде – в Гарварде! – куда уедет осенью. В последние дни перед подготовкой к

экзаменам («Две недели зубрим и балдеем», – пояснил Энди, у которого Нэт гостил) университет бурлил почти празднично. Все выходные Нэт ошалело бродил по кампусу и глядел во все глаза: каннелюры колонн громадной библиотеки, корпуса красного кирпича над сочной зеленью газонов, сладкий запах мела в аудиториях. Все куда-то спешили – целеустремленно, будто знали, что им уготовано достичь величия. В пятницу Нэт заночевал в спальнике у Энди на полу и проснулся в час ночи, когда Уэс, сосед Энди, явился с подружкой. Вспыхнул свет, и Нэт замер, таращась на дверь, где в ослепительной дымке проступали, рука в руке, высокий бородатый парень и девушка. Длинные рыжие волосы обнимали ее лицо волнами.

– Извиняюсь, – сказал Уэс, щелкнул выключателем, и Нэт услышал, как они на цыпочках крадутся через общую гостиную к Уэсу в спальню. Нэт не закрывал глаз, вновь привыкал к темноте и думал: «Вот, значит, каково в колледже».

Теперь Нэт вспоминает вчерашний вечер. Домой он приехал как раз к ужину. Лидия носа не казала из комнаты, и за ужином Нэт спросил, что нового было за эти дни. Она пожала плечами, пялясь в тарелку, на него толком и не взглянув, и Нэт решил, это означает *ничего нового*. Она хоть поздоровалась? Он не помнит.

У себя на чердаке Ханна свешивается с постели и из-под кровати выуживает книжку. Книга вообще-то Лидии – «Шум и ярость». Курс английского для старших классов. Не для пятиклассников. Ханна слямзила ее из спальни Лидии с месяц назад, а Лидия и не заметила. Две недели Ханна сквозь эту книгу продирается, каждую ночь по чуть-чуть, смакует слова, точно вишневую карамельку за щекой. Но сегодня книга какая-то не такая. Лишь вернувшись на страницу, где остановилась вчера, Ханна понимает. Прежде Лидия тут и там подчеркивала слова, корябала пометки на уроках. «Порядок против хаоса». «Упадок ценностей аристократического Юга». А отсюда и дальше книга нетронута. Ханна перелистывает до конца: ни пометок, ни каракулей, ни малейшая синева не разбавляет черноту. Ханна добралась туда, где остановилась Лидия, и читать дальше что-то не тянет.

Вчера ночью, лежа без сна, Ханна смотрела, как воздушным шаром по небу плавно дрейфует луна. Не видно, как движется, но если отвернуться, а потом посмотреть, заметно, что сдвинулась. Скоро, думала Ханна, луна наколется на силуэт большой ели на заднем дворе. Ждать пришлось долго. Уже почти уснув, Ханна услышала тихий стук и сначала подумала, что луна по правде наткнулась на дерево. Выглянула, но луна исчезла, почти

спряталась за тучку. Светящийся будильник показывал два часа ночи.

Ханна тихонько полежала, даже пальцами на ногах не шевеля, послушала. Кажется, стукнула парадная дверь. Ее заклинивает – надо бедром пихнуть, чтоб опустилась защелка. «Воры!» – подумала Ханна. Парадную лужайку перебежала одинокая фигура. Никакие не воры – просто в черноте убегает худая тень. Лидия? В голове вспыхнула картинка: жизнь без сестры. Ханне достанется лучший стул за столом, откуда видны сиреневые заросли во дворе, и большая спальня внизу, по соседству с остальными. За ужином ей первой будут накладывать картошку. С ней будет шутить отец, секретничать брат, мама подарит ей самые ласковые свои улыбки. Потом силуэт выбежал на улицу, исчез, и Ханна уже сомневалась, что и впрямь его видела.

А теперь она смотрит в путаную книжку. Это Лидия была, теперь-то Ханна уверена. Рассказать кому? Мама расстроится, что Ханна вот так взяла и упустила ее любимицу Лидию. А Нэт? Ханна вспоминает, как Нэт сегодня весь вечер супил брови, грыз губу прямо до крови и сам не замечал. Он тоже рассердится. Скажет: «А что ж ты ее не догнала, не привела назад?» Но я же не знала, куда она идет, шепчет Ханна в темноту. Я не знала, что она по правде уходит.

Утром в среду Джеймс опять звонит в полицию. Есть новости? Все версии проверяются. Ну что-нибудь им скажут, хоть что-нибудь? По-прежнему исходим из того, что Лидия вернется сама. Полиция выясняет обстоятельства и, разумеется, будет держать семью в курсе.

Джеймс выслушивает все это и кивает, хотя Фиску не видно. Вешает трубку, откидывается на спинку стула, не смотрит на Мэрилин, на Нэта, на Ханну. Незачем объяснять: они по его лицу понимают, что новостей нет.

Можно только ждать – все остальное как-то неприлично. Дети прогуливают школу. Телевизор, журналы, радио – пред лицом их страха все это чересчур легкомысленно. За окном солнце, воздух прохладен и свеж, но никто не предлагает перейти на веранду или во двор. Даже прибираться не с руки: вдруг пылесос засосет улику, вдруг, если поднять и поставить на полку упавшую книжку, уничтожишь подсказку? И вся семья ждет. Сгрудились за столом, боятся смотреть друг другу в глаза, разглядывают деревянные волокна столешницы – словно гигантский отпечаток пальца, карту, по которой отыщется потерянное.

Лишь за полдень в среду какой-то прохожий замечает гребную лодку посреди застывшего озера. Много лет назад, когда еще не построили водокачку, озеро было городским водохранилищем, а теперь обросло травянистой щетиной, и летом в нем купаются. Дети ныряют с деревянного

причала, а по случаю дней рождения и пикников смотритель отшвартовывает лодку. Никому ничего такого и в голову не приходит: подумаешь, развязавшийся канат, безобидный розыгрыш. Есть дела поважнее. Велят патрульному проверить, пишут жалобу уполномоченному по паркам. Лишь на исходе среды, уже ближе к полуночи, лейтенант прикидывает, что не доделали за день, в мозгу у него щелкает, он звонит семейству Ли и интересуется, не играла ли Лидия с лодкой на озере.

– Ни в коем случае, – отвечает Джеймс.

В Ассоциации молодых христиан Лидия отказалась, *наотрез* отказалась учиться плавать. Джеймс в юности занимался плаванием, Нэта научил в три года, а с Лидией опоздал. Ей уже было пять, когда он впервые привел ее в бассейн, забрел туда, где помельче, ему едва до пояса, и стал ждать. Лидия не пожелала даже подойти к воде. Легла у бортика, зарыдала, и в конце концов Джеймс выволокся из бассейна – с плавков течет, выше пояса сухо – и пообещал, что не заставит ее прыгать. Даже теперь, хотя озеро в двух шагах, Лидия летом заходит лишь по щиколотку, ноги помыть.

– Ни в коем случае, – повторяет Джеймс. – Лидия не умеет плавать. – И, складывая эти слова, соображает, почему его спрашивают. Он еще не договорил, а всю семью уже пробирает мороз, будто они прекрасно знают, что обнаружит полиция.

Лишь рано утром в четверг, вскоре после рассвета, озеро тралят и находят Лидию.

Два

С чего началось? С матерей и отцов, как водится. С матери и отца Лидии, с матерей и отцов ее матери и отца. С того, что давным-давно мать Лидии пропала, а отец вернул ее домой. С того, что мать Лидии больше всего на свете хотела быть особенной; с того, что отец Лидии больше всего на свете хотел быть как все. А невозможно оказалось и то и другое.

В 1955-м, на первом курсе в Рэдклиффе, Мэрилин подала заявку на вводный курс физики, а ее консультант глянул в расписание и замялся. Толстяк в твиде и с малиновой бабочкой, на столе – темно-серая шляпа полями вниз.

– Зачем вам физика? – спросил он, и она застенчиво объяснила, что хочет стать врачом. – Не медсестрой? – усмехнулся он. Из папки достал ее школьный аттестат, почитал. – Тэк-с, – сказал он. – Я вижу, в школе у вас по физике прекрасные оценки.

У Мэрилин была лучшая оценка в классе, все контрольные писала с блеском – обожала физику. Но ему-то откуда знать. В аттестате написано «отлично», и все. Она затаила дыхание – а вдруг он скажет, что физика слишком сложная, возьмите лучше английский какой-нибудь или историю. Мэрилин уже заготовила отповедь. А он сказал:

– Ну хорошо – может, вам химию взять? Если справитесь? – И поставил подпись в ее расписании, и отдал ей, вот так запросто.

Но в лаборатории она оказалась единственной девушкой в обществе пятнадцати парней. Преподаватель поцокал языком и сказал:

– Мисс Уокер, вы уж заплетите свои золотые кудри.

– Разжечь тебе горелку? – спрашивал кто-нибудь. – Давай я тебе банку открою.

На второй день она разбила мензурку, и трое парней ринулись на помощь.

– Осторожно, – сказали, – лучше давай мы.

Вскоре стало ясно, что все начинается с этого «лучше». «Лучше давай мы тебе кислоту отмерим», «Лучше отойди – сейчас хлопнет». На третий день она решила показать им, что к чему. Нет, спасибо, отвечала она, когда они предлагали за нее сделать пипетки, и прятала улыбку, когда они смотрели, как она плавит стеклянные колбы над бунзеновой горелкой и растягивает, как ириски, в идеальные пипетки. Однокурсники обливались растворами, в лабораторных халатах прожигали дыры до пиджаков, но

Мэрилин отмеряла кислоты недрогнувшей рукой. Ее растворы никогда не выплескивались на стол, булькая, точно содовые вулканы. Она получала самые точные результаты, писала самые доскональные лабораторные отчеты. В середине триместра сдала экзамены лучше всех, и преподаватель перестал ухмыляться.

Она всегда любила вот так удивлять. В десятом классе пришла к директору и попросила заменить ей домоводство на мастерскую. На дворе был 1952 год, в Бостоне едва приступили к созданию таблетки, которая изменит жизнь женщин навеки, – но девочки по-прежнему ходили в школу в юбках, и для Вирджинии просьба Мэрилин была радикальным выступлением. Домоводство обязательно для всех десятиклассниц, а в старшей школе имени Патрика Генри^[6] преподавала его только Дорис Уокер, мать Мэрилин. Та попросилась на уроки труда к мальчишкам. Это ведь тот же урок. Расписание не пострадает. Директор мистер Толливер давно ее знал: Мэрилин уже пятый год лучшая в классе (среди мальчиков и девочек), ее мать работает в школе много лет. Пока она произносила свою речь, он кивал и улыбался. Затем покачал головой.

– Простите, – сказал. – Мы не можем ни для кого сделать исключение, а то все захотят. – Увидев, какое у Мэрилин лицо, похлопал ее по руке. – С некоторыми инструментами в мастерской вам будет тяжело, – пояснил он. – И, честно говоря, мисс Уокер, такая девушка будет очень отвлекать парней.

Она понимала, что он хотел отвесить комплимент. Но еще понимала, что это не комплимент никакой. Улыбнулась, поблагодарила за то, что выслушал. Улыбалась притворно и ямочек на щеках не показала.

И побрела на домоводство, на задней парте перетерпела вступительную речь, которую мать толкала уже двенадцать лет, нетерпеливо побарабанила пальцами, слушая, как мать обещает научить девочек всему, что полагается знать *юной леди*, дабы вести дом. Можно подумать, иначе дом сорвется с поводка и сбежит. Мэрилин разглядывала соседок, подмечала, кто грызет ногти, у кого катышки на свитере, от кого пахнет сигаретой, тайком выкуренной на большой перемене. В классе напротив, через коридор, учитель труда мистер Лэндис показывал, как правильно держать молоток.

«Вести дом», – думала Мэрилин. Каждый день наблюдала, как одноклассницы, в наперстках что безрукие, сосут кончики ниток, щурятся, ища игольное ушко. Размышляла о том, как мать упрямо переодевается к ужину, хотя мужа больше нет – некого ослеплять свежим личиком и накрахмаленным домашним платьем. Когда отец ушел, мать и взялась

преподавать. Мэрилин было три года. Самое отчетливое воспоминание об отце – прикосновение и запах: отец подхватывает Мэрилин на руки, его щетина колет щеку, в носу пощипывает от его «Олд спайса». Как отец ушел, Мэрилин не помнила, но знала, что ушел. Все знали. А теперь более или менее забыли. Те, кто этого не застал, считали, что миссис Уокер вдова. Мать об этом не поминала. По-прежнему пудрила нос после стряпни и перед едой, по-прежнему красила губы, спускаясь готовить завтрак. Значит, не просто так это называется «вести дом», думала Мэрилин. Может и убежать. На контрольной по английскому написала: «Ирония – противоречивый исход событий, будто насмехающийся над стройностью мира и надеждами» – и получила «отлично».

Она запутывала нить в швейной машинке. Резала выкройку, не разворачивая, – выходили бумажные кружева. Ее молнии выдирались из платьев. Она замешивала яичную скорлупу в тесто для оладий, в бисквите заменяла сахар на соль. Как-то раз оставила включенный утюг на доске – получилось черное пятно, а также клубы дыма и дождик из системы пожаротушения. В тот вечер за ужином мать доела картошку и аккуратно скрестила нож и вилку на пустой тарелке.

– Я понимаю, что ты пытаешься доказать, – сказала мать. – Но если это не прекратится, я тебя не аттестую, так и знай. – А затем собрала тарелки и отнесла в раковину.

Мэрилин не встала из-за стола помочь, хотя обычно помогала. Смотрела, как мать завязывает оборчатый передник, как пальцы ловко затягивают узел. Вымыв последнюю тарелку, мать сполоснула руки и капнула на них лосьоном из флакона у раковины. Подошла к столу, смахнула волосы с лица Мэрилин и поцеловала ее в лоб. Материны руки пахли лимоном. Губы были сухи и теплы.

До конца своих дней Мэрилин вспоминала мать в эту минуту. Мать, которая никогда не выезжала из родного города в восьмидесяти милях от Шарлоттсвилла, не выходила из дома без перчаток и ни разу не отправила дочь в школу без горячего завтрака. Мать, которая после ухода мужа не заговорила о нем ни единожды и воспитывала Мэрилин одна. А когда Мэрилин получила стипендию в Рэдклиффе, долго-долго обнимала дочь и шептала: «Я так тобой горжусь. Ты не представляешь. – Затем ослабила объятия, заглянула Мэрилин в лицо, заправила волосы ей за уши и прибавила: – Между прочим, познакомишься там с прекрасными гарвардскими мужчинами».

И до конца дней Мэрилин терзалась, что мать оказалась права. Мэрилин одолела химию, основным курсом взяла физику, один за другим

вычеркивала пункты из списка требований медицинского факультета. Соседка в общаге накручивала волосы на бигуди, мазала щеки кольдкремом и отправлялась на боковую, а Мэрилин допоздна сидела над учебниками, глотала крепчайший чай и взбадривалась, воображая себя в белом халате – как она кладет прохладную руку на горячий лоб пациента, приставляет стетоскоп к его груди. Что может быть дальше от материнской жизни, где аккуратно подшить подол – похвальное достижение, а удалить свекольное пятно с блузки – повод для торжества? Нет, Мэрилин будет притуплять боль, останавливать кровотечения и вправлять кости. Спасать жизни. Но в итоге материны предсказания сбылись: Мэрилин познакомилась с мужчиной.

Случилось это в сентябре 1957-го, на третьем курсе. Мэрилин сидела на задах многолюдной аудитории. Весь Кембридж задыхался и потел, ждал, когда его начисто отмоет осенняя свежесть. Курс был новый – «Ковбой в американской культуре», – и туда валили валом: по слухам, на дом зададут смотреть по телевизору «Одинокого рейнджера» и «Дымок из ствола»^[7]. Мэрилин полезла в папку за листком, и тут аудиторию снежной пеленой заволокла тишина. Мэрилин посмотрела, как преподаватель шагает к кафедре, и поняла, отчего все онемели.

В каталоге курсов преподаватель значился как «Джеймс П. Ли». Учится на четвертом курсе аспирантуры – больше о нем никто ничего не знал. Мэрилин всю жизнь прожила в Вирджинии, и «Ли» виделся ей мужчиной определенного типа – Ричард дом Генри каким-нибудь или Робертом Э^[8]. Ну да, она, как и все, думала, что он ходит в песочном блейзере, говорит с оттяжкой и может похвастаться предками с Юга. Человек, который раскладывал бумаги на кафедре, был моложав и худ, но тем его сходство с нафантазированным портретом и ограничивалось. *Азиат*, подумала Мэрилин. Она еще никогда не видела азиатов живьем. Одет как гробовщик: черный костюм, черный галстук тугим узлом, рубашка белая, аж светится. Волосы гладко зачесаны назад, разделены безупречным бледным пробором, но на затылке пером индейского вождя дыбится вихор. Заговорив, профессор Ли огладил его ладонью, и кто-то фыркнул.

Может, профессор и услышал, но виду не подал.

– Добрый день, – сказал он.

Записал на доске свое имя, и Мэрилин затаила дыхание. Ясно, как смотрят на него остальные, о чем думают. И этот человек нас учит? Недомерок, пять футов девять дюймов от силы, даже не *американец* – и он

нам тут будет рассказывать про ковбоев? Она видела, как тонка его шея, как гладки щеки. Мальчишка, переодетый во взрослое. Мэрилин зажмурилась и взмолилась, чтобы лекция прошла хорошо. Тишина набухла тугим мыльным пузырем – вот-вот лопнет.

Кто-то сунул Мэрилин через плечо кипу мимеографированных программ курса, и она вздрогнула. Взяла верхнюю, остальное передала дальше, а профессор Ли между тем снова заговорил.

– Образ ковбоя, – сказал он, – существует дольше, чем нам представляется.

Ни намек на акцент. Мэрилин медленно выдохнула. Откуда он такой взялся? Говорит совсем не так, как изображают китайцев: *плостите, нету стилки*. Вырос в Америке? Спустил десять минут в аудитории зашуршали и забубнили. Мэрилин проглядела свои заметки: «переживал многочисленные трансформации во все эпохи американской истории», «якобы дихотомия между бунтарем против общества и воплощением наитипичнейших американских ценностей». Просмотрела программу. Десять обязательных к прочтению книг, в середине триместра экзамен, три письменные работы. Ее однокурсники ждали иного. Девушка с краю сунула учебник под мышку и выскользнула за дверь. Следом – две девицы, сидевшие за ней. После этого ручеек не ослабевал, раз в пару минут уходили еще несколько студентов. Впереди один встал и прошел наискось мимо кафедры. Последними уходили трое парней из заднего ряда. Пробираясь мимо опустевших кресел, они хмыкали и шептались, ляжками тихонько стучались о подлокотники – пум, пум, пум. Закрывая за собой дверь, один заорал: «Йиппи-кай-эй!» – заглушив даже лектора в аудитории. Остались всего девять студентов – все прилежно склонились над тетрадками, но у всех краснели щеки и уши.

Мэрилин тоже кровь бросилась в лицо, и смотреть на профессора Ли она не решалась. Уставилась в свои записи и ребром ладони подперла лоб, словно закрывалась от солнца.

Но когда все же глянула, профессор Ли взирал с кафедры так, будто ничего не произошло. Будто не замечал, что его голос теперь отдается эхом в почти пустой аудитории. Лекцию дочитал за пять минут до перемены и сказал:

– Я у себя в кабинете до трех.

Устремил взгляд в пустоту, к далекому горизонту, и Мэрилин заерзала, точно он поглядел на нее в упор.

Он собрал свои конспекты и вышел, и в этот последний миг по

затылку у Мэрилин пробежал холодок, и вот поэтому-то после лекции она и направилась к профессору Ли в кабинет. На истфаке царила библиотечная тишина; неподвижная, слегка пыльная прохлада. Профессор сидел за столом, головой прислонившись к стене, и читал утреннюю «Кримсон». Пробор у него размылся, а вихор опять встал торчком.

– Профессор Ли? Я Мэрилин Уокер. Я, это, сейчас у вас на лекции была? – Хвостик голоса нечаянно задрался вопросительным знаком. «Я тут как девчонка, – подумала Мэрилин. – Глупая, безмозглая, пустоголовая девчонка».

– Так? – Головы он не поднял.

Мэрилин потеряла верхнюю пуговицу на кофте.

– Я хотела уточнить. Как вы думаете, я справлюсь с вашим курсом?

Он все равно не поднял головы.

– У вас основной предмет – история?

– Нет. Физика.

– Четвертый курс?

– Нет. Третий. Я иду на медицинский. История... в общем, не моя область.

– Ну, – сказал он, – честно говоря, не предвижу никаких затруднений. Если, конечно, решите продолжить.

Он согнул газету – за ней оказалась кофейная кружка. Он отпил и расправил газету снова. Мэрилин сжала губы. Ясно, что аудиенция окончена, надо развернуться, выйти в коридор, оставить профессора Ли в покое. Но она ведь зачем-то сюда явилась, хоть и не понимала зачем, а потому выпятила подбородок и придвинула стул к столу.

– Вы в школе любили историю?

– Мисс Уокер, – произнес он, наконец на нее посмотрев, – вы зачем пришли?

Она увидела его лицо вблизи, прямо через стол. И в самом деле молод. На несколько лет старше нее, еще тридцати, пожалуй, нет. Кисти широкие, пальцы длинные. Без колец.

– Я просто хотела извиниться за мальчиков, – выпалила Мэрилин и сообразила, что за этим-то и пришла. Он слегка задрал брови, и она расслышала то же, что он, – это опошляющее «мальчики». *Что поделаеть, мальчики есть мальчики.*

– Они ваши друзья?

– Нет, – обиделась Мэрилин. – Нет, просто идиоты.

Тут он рассмеялся, и она тоже. У глаз его собрались крохотные морщинки, а когда разгладились, лицо переменилось, смягчилось, стало

настоящим. Глаза у него оказались карие, а не черные, как Мэрилин почудилось в аудитории. До чего тощий, до чего плечистый, как пловец, и кожа цвета чая, выгоревшей на солнце палой листвы. Мэрилин никогда таких не встречала.

– Это, наверное, постоянно бывает, – тихо сказала она.

– Не знаю. Это моя первая лекция. Дали провести один курс на пробу.

– Ой.

– Ничего. Вы же вот досидели до конца, – ответил он.

Оба уронили взгляд – он на опустевшую кружку, она на пишмашинку и ровную пачку копирок у края стола.

– Палеонтология, – сказал затем профессор Ли.

– Что?

– Палеонтология. Мой любимый предмет был палеонтология. Хотел откапывать окаменелости.

– Но это, в общем, тоже история, – сказала она.

– Пожалуй.

Он ухмыльнулся в кружку, а Мэрилин нагнулась и поцеловала его через стол.

В четверг, на следующей лекции, Мэрилин села сбоку. Не подняла глаз, когда вошел профессор Ли. Аккуратно поставила дату в углу страницы, нарисовала скромную «с» в «сентябре», четкую горизонтальную крышку над «т». Едва он заговорил, щеки у нее вспыхнули, точно их летним солнцем жажнуло. Наверняка она красная как свекла, пылает как маяк – но когда она в конце концов скосила глаза на соседей, те сосредоточенно слушали. Народу пришло мало, все черкали в тетрадках или смотрели вперед. На Мэрилин – ноль внимания.

Поцелуй ее саму застал врасплох. Все равно что поймать летучий листик на ветру, перепрыгнуть лужу под дождем – просто порыв, бессмысленный и безвредный, поддаешься не задумываясь. Ничего подобного никогда не делала и не сделает, навеки будет удивлена и слегка ошарашена. Но в тот миг сознавала с ясностью, какой больше ей не выпадет, что это правильно, что этот человек должен быть в ее жизни. Что-то внутри подсказало: *Он понимает. Каково быть другим.*

Касание его губ напугало ее. На вкус он был как кофе, теплый и горьковатый, и к тому же ответил на поцелуй. Это тоже ее напугало. Точно он был готов заранее, точно не она это придумала, а они вместе. Когда они друг от друга оторвались, она так смутилась, что не могла взглянуть ему в глаза. Рассматривала свои коленки, мягкую клетчатую фланель юбки. Взмокшая комбинация сбилась и приклеилась к бедрам. Набравшись духу,

Мэрилин глянула на профессора Ли сквозь челку. А тот застенчиво посмотрел на нее из-под ресниц, и она увидела, что он не сердится, что щеки у него порозовели.

– Пойдемте отсюда, пожалуй, – сказал он, а она кивнула и взяла сумку.

Они молча шагали вдоль реки, мимо общежитий красного кирпича. Шла тренировка, гребцы в унисон сгибались и разгибались над веслами, лодка беззвучно скользила по воде. Мэрилин знала этих гребцов: они звали ее на вечеринки, в кино, на футбол; все на одно лицо – румяные блондины, каких она наблюдала всю школу, всю жизнь, привычные, как вареная картошка. Она им отказывала, чтобы дописать работу или почитать учебники, и они отправлялись обхаживать девушек в следующей комнате. С берега они казались безликими, безжизненными куклами. У пешеходного моста Мэрилин и Джеймс (она, впрочем, пока не смела так его про себя называть) остановились, она обернулась. И не профессор, а робкий, пылкий юнец потянулся к ее руке.

А что Джеймс? Он-то что думал? Он никогда ей не расскажет, сам себе не признается: на первой лекции он вовсе ее не заметил. Смотрел ей прямо в лицо, разглагольствуя о Рое Роджерсе, Джине Отри и Джоне Уэйне^[9], но не узнал, когда она пришла в кабинет. Очередное миленькое бледненькое личико в череде неразличимых лиц. Он так этого толком и не поймет, но вначале он потому ее и полюбил: она замечательно сливалась с обстановкой, была абсолютно, совершенно в своей тарелке.

Всю вторую лекцию Мэрилин вспоминала запах его кожи, чистый и резкий, как воздух после грозы, и его руки у нее на талии; от воспоминаний горели даже ладони. Наблюдала сквозь пальцы, как он стучит по кафедре кончиком шариковой ручки, как расчетливым щелчком переворачивает страницу конспектов. И смотрит куда угодно, только не на Мэрилин. Час истек, но она не спешила: неторопливо складывала бумаги в папку, совала карандаш в карман. Однокурсники, торопясь на следующую лекцию, протискивались мимо, пихая ее сумками. Джеймс сложил бумаги, отряхнул ладони, оставил кусочек мела на полочке под доской. Мэрилин сложила книги, взяла под мышку, шагнула к двери. Он не поднимал глаз, но едва ее пальцы коснулись дверной ручки, окликнул:

– Одну секунду, мисс Уокер. – И внутри у нее екнуло.

Аудитория уже опустела. Мэрилин, дрожа, прислонилась к стене, а он защелкнул портфель и спустился с кафедры. Мэрилин вцепилась в дверную ручку, чтобы не упасть и не улететь. Он приблизился – но он не улыбался.

– Мисс Уокер, – повторил он, глубоко вздохнув, и Мэрилин сообразила, что и сама не улыбается.

Я ваш преподаватель, напомнил он ей. А вы моя студентка. Я как преподаватель злоупотребил бы своим положением, если бы (тут он опустил глаза, подергал ручку портфеля)...если бы у нас сложились отношения. Он не смотрел на Мэрилин, но она об этом не знала. Глядела себе под ноги, на потертые носы туфель.

В горле стоял ком – никак не сглотнуть. Она рассматривала серые царапины на черной коже и старалась взять себя в руки, вспоминала мать, ее кивки на знакомство с *гарвардским мужчиной*. «Ты сюда пришла не мужчину искать, – напомнила она себе. – Ты ищешь кое-что получше». Хотела разозлиться, но в горле распустилась жаркая боль.

– Я понимаю, – сказала она, наконец подняв голову.

Назавтра пришла к нему в рабочие часы и объявила, что отказалась от его курса. Через неделю они стали любовниками.

Всю осень провели вместе. Джеймс был серьезен, сдержан – она таких прежде не встречала. Он как будто смотрел пристальнее, обдумывал тщательнее, на полшага отступал. Лишь когда они встречались в его тесной кембриджской квартирке, он отбрасывал эту сдержанность – с яростью, от которой у Мэрилин занималось дыхание. Потом, свернувшись калачиком на постели, она ерошила ему волосы, от пота и так ершистые. В эти послеполуденные часы его словно отпускало, и ей нравилось, что происходит это, лишь когда рядом она. Они лежали, дремали и грезили до шести вечера. Затем Мэрилин через голову надевала платье, а Джеймс застегивал рубашку и причесывался. Вихор на затылке стоял дыбом, но Мэрилин Джеймсу не говорила – ей нравился этот намек на те его черты, которые видела она одна. Она целовала его и бежала в общагу, чтоб успеть до закрытия. Джеймс и сам уже не думал про вихор; когда Мэрилин уходила, он редко вспоминал, что надо глянуть в зеркало. Всякий раз, когда она целовала его, всякий раз, когда он распахивал объятия и она ластилась к нему, казался чудом. Сливаясь с нею, он чувствовал, что ему рады, что он дома, – с ним такое случилось впервые.

Он всегда был здесь чужим, хотя родился в Америке и больше нигде не бывал. Его отец приехал в Калифорнию под липовым именем, прикинувшись сыном соседа, иммигрировавшего за несколько лет до того. Америка – плавильный котел, но Конгресс, в ужасе от того, что расплавленная смесь в котле что-то чересчур пожелтела, запретил въезд китайцам. Впускали только детей тех, кто уже жил в Штатах. Поэтому отец Джеймса взял себе имя соседского сына, утонувшего в реке годом раньше, и переехал к «отцу» в Сан-Франциско. Такова была история почти любого китайского иммигранта со времен Честера А. Артура^[10] до конца Второй

мировой. Ирландцы, немцы и шведы толпились на палубах пароходов и махали, едва вдали показывался бледно-зеленый факел статуи Свободы, а кули попадали в страну всеобщего равенства другими путями. Те, кто добирался, потом навещали в Китае жен и всякий раз по возвращении праздновали рождение сына. Те, кто в родных деревнях мечтал об иной судьбе, брали себе имена этих мифических сыновей и отправлялись в долгую дорогу за море. Евреи из России, норвежцы и итальянцы на пароме приплывали с острова Эллис на Манхэттен и рассыпались по шоссе и железным дорогам, что вели в Канзас, Небраску и Миннесоту, а китайцы, обманом просочившиеся в Калифорнию, обычно не рыпались. Жизнь этих *бумажных сыновей* в чайнатаунах была тонка и рвалась легко. Имена у всех фальшивые. Все надеялись, что их не уличат и не вышлют. Все сбивались в кучу, чтобы не выделяться.

Но родители Джеймса предпочли рыпаться. В 1938-м, когда Джеймсу было шесть, отец получил письмо от бумажного брата – едва грянула Депрессия, тот уехал на восток искать работу. «Брат» писал, что его взяли смотрителем и разнорабочим в маленькую школу-пансион в Айове. А теперь его (настоящая, небумажная) мать заболела, он возвращается в Китай, и начальство спрашивает, нет ли у него надежных друзей на замену. Они тут любят китайцев, писал «брат», считают, что мы тихие, трудолюбивые и опрятные. Хорошая работа, весьма престижная школа. Жене, может, найдется место в школьной столовой. Интересует?

Джеймс не умел читать по-китайски, но на всю жизнь запомнил последний абзац этого письма – перьевой ручкой нацарапанную каллиграфию, над которой родители задумались. Для детей сотрудников, писал «брат», особые условия. Если сдадут вступительный экзамен, учатся бесплатно.

Работы толком не было, все ходили голодные, но из-за этого абзаца семейство Ли распродало мебель и поехало через полстраны с двумя чемоданами на троих. Пять «грейхаундов», четыре дня. Когда добрались, «дядя» Джеймса отвел их к себе на квартиру. Джеймс запомнил только его зубы – кривее, чем у отца, один повернут вбок, точно рисинка застряла и ждет зубочистки. На завтра отец надел лучшую рубашку, застегнул пуговицу на горле и вместе с другом отправился в Академию Ллойда. За полдня все устроилось: отец приступит на будущей неделе. Наутро мать надела лучшее платье и пошла в школу вместе с отцом. Вечером оба принесли домой темно-синие униформы с вышитыми новыми английскими именами: *Генри, Уэнди*.

Спустя несколько недель родители привели Джеймса на экзамен.

Человек с густыми, точно ватными седыми усами отвел его в пустой класс, дал экзаменационный бланк и желтый карандаш. Джеймс лишь годы спустя сообразил, до чего блестящая это была идея: ну какой шестилетка сумеет прочесть задания, а тем более сдать экзамен? Разве что учительский сын, если с ним занимались. Уж явно не сын привратника, или буфетчицы, или смотрителя. *Сторона квадратного поля сорок футов; какой длины забор вокруг поля? Когда открыли Америку? Какое из этих слов существительное? Посмотрите на эти фигуры – какой фигуры не хватает?* Извините, сказал бы затем директор. Ваш сын не сдал экзамен. Он недотягивает до наших требований. И можно не тратить на его обучение.

Вот только Джеймс все ответы знал. Он читал все газеты, какие под руку попадались; все книги, что отец покупал на библиотечных распродажах по пять центов за мешок. *Сто шестьдесят футов*, написал он. *В 1492 году. Автомобиль. Круг.* Дописал и отложил карандаш в выемку на парте. Усатый поднял голову лишь двадцать минут спустя.

– Уже закончил? – спросил он. – А что ж молчишь, сынок?

Он забрал карандаш и бланк, отвел Джеймса в кухню к матери.

– Я проверю и сообщу результаты на следующей неделе, – сказал усатый, но Джеймс и так знал, что его примут.

В сентябре он приехал в школу на грузовом «форде», который отцу дали на работе.

– Ты первый азиатский мальчик в Ллойде, – напомнил ему отец. – Покажи хороший пример.

В то первое утро Джеймс сел за парту, а его соседка спросила:

– Что у тебя с глазами?

Лишь расслышав ужас в голосе учительницы («Шёрли Байрон!»), Джеймс сообразил, что надо было смутиться; к следующему разу он выучил этот урок и, едва спросили, мигом покраснел. Всю неделю его разглядывали изо дня в день на каждом уроке: что за мальчик такой, откуда взялся? У него школьная сумка, школьная форма, но он не живет в пансионе вместе со всеми, и они таких никогда не видали. Временами отца вызывали смазать скрипящее окно, поменять лампочку, подтереть лужу. Джеймс, ежась на задней парте, видел, как одноклассники переводят взгляд с него на отца, и понимал, что они подозревают. Он сутулился, утыкаясь носом в учебник, пока отец не уходил. На второй месяц попросил у родителей разрешения ходить в школу и из школы самому. В одиночестве можно притвориться обычным учеником. Притвориться, будто в этой школьной форме он точно такой же, как все.

Двенадцать лет в Ллойде он провел чужаком. Там кого ни возьми – потомок первых колонистов, сенаторов или Рокфеллеров, но когда им задали составить генеалогическое древо, свою сложносоставную схему Джеймс рисовать не стал – сделал вид, что забыл. «Только не спрашивайте ни о чем», – про себя умолял он, когда учитель писал против его фамилии красный нолик. Джеймс составил себе программу изучения американской культуры: слушал радио, читал комиксы, откладывал карманные деньги на двойные киносеансы, учил правила новых настольных игр – на случай, если вдруг спросят: «Эй, слышал вчера Реда Скелтона?^[11]» – или «Сыгранем в “Монополию”?» – но никто никогда не спрашивал. В старших классах он не ходил на танцы, на собрания болельщиков перед матчами, на бал в одиннадцатом классе и в двенадцатом тоже. Девочки в лучшем случае молча улыбались ему в коридорах, в худшем – пялились, когда он шел мимо, и хихикали, едва он сворачивал за угол. Помимо неперменного официального портрета, в выпускном альбоме у Джеймса была одна-единственная фотография: все встречают президента Трумэна, и Джеймс выглядывает между казначеем класса и девушкой, которая впоследствии выйдет за бельгийского принца. Уши у него, в жизни вспыхнувшие розовым, на фотографии ненатурально темно-серые, а рот полуоткрыт, точно его застучали в чужом доме. Он надеялся, в колледже будет иначе. Но спустя семь лет в Гарварде – четыре студентом, три аспирантом, и это еще не конец – не изменилось ничего. Сам не сознавая причин, он взялся изучать нетипичнейшую американку, ковбоев, – и никогда не говорил ни о родителях, ни о прочей родне. Знакомых у него было мало, друзей – ни одного. Он по-прежнему ерзал, будто его вот-вот заметят и попросят уйти.

И когда осенью 1957 года Мэрилин, эта красавица с медовой шевелюрой, поцеловала его, наклонившись через стол, а потом очутилась в его объятиях и в его постели, Джеймс сам себе не поверил. В первый день в своей крошечной побеленной студии любовался, как безошибочно складываются их тела: ее нос гнездится в ямке меж его ключиц; выпуклость ее щеки вписывается в изгиб его шеи. Будто их отлили в одной изложнице. Он разглядывал ее, точно скульптор, кончиками пальцев обводил контуры ее бедер и икр. В любви ее волосы оживали. Золотая пшеница сгущалась янтарем. Эти волосы свивались и клубились, точно папоротниковые побеги. И ведь это Джеймс на нее так действовал. Поразительное дело. Она задремала в его объятиях, и волосы ее медленно распрямились, а потом проснувшись – и они вновь пошли волнами. В белой голой комнате заискрился ее смех; она болтала, еле успевая вдохнуть, и

руки ее порхали, пока Джеймс их не поймал, и они легли ему на ладони двумя теплыми птицами, а потом она снова притянула его к себе. Словно сама Америка его принимала. Не бывает такой удачи. Он страшился дня, когда вселенная заметит, что ему не полагается Мэрилин, и ее у него заберет. Или Мэрилин вдруг поймет свою ошибку и исчезнет из его жизни так же внезапно, как появилась. Со временем этот страх стал привычкой.

Джеймс по чуть-чуть менялся – старался, чтоб ей понравилось. Постригся, купил оксфордскую рубашку в синюю полоску – Мэрилин похвалила такую на прохожем. (Упрямый вихор торчал по-прежнему; впоследствии его унаследуют Нэт и Ханна.) Как-то раз в субботу, послушавшись Мэрилин, Джеймс купил два галлона бледно-желтой краски, сдвинул мебель в середину комнаты и расстелил на паркете брезент. Они красили один фрагмент, затем другой, и комната сияла все ярче, будто на стены ложились солнечные лучи. Докрасив, распахнули окна и устроились на кровати в центре. Квартирка была мала, до стен всего несколько футов, но в окружении сгрудившихся стульев, стола, кресла и комода Джеймс словно очутился на острове или плыл в открытом море. Мэрилин примостилась головой у него на плече; Джеймс поцеловал ее, и она руками обвила его шею, телом выгнулась ему навстречу. Еще одно крошечное чудо, всякий раз.

Проснувшись в сумерках, Джеймс заметил желтое пятнышко у нее на пальце ноги. Отыскал, где смазалось, когда Мэрилин во время любви задела стенку ногой, – пятно с монетку. Мэрилин он ничего не сказал, а вечером они расставили мебель по местам, и пятно спряталось за комодом. Всякий раз, глядя на комод, Джеймс радовался, будто сквозь сосновые ящички и сложенную одежду различал след, оставленный ее телом в его жилище.

На День благодарения Мэрилин в Вирджинию не поехала. Себе и Джеймсу сказала, что каникулы короткие, ехать далеко, но на самом деле понимала, что мать снова поинтересуется, не нарисовалось ли у Мэрилин каких *перспектив*, а что отвечать теперь – неясно. В общем, домой не наведальась, зато в тесной кухне у Джеймса запекла курицу, картофель кубиками и очищенный ямс на противне размером со стенографический блокнот – получился праздничный ужин в миниатюре. Джеймс сам не стряпал, обходился бургерами с «Кухни Чарли» и маффинами из «Хейс-Бикфорд» и взирал благоговейно. Мэрилин полила курицу жиром, глянула на Джеймса с вызовом, закрыла духовку, стянула с рук кухонные варежки и пояснила:

– Моя мать преподает домоводство. У нее в домашних богинях Бетти

Крокер^[12].

О матери она упомянула впервые. И таким тоном, будто это секрет – давно хранимый, а теперь осторожно, доверчиво открытый.

Хотелось ответить на ее доверие, на этот интимный дар. Джеймс однажды обмолвился, что его родители работали в школе, но не распространялся – надеялся, она решит, что *учителями*. Никогда не говорил, что школьная кухня была страной великанов, где все оптовых размеров – скатки фольги в милю длиной, банки майонеза, куда влезла бы его голова. Мать отвечала за уменьшение мира до приемлемых размеров: резала дыни на кубики не больше костяшек домино, раскладывала масло по блюдам с булочками. Джеймс никому не рассказывал, что другие кухарки фыркали, глядя, как мать заворачивает несъеденное и уносит с собой, а не выбрасывает; что дома они разогревали эти остатки в духовке. За едой родители его спрашивали. Что было на географии? Что было на математике? И он отвечал: «Монтгомери – столица Алабамы. У простых чисел только два делителя». Его ответов они не понимали, но кивали – радовались: Джеймс учит то, что им неизвестно. За беседой он крошил крекеры в сельдерейный суп или отклеивал вощенку от клина сырного бутерброда и замирал в смятении – я ведь это уже сегодня делал – и терялся: что мы повторяем – уроки или весь школьный день? В пятом классе он бросил говорить с родителями по-китайски – не хотел марать свой английский акцентом; задолго до того бросил разговаривать с родителями в школе. Он опасался делиться этим с Мэрилин: вдруг она разглядит в нем то, что он всю жизнь видел сам, – тощего изгоя, что питается объедками, повторяет заученные реплики и старается сойти за своего. Самозванца. Он боялся, что она уже не будет смотреть на него иначе.

– Мои родители умерли, – сказал он. – Когда я только в колледж поступил.

Мать умерла, когда он был на втором курсе, – у нее в мозгу распустилась опухоль. Отец ушел полгода спустя. Осложнения пневмонии, сказали врачи, но Джеймс знал правду: отец просто не хотел жить один.

Мэрилин не ответила, но руками обняла его лицо, и ее мягкие ладони отдавали жаром духовки. Коснулись щек мимолетно – тут загудел таймер, и Мэрилин отвернулась к плите, – но согрели Джеймса насквозь. Он вспомнил руки матери – в шрамах от паровых ожогов, в мозолях от чистки кастрюль, – и ему захотелось губами прижаться к нежной ямке, где у Мэрилин пересекались линии жизни и любви. Он пообещал себе, что никогда не позволит этим рукам загубеть. Мэрилин вынула из духовки

глянцевитую бронзовую курицу – Джеймс глаз не мог отвести. Такая ловкость, такая красота – под ее водительством бульон сгустился в подливу, под ударами вилки картошка вспухла ватой. Почти волшебство. Спустя несколько месяцев, поженившись, они уговорятся: пусть прошлое уплывает в прошлое, хватит задавать вопросы, станем смотреть в будущее, а в прошлое не оглянемся.

Весной Мэрилин строила планы на четвертый курс, а Джеймс дописывал диссертацию, еще не зная, возьмут ли его преподавать на исторический факультет. Вакансия была, заявку он подал, а декан профессор Карлсон намекнул, что Джеймс – самый выдающийся аспирант на своем курсе. Джеймс между делом проходил собеседования и в других местах – в Нью-Хейвене, в Провиденсе, на всякий случай. Но в глубине души не сомневался, что его наймет Гарвард.

– Карлсон почти прямым текстом обещал, что меня возьмут, – говорил он Мэрилин, когда об этом заходила речь. Мэрилин кивала, целовала его и гнала от себя мысли о том, что будет через год, когда она доучится и уедет на медицинский бог знает куда. Гарвард, считала она, загибая пальцы. Коламбия. Джонс Хопкинс. Стэнфорд. Каждый палец – шаг дальше.

А в апреле события удивили их обоих. Профессор Карлсон объявил, что ему очень, очень жаль расстраивать Джеймса, но на истфак он возьмет его однокурсника Уильяма Макферсона, и мы ведь прекрасно понимаем, что Джеймсу выпадет масса других возможностей много где.

– Они объяснили почему? – спросила Мэрилин, и Джеймс ответил:

– Сказали, что я их факультету не *соответствую*.

И больше она об этом не заговаривала.

А спустя четыре дня – сюрприз похлеще: Мэрилин была беременна.

В общем, вместо Гарварда – наконец-то поступившее и с облегчением принятое предложение из скромного Миддлвудского колледжа. Вместо Бостона – захолустный Огайо. Вместо медицинского факультета – свадьба. Все вышло не по плану.

– Ребенок, – снова и снова твердила Мэрилин Джеймсу. – Наш ребенок. Это гораздо лучше.

Ко дню свадьбы она будет всего на третьем месяце, еще ничего не видно. Себе Мэрилин говорила: «Ребенок подрастет – вернешься и доучишься последний курс». Пройдет почти восемь лет, прежде чем учеба вновь примет реальные, достижимые, подъемные очертания, но этого Мэрилин не знала. Оформив бессрочный отпуск, она вышла из кабинета декана, не усомнившись, что мечты – медицинский факультет, врачебное дело, новая серьезная жизнь – послушной дрессированной собакой ждут ее

возвращения. И все же, когда в вестибюле общежития она диктовала оператору в трубку материн номер, в голосе с каждой цифрой нарастала дрожь. Мать наконец подошла к телефону, и Мэрилин забыла поздороваться. Сразу выпалила:

– Я выхожу замуж. В июне.

Мать помолчала.

– Кто он?

– Его зовут Джеймс Ли.

– Студент?

Мэрилин бросило в жар.

– Он дописывает диссертацию. По американской истории. – Помялась и в итоге выдала полуправду: – Гарвард подумывает осенью его нанять.

– А, преподаватель. – Тут материн голос оживился: – Деточка, я так за тебя рада. Жду не дождусь, когда познакомишь.

Какое счастье. Мать не расстроилась, что Мэрилин бросает учебу. Ну правильно – с чего бы? Материнские надежды сбылись – дочь познакомилась с чудесным гарвардским мужчиной. Мэрилин зачитала по бумажке: пятница, 13 июня, одиннадцать тридцать, у мирового судьи; потом обед в «Паркер-хаус».

– Будет скромно. Только мы, ты и кое-какие наши друзья. Его родители умерли.

– Ли, – протянула мать. – Не родня каким-нибудь нашим знакомым?

Тут до Мэрилин дошло, что мать вообразила. 1958 год: в Вирджинии – да что там, в половине штатов – их свадьба противозаконна. Даже в Бостоне прохожие порой косились неодобрительно. Волосы у Мэрилин уже не белые, как в детстве, но светлые, и контраст бросается в глаза, когда ее блондинистая голова склоняется к чернильно-черной голове Джеймса в кинотеатре, или на скамейке в парке, или у прилавка в кафетерии «Уолдорф». По лестнице сбежала стайка рэдклиффских студенток, некая девица топчется поблизости, ждет очереди к телефону, остальные толпятся у зеркала, пудрят носы. Одна всего неделю назад прослышала о замужестве Мэрилин и зашла к ней «посмотреть, неужто это правда».

Мэрилин стиснула трубку, прижала ладонь к животу и как можно любезнее ответила:

– Не знаю, мама. Спроси его сама.

И мать приехала – впервые пересекла границу Вирджинии. Поджидая поезд на вокзале вместе с Джеймсом, который явился прямо с выпускной церемонии, Мэрилин уговаривала себя: мать все равно приехала бы, даже если б я сказала. Мать сошла на перрон, заметила Мэрилин, сверкнула

улыбкой – невольной, гордой, – и на миг Мэрилин поверила безоглядно. Конечно, приехала бы. А затем улыбка мигнула, точно вспышка статики. Взгляд заметался между дородной блондинкой слева от дочери и тощим азиатом справа – мать поискала хваленного Джеймса, не нашла. Затем поняла. Спустя считанные секунды пожала Джеймсу руку, сказала, что очень-очень счастлива познакомиться, и разрешила взять ее багаж.

Вечером Мэрилин ужинала вдвоем с матерью, и о Джеймсе та не заговаривала до самого десерта. Мэрилин знала, о чем ее спросят (*Почему ты его любишь?*), и собиралась с духом. Но мать об этом не спросила, даже не помянула о любви. Проглотила кусок пирожного, посмотрела на дочь через стол и сказала:

– Ты уверена, что ему не просто вид на жительство нужен?

Мэрилин не хватило сил взглянуть ей в глаза. Она смотрела на материны руки, крапчатые, невзирая на перчатки и лимонный лосьон, на вилку, зажатую в пальцах, на крошку, повисшую на зубце. Меж бровей у матери проступила морщинка, словно по лбу полоснули ножом. Спустя многие годы Ханна заметит такой же след ужасной тревоги у своей матери, но не узнает, откуда он взялся, а Мэрилин ни за что не признает сходства.

– Он родился в Калифорнии, мама, – произнесла она, а мать отвела взгляд и промокнула рот салфеткой, оставив на льне два красных пятна.

Утром в день свадьбы, пока ждали в суде, мать теребила застежку сумки. Приехали почти часом раньше: а вдруг пробки, а вдруг не будет парковки, а вдруг пропустят назначенное время? Джеймс надел новый костюм и то и дело охлопывал нагрудный карман – сквозь темно-синюю шерсть щупал, не потерялись ли кольца. Такой робкий, нервозный жест – Мэрилин хотелось поцеловать Джеймса тут же, у всех на глазах. Через двадцать пять минут она станет его женой. Тут мать шагнула ближе и взяла ее за локоть – стиснула будто клещами.

– Пойдем, тебе надо губы подмазать, – сказала она, подталкивая дочь к женской уборной.

Можно было догадаться, что грядет. Все утро мать роптала. Платье у Мэрилин не белое, а кремовое. Совсем не подвенечное, слишком простенькое, только *медсестры* так одеваются. И почему дочь не хочет венчаться? В округе полно церквей. Какая отвратительная погода в Бостоне; отчего в июне так пасмурно? Маргаритки – не свадебный цветок; почему не розы? И куда Мэрилин *торопится*, зачем ей взбрело замуж сию минуту, почему нельзя чуточку подождать?

Лучше бы говорила гадости. Лучше бы не чинясь облила Джеймса грязью – мол, коротышка, или бедняк, или недотепа. Но мать лишь

твердила снова и снова:

– Так нельзя, Мэрилин. Ты же сама понимаешь, что так нельзя. – Не поясняя, как именно – *так*. И неназванное *так* повисло в воздухе.

Мэрилин прикинулась глухой и вынула помаду из сумки.

– Ты передумаешь, – сказала мать. – Ты еще пожалеешь.

Мэрилин выкрутила помаду из тюбика, склонилась к зеркалу, и тут мать вцепилась ей в плечи – внезапно, отчаянно. И во взгляде ужас, будто Мэрилин бежит вдоль обрыва над бездной.

– Подумай о детях, – сказала мать. – Где вам жить? Вы же везде чужие. Ты всю жизнь будешь раскаиваться.

– Хватит! – рявкнула Мэрилин и кулаком грохнула о раковину. – Это моя жизнь, мама. Моя. – Она вырвалась, помада отлетела и ускакала по плиткам. У матери на рукаве осталась длинная красная полоса – Мэрилин не поняла, как это получилось. Ни слова больше не сказав, она толкнула дверь уборной, оставив мать в одиночестве.

Джеймс глянул на свою нареченную в тревоге.

– Что случилось? – прошептал он, подавшись к ней.

Она потрясла головой и шепнула торопливо, насмешливо:

– Да ничего. Моя мамочка считает, я не за того выхожу. Надо за того, кто больше на меня похож.

А потом сгребла Джеймса за лацканы и поцеловала. Что за бред, подумала она. Все так очевидно, о чем тут говорить?

Всего несколькими днями раньше в сотнях миль от Бостона поженилась и другая пара. Белый мужчина и черная женщина разделили славнейшую из фамилий – Лавинг^[13]. Спустя четыре месяца их арестуют в Вирджинии – закон напомнит им, что всемогущий Боженька не велел белым, черным, желтым и краснокожим перемешиваться, не должно быть никаких *нечистокровных граждан*, не положено *попирать расовую гордость*. Возмутятся они лишь через четыре года, пройдет еще четыре – и с ними согласится суд, но пройдет немало лет, прежде чем их поддержат люди. И не все. Вот мать Мэрилин не поддержит.

Мэрилин и Джеймс разъединились; мать уже вернулась из уборной и безмолвно наблюдала издали. Она промокала и промокала рукав полотенцем, но красная отметина проступала в расплывшейся влаге застарелым кровавым пятном. Мэрилин стерла помаду у Джеймса с верхней губы и улыбнулась, а он опять ощупал нагрудный карман. Доволен собой, решила мать Мэрилин.

В воспоминаниях Мэрилин свадьба распалась на череду слайдов:

волосок тонкой белой линии в бифокальных очках судьи; узелки гипсофилы в букете; влажная дымка на винном бокале, который подняла за новобрачных Сандра, прежняя соседка Мэрилин по общежитию. Ладонь Джеймса под столом в ее руке, незнакомая полоска золота холодит кожу. А через стол – тщательно завитые кудри матери, напудренное лицо, плотно сжатые губы прячут кривой резец.

Больше Мэрилин ее не видела.

Три

До похорон Мэрилин не задумывалась, как увидит дочь в последний раз. Вообразила бы трогательную киношную сцену у смертного одра: сама она седовласа, дряхла и довольна, в атласной пижаме, готова попрощаться; Лидия – взрослая женщина, уверенная и невозмутимая, обеими руками сжимает ладонь матери, сама уже стала врачом, великое колесо жизни и смерти ее не смущает. Мэрилин себе не признаётся, но в последнюю минуту она хочет видеть Лидию – не Нэта, не Ханну, даже не Джеймса, а дочь, о которой думает всегда и первым делом. Однако последний миг встречи уже миновал: к замешательству Мэрилин, Джеймс настоял на закрытом гробе. Она даже не увидит напоследок дочериного лица, и об этом она твердит Джеймсу уже три дня, то в ярости, то в слезах. А у него язык не поворачивается сказать ей, что он обнаружил на опознании: от лица в холодной воде сохранилась только половина, а другая уже отгрызена. Джеймс не слушает жену и, задом выезжая на улицу, прилипает глазами к зеркалу.

До кладбища всего четверть часа пешком, но они едут на машине. Когда выезжают на главную улицу, огибающую озеро, Мэрилин резко отворачивается влево, будто заметила что-то у мужа на плече. Не хочет видеть причал, снова пришвартованную лодку, озеро, что тянется вдаль. Джеймс плотно закрыл все окна, но снаружи ветер сотрясает древесные кроны и пускает рябь по воде. Оно останется навеки, это озеро; как ни выйдешь из дома – оно тут. На заднем сиденье Нэт и Ханна хором размышляют, станет ли мать отворачиваться от озера до конца жизни. Оно блещет на солнце, точно гладкая жестяная крыша, и у Нэта слезятся глаза. Как-то неприлично солнцу сверкать, голубеть небу. Тут, к счастью, солнце прячется за тучку, а серебристая вода сереет.

Въезжают на кладбищенскую парковку. Кладбищенский сад – гордость Миддлвуда: кладбище пополам с ботаническим садом, змеятся дорожки, латунные таблички поясняют флору. Нэт помнит школьные экскурсии с альбомами и путеводителями; как-то раз учитель пообещал лишних десять баллов тому, кто соберет больше всех разных листьев. В тот день тоже были похороны. Томми Рид прямо посреди панегирика прокрался меж рядов складных стульев к сассафрасу и отщипнул листок с нижней ветки, мистер Рексфорд не заметил, похвалил Томми за то, что он один отыскал *Sassafras albidum*, а одноклассники сдавленно хихикали и

потом в автобусе хлопали Томми по плечу. Теперь все шагают гуськом к складным стульям, и Нэту охота вернуться в прошлое и дать Томми Риду в рыло.

В честь Лидии уроки отменили, и пришли ее одноклассницы – толпа. Джеймс и Мэрилин понимают, как давно не видели этих девочек, – годы прошли. Не сразу узнают Карен Адлер, отрастившую волосы, и Пэм Сондерс, снявшую брекеты. Джеймс вспоминает список вычеркнутых имен, ловит себя на том, что пялится во все глаза, и отворачивается. Стулья постепенно заполняются однокашниками Нэта, из девятого, из одиннадцатого класса – Нэт их, кажется, встречал, но почти не знает. Ручейком притекают соседи – даже они какие-то чужие. Родители не ходят в гости и сами никого не приглашают, у них не бывает ни званых ужинов, ни партий в бридж, ни охотничьих выездов с друзьями, ни обедов с подругами. Как и Лидия, ни с кем толком не дружат. Ханна и Нэт узнают университетских преподавателей, отцовскую помощницу, но в основном на стульях сидят незнакомцы. Чего явились-то, удивляется Нэт – но понимает, едва начинается панихида и все вытягивают шеи, глядя на гроб под сассафрасом. Их приманило зрелище внезапной смерти. Всю неделю, с тех пор как полиция протралалила озеро, Лидия не исчезала из заголовков миддлвудского «Монитора». «В пруду найдена утонувшая азиатская девушка».

Священник смахивает на президента Форда – лобастый, белозубый, опрятный и дородный. Ли в церковь не ходят, но священника рекомендовало похоронное бюро, и Джеймс согласился, не задавая лишних вопросов. А теперь сидит точно кол проглотил, лопатками вжимается в спинку стула и старается вслушиваться. Священник читает двадцать второй псалом: «ничего мне не надо» вместо «я ни в чем не буду нуждаться», «если пойду темной долиной» вместо «если я пойду и долиною смертной тени»^[14]. Это неуважение, упрощенчество. Как и хоронить дочь в фанерном ящике. *А чего еще ждать от этой дыры.* Справа сидит Мэрилин. Аромат лилий окутывает ее мягким мокрым туманом, и она едва не давится. Впервые жалеет, что, в отличие от матери, не носит с собой носовые платки. Прижала бы платок к лицу, спаслась бы от запаха, на ткани осталось бы грязно-розовое пятно цвета старых кирпичей. Подле матери Ханна сплетает пальцы. Хочет рукой заползти матери на колени, но не смеет. И не смеет глядеть на гроб. Лидии там нет, напоминает себе Ханна, глубоко вздохнув, там только тело – но где тогда Лидия? Все застыли. Наверное, думает Ханна, птицам в небе чудится, будто мы статуи.

Краем глаза Нэт замечает Джека – тот сидит сбоку с матерью.

Сграбастать Джека за воротник, допросить. Всю неделю отец ежедневно звонит в полицию, но Фиск снова и снова отвечает, что следствие еще не завершено. Жалко, что полицейские не пришли, думает Нэт. Может, рассказать отцу? Джек опустил голову, будто стыдится поднять гла за. А когда Нэт смотрит вперед, гроб уже опустили в землю. Полированное дерево, белый лилейный убор на крышке, раз – и исчезли: вместо гроба пустота. Нэт все пропустил. Сестры больше нет.

На шее влага, Нэт ее смахивает. Оказывается, все лицо мокрое, он беззвучно плачет. Голубые глаза Джека внезапно упираются в него поверх голов, и Нэт локтем отирает щеку.

Все расходятся – спины одна за другой удаляются к парковке и на улицу. Пара однокашников Нэта – Майлз Фуллер, например, – смотрят сочувственно, но большинство, смущаясь его слез, не заговаривают и прячут глаза. Другого шанса у них не будет: в свете блестящих оценок Нэта и его трагедии директор разрешит ему последние три недели в школу не ходить, а на вручение аттестатов Нэт не пойдет сам. Какие-то соседи окружают семейство, пожимают локти, бормочут соболезнования; кто-то гладит Ханну по головке, точно младенца или собачку. Кроме Дженет Вулфф, сегодня сменившей белый больничный халат на элегантный черный костюм, Джеймс и Мэрилин почти никого не узнают. Когда подходит Дженет, ладони у Мэрилин будто испачканы, все тело замарано, словно ветошь, передаваемая по грязным рукам; Дженет касается ее локтя, и это почти нестерпимо.

Джек стоит поодаль, по ту сторону могилы, поджидает мать в тени большого вяза. Нэт пробирается к нему, припирает к стволу, и Ханна, застряв с родителями в толпе других взрослых, наблюдает за братом нервно.

– А ты что тут забыл? – осведомляется Нэт. Вблизи видно, что рубашка у Джека темно-синяя, не черная, и хотя штаны костюмные, на ногах старые черно-белые кроссовки с дыркой на носу.

– Эй, – говорит Джек, не отрывая взгляда от земли. – Нэт. Как оно?

– А ты сам-то как думаешь? – Голос, черт бы его побрал, срывается.

– Я пошел, – говорит Джек. – Маман ждет. – И после паузы: – Я очень соболезную.

Джек отворачивается, и Нэт хватается за плечо:

– Да ну? – Он никогда никого не хватал за плечи. Он сейчас крут, как киношный детектив. – Полиция хочет с тобой поболтать.

Люди смотрят – Нэт почти кричит, Джеймс и Мэрилин оборачиваются, но Нэту плевать. Он придвигается ближе, стоит нос к носу с Джеком:

– Я же знаю, что она в понедельник была с тобой.

Джек наконец смотрит Нэту в лицо – испуганно сверкают голубые глаза:

– Она тебе сказала?

Нэт шагает еще ближе – надвигается грудью. В правом виске стучит кровь.

– Зачем? У меня что, своих мозгов нет?

– Слышь, Нэт, – бубнит Джек. – Если Лидия сказала, что я...

И осекается: подходят родители Нэта и доктор Вулфф. Нэт пятится, взглядом прожигает Джека, и отца (за то, что помешал), и вяз (за то, что не стоял подальше от могилы).

– Джек! – рявкает доктор Вулфф. – Что такое?

– Порядок. – Джек глядит на Нэта, потом на взрослых: – Мистер Ли, миссис Ли, я очень вам соболезную.

– Спасибо, что пришел, – отвечает Джеймс. Вулффы уходят по извилистой тропинке с кладбища, и теперь Джеймс хватает за плечо Нэта. – Ты что? – шипит он. – Твою сестру хоронят, а ты драться вздумал?

Джек бредет за матерью, оглядывается, встречается глазами с Нэтом, и у того нет сомнений: Джек напуган. Затем тропа сворачивает, и Джека больше не видно.

Нэт выдыхает:

– Эта падла что-то знает про Лидию.

– Ты с ума сошел – скандалить? Пусть полиция разбирается.

– Джеймс, – говорит Мэрилин, – не ори.

Она прижимает пальцы к виску, будто у нее мигрень, и зажмуривается. К ужасу Нэта, по щеке у матери катится темная капля крови. Нет, просто слеза, зачерненная тушью, оставляет грязно-серый след. У Ханны сердечко разрывается от жалости, она тянется к материнной руке, но Мэрилин не замечает. Ну что ж, увы. Ханна сцепляет руки за спиной.

Джеймс роется в кармане пиджака, ищет ключи.

– Я везу твою мать и сестру домой. Остынешь – придешь пешком.

И морщится, не успев закрыть рот. В глубине души – в такой-то день – хочется успокоить Нэта, тяжело и утешительно возложить руку ему на плечо, обнять, в конце концов. Но Джеймс и так держится из последних сил: вот-вот лицо сомнется, подкосятся колени и он попросту рухнет. Он хватается за плечо Ханну. Та, по крайней мере, всегда делает, что велено.

Нэт садится на корни вяза и смотрит, как родители идут к машине, как Ханна, разок тоскливо обернувшись, плетется следом. Отец не знает Джека. С первого класса, почти двенадцать лет, Джек жил дальше по улице,

и для родителей Нэта он просто соседский мальчик, нечесаный, с собакой и подержанной тачкой. А вот в школе знают все. Раз в месяц – новая девчонка. И с каждой одна и та же история. Джек не ходит на свиданки – никаких ужинов, цветов, шоколадных конфет в коробках с целлофаном. Он просто везет девчонку на Кручу, или в автокинотеатр, или на стоянку и расстилает одеяло на заднем сиденье. Спустя неделю-другую перестает звонить и выбирает следующую. Славен тем, что предпочитает девственниц. Девчонки гордятся, будто их приняли в закрытый клуб, шушукуются и хихикают у шкафчиков, сально пересказывают пошаговый сценарий. Сам Джек ни с кем не водится. Все знают, что он в основном сам по себе: мать работает в больнице ночами, шесть ночей в неделю. Джек не обедает в школьной столовой, не ходит на танцы. На уроках сидит на задней парте, выбирает, кого бы позвать кататься. Весной выбрал Лидию.

Нэт сидит на кладбище час, два, три, наблюдает, как кладбищенские рабочие убирают складные стулья, цветы, мятые бумажки и одноразовые платки. Извлекает из памяти все, что знает про Джека, – все факты, все слухи. Факты и слухи путаются, и, собравшись домой, Нэт бурлит страшным гневом. Пытается вообразить Лидию с Джеком, отчаянно гонит от себя эту мысль. Джек ее обидел? Неизвестно. Нэт лишь понимает, что Джек – ключ к этой истории, и клянется себе все выяснить. Лишь когда гробокопатели заносят лопаты над открытой могилой, Нэт поднимается на ноги и уходит.

Огибает озеро, сворачивает; перед домом Джека стоит патрульная машина. *Года не прошло*, думает Нэт. Подкрадывается к дому, под окнами сгибается в три погибели. Парадная дверь за сеткой открыта, и он на цыпочках взбирается на крыльцо – по самой кромке истертых ступеней, чтоб не скрипели. Там говорят о моей сестре, при каждом шаге повторяет он про себя, я имею полное право. Приникает к сетке. Ничего не видно, кроме дверного проема, но слышно, как Джек в гостиной громко, с расстановкой, будто во второй или в третий раз, объясняет:

– Она перепрыгнула класс по физике. Ее мать хотела, чтоб она училась с одиннадцатым классом.

– И в этом классе был *ты*. Ты разве не в двенадцатом?

– Я же говорю, – раздражается Джек, – мне пришлось на второй год. Я не сдал экзамен.

Голос доктора Вулфф:

– У него сейчас «хорошо с плюсом». Вот видишь, Джек, – если взяться за ум, у тебя все получается.

Нэт снаружи растерянно моргает. У Джека? «Хорошо с плюсом»?

Шорох – наверное, полицейский переворачивает страницу в блокноте.
Затем:

– Какова была природа твоих отношений с Лидией?

Имя сестры в устах полицейского формально и четко, не имя, а ярлык, и Нэт вздрагивает. Джек, видимо, тоже – и отвечает резко:

– Мы дружили. Всё.

– Несколько человек показали, что видели вас вдвоем после школы в твоей машине.

– Я учил ее водить.

Жаль, Нэту не видно Джекова лица. Они же понимают, что он врёт? Но полицейского, похоже, ответ устраивает.

– Когда ты видел Лидию в последний раз? – спрашивает он.

– После обеда в понедельник. Перед тем как исчезла.

– Что вы делали?

– Сидели в машине и курили.

Пауза – полицейский записывает.

– А вы были в больнице, миссис Вулфф?

– Доктор.

Полицейский тихонько откашливается.

– Прошу прощения. Доктор Вулфф. Вы были на работе?

– Я обычно выхожу в вечернюю смену. Каждый день, кроме воскресенья.

– Как тебе показалось, Лидия в понедельник была расстроена?

Снова пауза, потом Джек отвечает:

– Лидия всегда была расстроена.

Из-за тебя, думает Нэт. Горло сжалось, слова не вытолкнуть. Дверь дрожит и оплывает миражом в пустыне. Нэт ногтями впивается в ладонь, постепенно дверь вновь обретает четкость.

– Из-за чего она была расстроена?

– Из-за всего она была расстроена. – Голос Джека тише – почти вздох. – Из-за оценок. Из-за родителей. Из-за того, что брат уезжает в колледж. Много из-за чего. – Взаправду вздыхает, и теперь голос ломок, вот-вот сорвется: – Мне-то откуда знать?

Нэт пятится и на цыпочках спускается с крыльца. Дальше слушать незачем. Дома видеть никого неохота, и он тишком поднимается к себе – поразмыслить.

Видеть, впрочем, и некого. Пока Нэт психует под вязом, семья разбегается. В машине Мэрилин не глядит на Джеймса – рассматривает свои кулаки, ковыряет заусенцы, щупает ремешок сумки. Едва переступив

порог, объявляет, что хочет прилечь, и Ханна тоже, не сказав ни слова, уходит к себе. Джеймс подумывает пойти в спальню к Мэрилин. Уткнуться в нее, закутаться в ее тяжесть, ее тепло – пусть они обнимут его, заслонят, спрячут. Он вцепится в нее, а она в него, пусть их тела утешат друг друга. Но что-то упрямо царапается на краю сознания, и в конце концов Джеймс снова берет со стола ключи. У него дело на работе, срочное. Безотлагательное.

Полиция спросила, прислать ли результаты вскрытия, и Джеймс дал свой рабочий адрес. Вчера в его ящике для почты возник толстый бурый конверт, и Джеймс решил, что дал маху: он не хочет это видеть, никогда и ни за что. Но и выбросить не смог. Сунул в нижний ящик стола и запер. Пусть лежит – вдруг передумаю. И надо же – передумал.

Час обеденный, на факультете почти пусто, лишь секретарша Мирна за столом меняет ленту в пишмашинке. Кабинеты закрыты, матовые стекла тусклы. Джеймс отпирает ящик, глубоко вздыхает и пальцем вскрывает конверт.

Он впервые читает результаты вскрытия. Ожидал таблиц и графиков, но акт судебно-медицинского исследования трупа начинается как учительский отчет: «Тело развитое, оптимального пищевого статуса, женского пола, азиатского происхождения». Джеймс читает о том, что знает и так: ей шестнадцать лет, ее рост – шестьдесят пять дюймов, волосы у нее черные, а глаза голубые. Читает и о том, чего не знал: окружность ее головы, длина конечностей и что на левом колене у нее маленький шрам в виде полумесяца. Что в крови у нее не обнаружено токсических веществ, отсутствуют признаки насильственной смерти или сексуальной травмы, однако данных недостаточно, для того чтобы заключить, имело место самоубийство, убийство или несчастный случай. Причина смерти – *асфиксия в результате утопления.*

А дальше уже всерьез: «Сделан Y-образный разрез грудной клетки».

Джеймс узнаёт цвет и размер ее внутренних органов, вес мозга. И что белая пена из трахеи покрыла ей ноздри и рот, точно кружевным платочком. И что в ее альвеолах обнаружен тонкий слой песка, мелкого, как сахар. Что ее легкие от нехватки воздуха окрасились в темно-красный и желто-серый; что при надавливании в них остается отпечаток пальца, как в тесте; что при надрезе скальпелем из них хлынула вода. Что в ее желудке были найдены фрагменты донных водорослей, песок и шесть унций озерной воды, которые она проглотила, пока тонула. Что справа ее сердце разбухло, будто от полноты чувств. Что, поскольку тело плавало в воде вверх ногами, покраснела кожа головы и шеи до самых плеч. Что из-за

низкой температуры воды она еще не разложилась, но кожа на кончиках пальцев уже отслаивалась, как перчатка.

Включается кондиционер, с пола дует прохладой. Джеймс трясется всем телом и никак не может перестать, будто его внезапно обуял озноб. Ногой закрывает вытяжку, но дрожь в руках не унимается. Джеймс сжимает кулаки, стискивает зубы, чтобы не стучали. Акт исследования трупа трепещет у него на коленях как живой.

В мозгу не укладывается, как рассказать Мэрилин, что все это творилось с телом, которое они оба любили. Мэрилин ни в коем случае не надо знать. Хватит того, что говорит полиция: утонула. Пусть в закоулках сознания не застревают детали. Кондиционер вырубается, тишина до краев заполняет кабинет, потом весь факультет. Все прочитанное наваливается на Джеймса, вдавливая в кресло. Свинцовый груз. Даже головы не поднять.

– Профессор Ли?

В дверях Луиза – по-прежнему в черном платье, которое надела на похороны.

– Ой, – говорит она, – пожалуйста, простите. Я не думала, что вы придете после... – И умолкает.

– Ничего. – Голос потрескивает, как высохшая дубленая кожа.

Луиза заходит в кабинет, дверь не закрывает.

– Вы как?

Подмечает его покрасневшие глаза, ссутуленные плечи, коричневый конверт на столе. Подходит, мягко отнимает бумаги.

– Вам нечего тут делать, – говорит она Джеймсу, откладывая их на стол.

Джеймс качает головой. Протягивает ей отчет судмедэксперта.

Луиза смотрит на пачку бумаг, колеблется.

Прочти, говорит Джеймс – пытается сказать. Звука не выходит, но Луиза, кажется, все равно слышит. Кивает, приваливается к столу и склоняется над бумагами. Читает, и лицо ее остается бесстрастно, но все тело замирает, застывает. Дочитав, Луиза выпрямляется, берет Джеймса за руку и повторяет:

– Вам нечего тут делать. – Это не вопрос. Она касается его спины, и он сквозь рубашку чувствует тепло. Потом Луиза говорит: – Поехали ко мне. Я вас накормлю.

И Джеймс кивает.

Квартира у нее на третьем этаже в доме без лифта, всего шесть кварталов от кампуса. У квартиры 3-А Луиза мнетя, совсем чуть-чуть. Отпирает дверь, впускает Джеймса и ведет напрямиком в спальню.

В ней все иное – изгиб рук и ног, текстура кожи. Даже язык на вкус другой – терпкий, как лимон. Когда она встает над Джеймсом на колени и расстегивает ему рубашку, волосы занавешивают ей лицо. Тут Джеймс закрывает глаза и выпускает долгий душераздирающий вздох. После засыпает – Луиза так и лежит на нем всем телом. С тех пор как Лидию *нашли* – только так он способен это назвать, – спал он мало и беспокойно. Во снах он один помнил, что случилось с Лидией; только он остро это сознавал, снова и снова внушал Мэрилин, Нэту, каким-то незнакомцам, что его дочь мертва. *Я видел тело. Из двух голубых глаз у нее остался один.* А теперь, потом склеившись с Луизой, Джеймс крепко спит впервые за много дней и не видит снов: разум его ненадолго объяла блаженная пустота.

Дома в спальне Мэрилин тоже старается опустошить разум, но ничего не выходит. Призывая сон, она часами считает цветочки на наволочке – не большие красные маки, распустившиеся на хлопке, а голубенькие незабудки фона, хористок за спинами див. То и дело сбивается, после восьмидесяти девяти опять идет восемьдесят, Мэрилин перепрыгивает складку ткани и забывает, где сочла, где еще не сочтено. К двумстам уже ясно, что она не заснет. Глаза не закрываются; трясет, даже если просто моргать. Едва замрешь, мозг принимается жужжать, как игрушка с перетянутой пружиной. У Ханны наверху – ни звука, внизу – ни следа Нэта. Джеймс на другом конце города погружается в сон, а Мэрилин наконец встает и идет туда, где витают ее мысли, – в спальню Лидии.

Там до сих пор пахнет Лидией. Не только сухими цветами духов, чистотой шампуня на подушке, сигаретами («Карен курит, – пояснила Лидия, когда Мэрилин однажды подозрительно принюхалась. – Все шмотки мне прокурила, и учебники, вообще всё»). Нет, сейчас, глубоко вдохнув, Мэрилин чувствует в этой мешанине самую Лидию, кислую сладость ее кожи. Можно сидеть здесь часами, втягивать воздух и держать на языке, как вино с хорошим букетом. Пить ее, впитывать.

Из глубин тела поднимается боль, словно все кости ушиблены. Но быть в этой комнате отрадно. Здесь все напоминает о том, чем Лидия могла стать. Постеры – «Витрувианский человек» Леонардо, Мария Кюри с колбой, все плакаты, что Мэрилин дарила Лидии с ранних лет, – по-прежнему красуются на стене. Как и мать, Лидия с детства хотела стать врачом. Прошлым летом даже взяла курс биологии в колледже, чтобы перепрыгнуть класс по физике. На доске висят синие ленточки – трофеи с научных выставок за многие годы; иллюстрированная периодическая таблица; настоящий стетоскоп, который Мэрилин заказала дочери на тринадцатый день рождения. Книг столько, что кое-какие впихнуты на

полки сверху, горизонтально. «Краткая история медицины», вверх ногами читает Мэрилин. «Розалинд Франклин и ДНК»^[15]. Мэрилин дарила их Лидии годами – хотела вдохновить, показать, чего Лидия может добиться. Повсюду – свидетельства ее таланта, ее амбиций. Все уже покрылось тончайшим слоем пыли. Лидия давно гоняла мать, когда та приходила пылесосить, протирать пыль, наводить чистоту. «Мам, я занята», – говорила Лидия, шариковой ручкой стуча по учебнику, и Мэрилин кивала, целовала дочь в макушку и прикрывала дверь. А теперь прогнать ее некому, но она смотрит на сапог Лидии, боком упавший на ковер, представляет, как дочь стащила его с ноги, и не трогает.

Наверняка где-то в этой спальне – разгадка. И на нижней полке книжного шкафа Мэрилин видит аккуратный рядок дневников, выстроенных по годам. Первый дневник она подарила Лидии на Рождество, когда той было пять, – цветочки, позолоченный обреза, ключик легче скрепки. Дочь раз вернула подарок и повертела в руках, пощупала замочек, будто не знала, зачем он нужен. «Это чтоб ты записывала свои секреты», – улыбнулась Мэрилин, а Лидия улыбнулась в ответ и сказала: «Мам, у меня же нет секретов».

Мэрилин тогда рассмеялась. Да какие секреты дочь утаит от матери? Но каждый год она дарила Лидии по дневнику. А теперь думает про вычеркнутые телефонные номера, длинный список девочек, говоривших, что Лидию толком не знали. Про мальчиков из школы. Про незнакомых мужчин, что могли выступить из теней. Одним пальцем Мэрилин выдвигает с полки последний дневник: 1977 год. Сейчас он ей все расскажет. Все, чего уже не расскажет Лидия. С кем дочь виделась. Почему лгала. Зачем пошла на озеро.

Ключик потерялся, но Мэрилин отжимает хлипкую застежку шариковой ручкой. Дневник раскрывается на 10 апреля – там пусто. Мэрилин перелистывает до 2 мая, накануне исчезновения Лидии. Ничего. И 1 мая ничего, и весь апрель, и март. Страницы пусты. Мэрилин достает 1976 год. 1975. 1974. Страница за страницей – зримое упрямое молчание. Мэрилин листает задом наперед, до самого первого дневника за 1966 год, – ни единого слова. Все эти годы – ни следа. Никаких объяснений.

На другом конце города Джеймс просыпается в расплывчатой мути. Почти вечер, в Луизиной квартире полумрак.

– Мне пора, – говорит Джеймс.

От мысли о том, что он натворил, кружится голова. Луиза заворачивается в простыню и смотрит, как он одевается. Под ее взглядом пальцы не слушаются: рубашка застегивается косо, и не один раз, а

дважды, и даже когда рубашку удастся победить, она как чужая. Непривычно висит, под мышками жмет, на животе выпирает. Как прощаться после такого?

– Доброй ночи, – наконец произносит Джеймс, взяв портфель, и Луиза просто отвечает:

– Доброй ночи.

Будто они расходятся с факультета, будто ничего не произошло. Джеймс садится за руль, в животе урчит, и он соображает, что Луиза так его и не накормила, да он и не ждал.

И вот он включает фары, потихоньку трогается, ошалев от того, сколько всего случилось за день, а между тем его сын в сгущающемся сумраке глядит из окна спальни на дом Джека: там только что вспыхнула лампочка на крыльце, там давным-давно нет патрульной машины. Ханна на чердаке свернулась клубком в постели, перебирает подробности минувшего дня: белые пятнышки на костяшках отца, когда тот вцепился в руль; капельки пота, что выступили у священника под носом, как роса; глухой удар гроба о дно могилы. Фигурка брата (Ханнино окно выходит на запад), как он медленно отошел от Джекова крыльца и, повесив голову, побрел домой. И слабый вопросительный скрип (открылась дверь в мамину спальню), и тихий щелчок в ответ (закрылась дверь в спальню Лидии). Мама сидит там который час. Ханна обхватывает себя руками, крепко обнимает, воображает, как утешает маму, как мамыны руки утешают ее.

Не ведая, что младшенькая так внимательно, так жадно прислушивается, Мэрилин оттирает глаза, ставит дневники на полку и дает себе клятву. Она узнает, что случилось с Лидией. Разберется, кто виноват. Выяснит, что пошло не так.

Четыре

Незадолго до того как Лидия получила свой первый дневник, в университете устроили ежегодный рождественский прием. Мэрилин идти не хотела. Всю осень она давила в себе смутное недовольство. Нэт едва пошел в первый класс, Лидия – в детский сад, Ханну еще даже вообразить не могли. Впервые после свадьбы Мэрилин осталась не у дел. Ей двадцать девять, еще молода, еще стройна. Еще умна, считала она. Вот теперь можно и доучиться. Сделать все, что планировала, пока не появились дети. Вот только она забыла, как составлять письменные работы, как вести конспекты; все туманно, все невнятно, словно из ночных грез. Как тут учиться? Надо готовить ужин, Нэта пора укладывать, Лидия хочет поиграть. Мэрилин листала раздел объявлений о вакансиях, но «требовались» только официантки, бухгалтеры, рекламные текстовики. Она ничего такого не умела. Она вспоминала мать, какой жизни та хотела для дочери, о какой жизни мечтала сама: дети, муж, дом, поддерживай порядок – вот и вся работа. Именно это Мэрилин ненароком и заполучила. Только этого мать ей и желала. Не очень-то праздничная мысль.

Джеймс, однако, настоял на том, чтоб на Рождество они *сделали лицо*: ему обещали бессрочный контракт с весны, и *делать лицо* было важно. Поэтому Вивиан Аллен, жившую напротив, попросили посидеть с Нэтом и Лидией, Мэрилин надела персиковое коктейльное платье и жемчуга, и они вдвоем явились в спортзал, убранный гофрированными бумажными гирляндами и с елкой прямо на центральной линии. После неизбежного сеанса приветов и как-делов Мэрилин с чашкой ромового пунша спряталась в углу. И там познакомилась с Томом Лосоном.

Том принес ей кусок кекса и представился – он преподавал на химфаке, они с Джеймсом вместе курировали диплом студента, который взял двойную специализацию и писал о химическом оружии в Первую мировую войну. Мэрилин приготовилась к неизбежным вопросам («А вы чем занимаетесь, Мэрилин?»), но обошлось безобидной светской болтовней: сколько лет детям, какая красивая елка в этом году. А когда он заговорил о своей работе – что-то насчет поджелудочной железы и искусственного инсулина, – она его перебила, спросила, не нужна ли ему помощница, и он вытаращился на нее поверх блюда с инжиром в беконе. Боясь показаться неучем, Мэрилин затараторила: она в Рэдклиффе занималась химией, собиралась на медицинский, не успела доучиться

(пока), но дети уже подросли...

Вообще-то Тома Лосона изумил ее тон: свой вопрос она задала шепотом, задыхаясь, будто в постель звала. Мэрилин улыбнулась ему снизу вверх – глубокие ямочки, похожа на серьезную маленькую девочку.

– Прошу вас, – сказала она и положила руку ему на локоть. – Я так хочу вернуться к академической работе.

Том Лосон тоже улыбнулся.

– Ну, помощница мне бы пригодилась, – сказал он. – Если, конечно, ваш муж не против. Давайте, может, встретимся после Нового года, в начале триместра, обсудим?

И Мэрилин ответила: да, да, это будет прекрасно.

Джеймс не обрадовался. Ясно ведь, что скажут люди: «Сам прокормить семью не смог – жене пришлось вкалывать». Миновали годы, но он помнил, как мать вставала спозаранку и надевала униформу, как однажды зимой она две недели провалялась с гриппом и приходилось отключать отопление, заворачиваться в два одеяла. Помнил, как вечерами мать натирала мозолистые руки массажным маслом, а пристыженный отец выходил из комнаты.

– Нет, – сказал Джеймс. – Со мной подпишут постоянный контракт, денег нам хватит за глаза. – Взял Мэрилин за руку, разогнул ее пальцы, поцеловал мягкую ладонь. – Скажи, что больше не будешь переживать из-за работы, – сказал он, и в конце концов она согласилась. Но телефон Тома Лосона не выбросила.

Весной, когда Джеймс, только что подписавший свой контракт, был на работе, дети в школе, а Мэрилин дома складывала вторую порцию постиранного белья, зазвонил телефон. Медсестра из больницы Святой Екатерины сообщила, что мать Мэрилин умерла. Инсульт. Дело было 1 апреля 1966 года, и Мэрилин сначала подумала: какой чудовищный, безвкусный розыгрыш.

С матерью она не разговаривала почти восемь лет, со дня свадьбы. Мать ни разу не написала. Родился Нэт, затем Лидия, но матери Мэрилин не сообщила, не послала фотографии. А что тут сказать? Они с Джеймсом никогда не вспоминали, что сказала ее мать в тот день: *так нельзя*. Даже думать об этом неохота. И вечером, когда Джеймс возвратился домой, Мэрилин сообщила только:

– Моя мать умерла. – А затем снова отвернулась к плите и прибавила: – Надо бы подстричь лужайку. – И Джеймс все понял: тема не обсуждается.

За ужином Мэрилин объявила детям, что умерла их бабушка, а Лидия

склонила голову набок и спросила:

– Тебе грустно?

Мэрилин глянула на мужа.

– Да, – ответила она. – Да, грустно.

Предстояли дела: подписать бумаги, организовать похороны. Мэрилин оставила детей с Джеймсом и поехала в Вирджинию (которую давным-давно не называла про себя *домом*) – разобрать материны вещи. Мимо пролетали миля за милей – Огайо, потом Западная Вирджиния, – а в голове эхом отдавался вопрос Лидии. И Мэрилин не знала, как ответить.

Грустно ей? Скорее, удивительно – удивительно, до чего знакомым оказался дом. Восемь лет прошло, а она помнила, как сдвинуть ключ в замке (вниз и влево); помнила, как, шурша, медленно закрывается сетчатая дверь. Лампочка в прихожей перегорела, тяжелые портьеры в гостиной задернуты, однако ноги несли Мэрилин и в темноте: за годы репетиций она выучила это па – в обход кресла и оттоманки к столу у дивана. Пальцы с первой попытки нащупали ребристый выключатель. Как у себя дома.

Свет явил убогую мебель ее детства, те же бледно-сиреневые обои текстурой под шелк. Та же горка, набитая материнными куклами, и те же немигающие кукольные глаза смерили ее взглядом, от которого так же бегали мурашки. На каминной полке – те же детские фотографии Мэрилин. И все это нужно выбросить. Грустно ей? Нет, просто утомительно: она ехала целый день.

– Это многим тяжело, – наутро сказал ей гробовщик. Выдал телефон уборочной компании, которая готовила дома к продаже. «Расхитители могил», – подумала Мэрилин. Ну и работенка – прибираться в домах мертвецов, целые жизни сгружать в мусорные баки и выкатывать на обочину.

– Спасибо, – сказала она, задрав подбородок. – Я лучше сама.

Но затем принялась сортировать материны вещи, и ей ничего не хотелось сохранить. Материно золотое кольцо, фарфоровый сервиз на двенадцать персон, жемчужный браслет, подаренный отцом Мэрилин, – сувениры злополучной свадьбы. Кокетливые шерстяные двойки и узкие юбки, перчатки и шляпки в шляпных картонках – реликвии корсетного бытия, которому разве что посочувствовать остается. Мать обожала свою коллекцию кукол, но бледные как мел кукольные лица были пусты – фарфоровые маски под париками из конского волоса. Маленькие незнакомки взирали холодно. Мэрилин пролистала фотоальбомы, искала снимки, где она с матерью, и ни одного не нашла. Сплошь Мэрилин с детсадовскими косичками; Мэрилин в третьем классе, нету переднего зуба;

Мэрилин в бумажной короне на школьном празднике. Мэрилин в старших классах, на фоне рождественской елки, – драгоценный «Кодахром». Три альбома с Мэрилин и ни единого портрета матери. Словно матери вовсе не было.

Грустно ей? Как ей скучать по матери – где она вообще, эта мать?

А потом в кухне Мэрилин наткнулась на поваренную книгу Бетти Крокер – корешок треснул, и его дважды заклеивали скотчем. На первой странице раздела про печенье – аккуратная черточка на полях предисловия, Мэрилин в колледже и сама так помечала важные пассажи. Никакой не рецепт.

«В банке для печенья всегда есть печенье! – говорилось в тексте. – Таков самый радостный символ гостеприимного дома». И все. Мать сочла, что это надо пометить. Мэрилин глянула на банку для печенья, жестяную корову, и попыталась вспомнить, как выглядит дно. Чем дольше думала, тем сильнее сомневалась, что хоть раз его видела.

Полистала еще, поискала другие карандашные пометки. Нашла в «Пирогам»: «Если хотите доставить мужчине удовольствие, испеките пирог. Но непременно идеальный пирог. Достоин жалости мужчина, которого никогда не ждал дома тыквенный пирог или торт с заварным кремом». В разделе «Просто о яйцах»: «Ваш суженый сам знает, в каком виде любит яйца. И не исключено, что будет привередничать. Хорошей жене приличествует владеть шестью основными способами укрощать яйцо». Мать кончиком языка лизнула карандаш, начертила темную отметину на полях, чтобы не забыть.

Представьте себе, чем лучше вы готовите салат, тем выше качество жизни в вашем доме.

Вы испекли хлеб! Ничто на свете не наполнит вас такой гордостью!

Соленья Бетти! Консервированные персики тети Элис! Мятный соус Мэри! Полки кладовой уставлены блестящими банками и бутылками. Что еще подарит вам столь глубокое удовлетворение?

На задней обложке портрет Бетти Крокер: смазанная седина на висках, волосы завиваются надо лбом, точно снизу их подпирают брови. На миг почудилось, будто с портрета смотрит мать. *Что еще подарит вам столь глубокое удовлетворение?* Мать, разумеется, ответила бы: ничто, ничто, ничто. Накатила пронзительная, болезненная жалость к матери, что предвкушала золотую жизнь с ароматом ванили, а в итоге осталась одна, мухой навеки влипла в этот маленький, грустный и пустой домишко, в эту маленькую, грустную и пустую жизнь – дочери нет, от самой матери ни следа, кроме этих помеченных карандашиком грез. Грустно тебе, Мэрилин?

Да я в ярости. В бешенстве от ничтожности такой жизни. «Вот, – свирепо подумала Мэрилин, пощупав обложку поваренной книги. – Вот и все, что мне нужно о ней помнить. Вот и все, что я хочу оставить».

Наутро она позвонила в уборочную компанию, которую рекомендовал гробовщик. Приехали двое – в синих униформах, как дворники. Чисто выбритые и любезные, глядели сочувственно, но ни слова не сказали про «ее утрату». Ловко, как профессиональные грузчики, упаковали в коробки кукол, посуду, одежду. Запеленали мебель в стеганые одеяла и выволокли к грузовику. Куда все девается, раздумывала Мэрилин, обнимая поваренную книгу, – матрасы, фотографии, выпотрошенные книжные шкафы? Туда же, куда уходят люди после смерти, – дальше, прочь, долой из твоей жизни.

К ужину они опустошили весь дом. Один на прощанье пальцем прикоснулся к кепке, другой вежливо наклонил голову. Потом они вышли на крылечко и снаружи взревел мотором грузовик. С поваренной книгой под мышкой Мэрилин обходила комнаты, проверяя, не забыли ли чего, но уборщики поработали на совесть. Без картинок по стенам спальню Мэрилин не узнать. Единственные следы – дырки от кнопок в обоях, но если не знаешь, где искать, не видно и их. Дом как чужой. В окнах меж раздернутых штор ничего не видно, только сумеречные стекла и смутное отражение ее лица в свете потолочной лампочки. Уходя, Мэрилин задержалась в гостиной, где ковер рябил оспинами от ножек кресла, посмотрела на каминную полку – чистую полосу под голой стеной.

Она выехала на шоссе, свернула в сторону Огайо, домой, а в голове все всплывали эти пустые комнаты. Она с трудом сглатывала, отпихивала эту картину и сильнее давила на газ.

Под Шарлоттсвиллом окно усеяли дождевые крапины. На полпути через Западную Вирджинию дождь зарядил всерьез, занавесил ветровое стекло. Мэрилин съехала на обочину, выключила двигатель, и дворники на полувзмахе застыли двумя разрезами в стекле. Второй час ночи, на дороге никого: ни габаритных огней на горизонте, ни фар в зеркале заднего вида, куда ни глянешь – лишь бескрайние поля. Мэрилин выключила фары и затылком привалилась к подголовнику. Должно быть, под дождем приятно – точно слезы по всему телу.

Она опять вспомнила пустой дом, целую жизнь накопленных вещей, что уехали в благотворительную лавку или на свалку. Материна одежда на чужих телах, материнское кольцо обнимает палец чужака. Выжила только поваренная книга – валялась в углу на переднем сиденье. Больше ничего сохранять не стоило, напомнила себе Мэрилин, во всем доме мать не оставила иных следов.

И тут ее пронзило, будто кто-то произнес вслух: мать умерла, и о ней только и стоит помнить, что она стряпала. Мэрилин в смятении вообразила собственную жизнь – как она часами стряпает завтраки, подает ужины, раскладывает обеды по бумажным пакетам. Как это возможно – столько часов намазывать на хлеб арахисовое масло? Как это возможно – столько часов готовить яйца? Джеймсу глазунью. Нэту вкрутую. Лидии омлет. «Хорошей жене приличествует владеть шестью основными способами укрощать яйцо». Грустно ей? Да. Ей грустно. Из-за яиц. Из-за всего.

Она открыла дверцу и ступила на асфальт.

Грохот снаружи стоял оглушительный: миллион стеклянных шариков колотили по миллиону жестяных крыш, миллион радиоприемников трещали, разом отыскав одну пустоту на радиоволнах. Едва захлопнув дверцу, Мэрилин уже вымокла как мышь. Приподняла волосы, склонила голову – пусть дождь пропитает их насквозь. Капли жалили голую кожу. Мэрилин прислонилась к прохладному капоту и раскинула руки, чтобы дождь исколол ее всю.

«Ни за что, – пообещала она себе. – Моя жизнь ни за что не закончится так».

Вода барабанила по стальной крышке капота. Теперь походило на тихие взрывы аплодисментов – точно хлопают миллион ладош. Она подставила дождю распахнутый рот, открыла глаза и попыталась взглядеться в водопад с небес.

В машине содрала с себя блузку, и юбку, и чулки, и туфли. Они осели подле поваренной книги грустной кучкой, словно тающий рожок мороженого. Дождь подустал; когда Мэрилин уговаривала машину двигаться, педаль газа сопротивлялась голой ступне. Мэрилин увидела себя в зеркальце заднего вида, но не смутилась своей наготы, своей незащищенности, а залюбовалась контрастом бледного мерцания кожи и белизны бюстгальтера.

«Ни за что, – снова подумала она. – Моя жизнь ни за что не закончится так».

Она покатила в ночь, домой, и волосы ее тихонько истекли ручейками слез ей на спину.

Джеймс не знал ни единого способа укротить яйцо. По утрам он кормил детей хлопьями и отправлял в школу, выдав по тридцать центов на столовую.

– Когда мама вернется? – каждый вечер спрашивал Нэт, сминая в гармошку фольгу из-под замороженного и разогретого готового ужина.

Матери не было почти неделю, и Нэт соскучился по яйцам вкрутую.

– Скоро, – отвечал Джеймс. Мэрилин не сказала, куда звонить, но телефон в доме ее матери все равно скоро отключат. – Уже вот-вот. Ну, чем займемся в выходные?

Занялись они вот чем: пошли в Ассоциацию молодых христиан учиться плавать брассом. Лидия плавать еще не умела, и Джеймс на полдня оставил ее у миссис Аллен напротив. Всю неделю предвкушал поход в бассейн с сыном. Даже спланировал начало лекции: «Держи руки под водой. Брыкайся ногами. Вот так». Джеймс плавал в старших классах, но наград не получал; когда остальные набивались к кому-нибудь в машину и на радостях ехали пировать гамбургерами и молочными коктейлями, он шел домой один. Теперь он подозревал, что у Нэта тоже есть задатки пловца: невысокий, но жилистый и сильный. Прошлым летом на занятиях по плаванию научился плавать кролем на груди и лежать на воде ничком, уже мог проплыть под водой весь бассейн. В старших классах, воображал Джеймс, Нэт станет звездой команды, обладателем наград, замыкающим в эстафетах. Нэт после соревнований и повезет всех в закусочную – или куда там станут ездить пацаны в далеких семидесятих.

В ту субботу в бассейне на мелководе кишели ребятишки, игравшие в «Марко Поло», а там, где поглубже, туда-сюда скользила пара стариков. Учиться брассу пока негде. Джеймс пихнул сына локтем:

– Иди поиграй с ними, пока бассейн занят.

– А можно я не буду? – спросил Нэт, сминая край полотенца.

В толпе он узнал только Джека, который месяц назад поселился по соседству. Нэт его еще не возненавидел, но уже почуял, что друзьями им не быть. В семь лет Джек был тощ и долговяз, веснушчат и нахален – он не боялся ничего. Джеймс тонкостей отношений на игровой площадке не улавливал и от робости сына, от его сопротивления вдруг вскипел. Самоуверенный юноша, которого он нафантазировал, съезжился до нервного мальчугана, хрупкого, маленького, такого сутулого, что грудная клетка вогнута. И хотя Джеймс ни за что бы себе не признался, Нэт – который переплел ноги, одной ступней придавил другую – напоминал его самого в детстве.

– Мы пришли плавать, Нейтан, – объявил Джеймс. – Миссис Аллен сидит с твоей сестрой, чтобы ты научился плавать брассом. Не трать чужое время зря.

Он вырвал у Нэта из рук полотенце, отконвоировал сына к бассейну и нависал, пока Нэт не соскользнул в воду. А потом Джеймс сел на пустую скамью, ногой распахив брошенные ласты и очки. Нэту полезно, решил он.

Пусть учится заводить друзей.

Нэт обогнул девочку, которая водила; чтобы не нахлебаться, он подпрыгивал на цыпочках. Джеймс не сразу узнал Джека, а узнав, восхитился: хороший пловец, в воде самоуверен и смел, юрок, сияет, ртом ловит воздух. В бассейн, наверное, его никто не провожал. Всю весну Вивиан Аллен судачила про Дженет Вулфф – мол, работает в больнице, а Джек сидит один. «Может, подвезем его до дома, – подумал Джеймс. – Пусть поиграет у нас, пока мать со смены не вернется». Хорошо бы Джек подружился с Нэтом – отличная ролевая модель. Воображение у Джеймса разыгралось: Нэт с Джеком неразлучны, мастерят во дворе качели из покрышки, гоняют по улицам на великах. Сам Джеймс стеснялся приглашать одноклассников в гости – боялся, что они узнают его мать, стоявшую за прилавком в столовой, или отца, мывшего полы в коридоре. И к тому же у них не было двора. Может быть, эти двое станут играть в пиратов: Джек – капитан, Нэт – старпом. Шериф и помощник шерифа. Бэтмен и Робин.

Джеймс снова посмотрел на бассейн – ты гляди-ка, Нэт уже водит. Но что-то не так. Дети уплывали прочь. Сдавленно хихикая, выбирались из воды на кафельный бортик. Нэт с закрытыми глазами бултыхался посреди бассейна, топтался, вертелся, шарил руками. И вскрикивал: «Марко. Марко».

– Поло, – откликнулись остальные. Шмыгали вдоль бортика, брызгались, и Нэт кидался то туда то сюда на плеск. «Марко. Марко». Голосок жалобный.

Они не на него ополчились, сказал себе Джеймс. Они тут играют бог знает сколько – надоело, наверное. Просто шутят. Нэт тут ни при чем.

А потом девочка постарше – лет десяти-одиннадцати – крикнула:

– Китаеза потерял Китай! – И остальные засмеялись.

Сердце у Джеймса сжалось камнем и оборвалось. Нэт в бассейне оторопело замер, раскинув руки по воде. В тишине раскрыл и сжал ладонь.

Его отец на заднем плане тоже оторопел. Может, удастся загнать остальных детей в воду? Но если заговорить, розыгрыш раскроется. Можно окликнуть Нэта. Сказать, например: «Нам пора домой». Тогда Нэт откроет глаза – и увидит, что вокруг пусто. Ноздри жгло от хлорки. А затем с дальнего бортика в воду беззвучно нырнуло смутное пятно – чье-то тело. К Нэту заскользила чья-то фигура, из-под воды возникла песочная шевелюра. Джек.

– Поло! – крикнул он. В кафельном зале слово заметалось эхом: «Поло. Поло. Поло». От облегчения сам не свой, Нэт бросился на звук, и Джек не

шевелился, ждал, перебирая ногами в воде, пока Нэт не вцепился ему в плечо. Джеймс увидел, как сумрак его огорчения на миг сменился беспримесной радостью.

Затем Нэт открыл глаза – и сияние угасло. Он увидел, что остальные расселись по бортику и смеются, а в бассейне только он и Джек. Джек ему ухмыльнулся. Нэт решил, что Джек дразнится: «Обманули дурака». Оттолкнул Джека, нырнул, а когда вынырнул у бортика, вылез мигом, даже не отряхнувшись. Даже воду с лица не стер, зашагал напрямиком к двери, и вода текла с волос по лицу, и Джеймс не понял, плачет ли сын.

В раздевалке Нэт не произнес ни слова. Не пожелал одеваться, даже обуваться не захотел, а когда Джеймс в третий раз протянул ему брюки, Нэт так яростно пнул шкафчик, что осталась вмятина. Джеймс обернулся – из двери в бассейн подглядывал Джек. Может, заговорит – может, даже извинится? Но Джек смотрел молча. Нэт его и не заметил, вылетел в вестибюль, а Джеймс взял вещи в охапку, вышел следом, и дверь хлопнула у него за спиной.

Джеймсу хотелось подхватить сына на руки, сказать, что он понимает. Тридцать лет прошло, а он еще помнил уроки физкультуры в Ллойде и как однажды он запутался в рубашке, а выпутавшись, обнаружил, что со скамьи пропали его штаны. Все уже оделись, распахивали форму по шкафчикам и завязывали шнурки. Звонок прозвенел, раздевалка опустела. Джеймс искал десять минут, сгорая со стыда от того, что физрук мистер Чайлдз видит его в трусах, и наконец нашел брюки под раковиной – обвязаны вокруг колена трубы, в отвороты набились комья пыли. «Наверное, кто-то прихватил с собой по нечаянности, – сказал мистер Чайлдз. – Ну-ка бегом в класс, Ли. Опаздываешь». Джеймс понимал, что это вышло не случайно. Внедрил систему: сначала штаны, потом рубашка. Никому никогда не рассказывал, но воспоминание осталось.

И сейчас ему хотелось сказать, что он понимает, каково это, когда дразнят, когда ты вечно чужой. Но еще хотелось встряхнуть сына, закатить оплеуху. Вылепить из Нэта что-нибудь другое. Позже, когда выяснилось, что Нэт слишком тщедушен для футбола, слишком малоросл для баскетбола, слишком неловок для бейсбола, когда Нэт предпочитал читать, разглядывать атлас и смотреть в телескоп, а не заводить друзей, Джеймс вспоминал этот день в бассейне, это первое сыновнее разочарование, первый и самый болезненный удар по отцовским мечтам.

Но в тот день Нэт убежал к себе, хлопнул дверью, а Джеймс ни слова не сказал. Вечером постучался, посулил сыну бифштекс с грибным соусом, но Нэт не отозвался; на диван пришла Лидия, прильнула к Джеймсу, и они

вместе посмотрели «Шоу Джеки Глисона»^[16]. Как утешить сына? «Дальше полегчает»? Духу не хватает соврать. Лучше просто забыть эту историю. Рано утром в воскресенье вернулась Мэрилин, Нэт за завтраком молча дулся, а Джеймс лишь махнул рукой и сказал:

– Его вчера какие-то дети в бассейне дразнили. Надо учиться шутки понимать.

Нэт оцетинился и свирепо уставился на отца, но Джеймс, скривившись от воспоминания о том, чем делиться не стал («Китаеза потерял Китай»), ничего не заметил, и мать тоже – в глубокой задумчивости она поставила перед ними тарелки и коробку хлопьев. От такого безобразия Нэт наконец нарушил обет молчания.

– Я хочу яйцо вкрутую, – заявил он.

Ко всеобщему изумлению, Мэрилин разрыдалась, и в итоге они, подавленные и безропотные, все равно позавтракали хлопьями.

Но было ясно, что мать переменилась. До вечера угрюмилась и рычала. За ужином, хотя все надеялись на запеченную курицу, или мясной рулет, или тушеное мясо – на настоящую еду, которой все так ждали после готовых ужинов, разогретых в духовке, – Мэрилин открыла банку куриной лапши и банку «СпагеттиОс».

Наутро дети ушли в школу, а Мэрилин откопала в комодке бумажку. Телефон Тома Лосона, по-прежнему четко черный на бледно-голубом линованном листке.

– Том? – сказала она, когда он снял трубку. – Доктор Лосон. Это Мэрилин Ли. – Он не откликнулся, и она пояснила: – Жена Джеймса Ли. Мы встречались на Рождество. Говорили о том, что, может, я буду работать у вас в лаборатории.

Пауза. А затем вдруг смех.

– У меня уже который месяц студентка работает, – ответил Том Лосон. – Я как-то и не подумал, что вы это всерьез. У вас же дети, муж, то-се.

Мэрилин молча повесила трубку. Долго-долго стояла у телефона в кухне, глядела в окно. Снаружи больше не пахло весной. Сухой ветер кусался, нарциссы, обманутые теплом, повесили головы, лежали по всему саду – ломаные стебли, увядшие желтые трубочки соцветий. Мэрилин протерла стол, придвинула кроссворд, постаралась забыть, как изумился Том Лосон. Газета прилипла к влажному дереву, и когда Мэрилин стала вписывать первое слово, ручка продырявила бумагу, оставила на столе синюю «А».

Мэрилин сняла с крючка ключи от машины и взяла сумку со стола в

прихожей. Поначалу говорила себе, что просто хочет проветриться. Несмотря на холод, опустила окно, наворачивая круги вокруг озера – раз, потом другой, – и ветер пробрался под волосы. *У вас же дети, муж, то-се.* Она бездумно пересекла Миддлвуд, миновала кампус, и продуктовый, и роллердром и лишь на больничной парковке сообразила, что сюда-то и направлялась.

В приемной Мэрилин села в уголке. Кто-то выкрасил приемную утешительным бледно-голубым – стены, потолок, двери. Облачками скользили медсестры в белых шапочках и белых юбках – в руках шприцы инсулина, пузырьки с таблетками, бинты. С обеденными тележками носились волонтеры в красно-белом. И врачи – эти шагали сквозь суету неторопливо, авиалайнерами, что целеустремленно прорезают небеса. Едва они появлялись, оборачивались все – им навстречу поднимались встревоженные мужья, истеричные матери и робкие дочери. Сплошь мужчины, отметила Мэрилин: доктор Кенгер, доктор Гордон, доктор Макленахэн, доктор Стоун. С чего ей в голову взбрело, будто она может стать одной из них? Да проще тигром обернуться.

И тут из двойных дверей травмпункта появилась стройная фигура с темным узлом волос. Мэрилин не сразу ее узнала.

– Доктор Вулфф, – окликнула медсестра, взяв со стойки планшет для бумаг, и доктор Вулфф подошла за планшетом, цокая каблуками по линолеуму.

Дженет Вулфф приехала в город месяц назад, Мэрилин видела ее всего пару раз, но все равно не узнала бы. Она слыхала, что Дженет Вулфф работает в больнице, – Вивиан Аллен, склоняясь через садовый забор, шепотом рассказывала про ночные смены, про то, как мальчик растет что трава в поле, – но воображала секретаршу, медсестру. Не эту грациозную женщину, свою сверстницу, высокую, в черных брюках, в просторном докторском халате на худом теле. Не *доктора Вулфф* с блестящим стетоскопом, обернутым вокруг шеи, точно серебряное ожерелье, которая сейчас ловкими пальцами ощупала и повертела посиневшее запястье какого-то рабочего, окликнула через всю приемную чеканно и четко: «Доктор Гордон, можно вас на пару слов про вашего пациента?» И доктор Гордон отложил планшет и подошел.

Мэрилин не мерещилось. Все это твердили, точно мантру. Доктор Вулфф. Доктор Вулфф. Доктор Вулфф. Медсестры с пузырьками пеницилина: «Доктор Вулфф, можно короткий вопрос?» Волонтеры на бегу: «Доброе утро, доктор Вулфф». И всего чудеснее – другие врачи: «Доктор Вулфф, а вы что скажете?», «Доктор Вулфф, вас ждут во втором

кабинете». Тут Мэрилин окончательно уверилась, что это правда.

Как это возможно? Как ей удалось? На ум пришла материна поваренная книга: «Порадуй сегодня кого-нибудь – испеки торт! Испеки торт – устрой праздник. Испеки торт и принеси на праздник. Испеки торт просто потому, что тебе сегодня хорошо». Мэрилин вообразила, как мать взбивает масло с сахаром, просеивает муку, жиром смазывает сковородку. *Что еще подарит вам столь глубокое удовлетворение?* По больничной приемной шагала Дженет Вулфф, и ее белый халат аж светился.

Ну еще бы, ей-то что – у нее же нет мужа. У нее сын растет что трава в поле. Наверное, без мужа, без детей это возможно. «Я бы могла», – подумала Мэрилин, и эти слова со щелчком встали на место, потрясли ее своей истинностью. Гипотетическое сослагательное, наклонение упущенных шансов. По подбородку текли слезы. Нет, подумала она. *Я могу.*

И тут, к ее смятению и ужасу, над ней участливо склонилась Дженет Вулфф.

– Мэрилин? – сказала она. – Вы же Мэрилин, да? Миссис Ли?

И в ответ Мэрилин произнесла единственные слова, что метались в голове:

– Доктор Вулфф.

– Что случилось? – спросила доктор Вулфф. – Вы заболели?

Какое молодое лицо, если смотреть вблизи. Под слоем пудры на носу проступало бледное созвездие веснушек. На плечо Мэрилин мягко легла рука доктора Вулфф, твердая и уверенная, такая же уверенная улыбка словно говорила: «Все будет хорошо».

Мэрилин потрясла головой:

– Нет-нет. Я здорова. – Снизу вверх взглянула на Дженет Вулфф: – Спасибо вам. – И это было искренне.

На следующий вечер, накормив семейство равиоли из банки и баночным овощным супом, она составила план. Есть материны сбережения, на несколько месяцев хватит; когда дом продадут, денег станет больше, хватит минимум на несколько лет. Через год она доучится. Это докажет, что она еще может. Что еще не все потеряно. А потом наконец поступит на медицинский. Всего на восемь лет позже, чем собиралась.

Пока дети были в школе, она съездила в общественный колледж под Толидо (час дороги) и записалась на органическую химию, продвинутый курс статистики, анатомию – все, что планировала на последний год учебы. Назавтра снова приехала, нашла меблированную квартирку возле кампуса, подписала договор об аренде с первого мая. Через две недели. Каждый

вечер, оставшись одна, перечитывала поваренную книгу, черпала силы в маленькой одинокой жизни матери. *Ты этого не хочешь. Твоя жизнь будет богаче.* Лидия и Нэт переживут, снова и снова твердила она себе. Нельзя предположить иное. Джеймс ведь здесь. Ты посмотри, как они справлялись, пока ты была в Вирджинии. Всё по-прежнему возможно.

В темноте и тишине она сложила в коробки старые учебники и спрятала на чердаке – готова. Приближался май, и она каждый вечер стряпала роскошные ужины: шведские фрикадельки, бефстроганов, курицу по-королевски – любимые блюда Джеймса и детей, с нуля, как учила мать. Испекла Лидии торт на день рождения и разрешила дочери объедаться. Первого мая после воскресного ужина сложила остатки в пластиковые контейнеры и сунула в морозилку; порцию за порцией пекла печенье.

– Думаешь, надвигается голод? – засмеялся Джеймс, и Мэрилин улыбнулась в ответ – фальшиво, как годами улыбалась матери. Приподнимаешь уголки губ к ушам. Рта не открываешь. И никто не видит разницы. Уму непостижимо.

Ночью в постели она обвила Джеймса руками, поцеловала в шею, раздела медленно, как прежде, когда они были моложе. Старалась запомнить изгиб его спины и ямку над крестцом, точно Джеймс – карта пейзажа, который ей больше не суждено увидеть, и заплакала, поначалу беззвучно, а потом, когда их тела сливались снова и снова, – громче, отчаяннее.

– Что такое? – прошептал Джеймс, погладив ее по щеке. – Что не так?

Мэрилин потрясла головой, и он прижал ее к себе, и их влажные тела склеились.

– Все будет хорошо, – сказал он, целуя ее в лоб. – Завтра все наладится.

Утром Мэрилин, зарывшись под одеяло, слушала, как Джеймс одевается. Вжикнула молния – он застегнул брюки. Звякнуло – пряжка ремня. Даже с закрытыми глазами Мэрилин видела, как он поправляет воротничок, приглаживает вихор на затылке, – столько лет прошло, а с этим вихром он по-прежнему чуточку смахивает на школьника. Она не открыла глаза, когда Джеймс наклонился поцеловать ее на прощанье, – знала, что если увидит его, опять польются слезы.

Потом на автобусной остановке она встала на колени прямо на тротуаре, поцеловала в щеку и Нэта, и Лидию, не смея взглянуть им в глаза.

– Будьте умницами, – сказала она. – Ведите себя хорошо. Я вас люблю.

Когда автобус обогнул озеро и исчез, Мэрилин зашла в спальню к дочери, потом к сыну. Из комода Лидии достала заколку – вишневым

бакелит с белым цветочком, одну из двух парных, Лидия редко их носила. Из сигарной коробки у Нэта под кроватью достала стеклянный шарик – не его любимый, кобальтовый со звездными белыми крапинками, а один из черных, которые он называл маслянками. От Джеймсова плаща – старого, ношенного во времена учебы, – отрезала запасную пуговицу с подкладки лацкана. От каждого – крошечный сувенир, спрятала все в карман платья. Спустя годы так будет поступать ее младшая дочь, хотя ни Ханне, ни кому еще Мэрилин о своей мелкой краже не расскажет. Она похитила не драгоценное и любимое – припрятала вещи, которых, может, и хватятся, но горевать по ним не станут. Незачем лишний раз рвать их жизни, пусть даже дырочка останется с булавоочный укол. Мэрилин снесла коробки из тайника на чердаке и села написать Джеймсу записку. Да только как такое написать? Не возьмешь почтовую бумагу – он же не чужак; тем более нельзя на листке из блокнота в кухне, словно речь о мелочах вроде списка покупок. В конце концов она вытащила чистый лист из пишмашинки, села за туалетный столик и взяла шариковую ручку.

Я поняла, что несчастна. Я задумывала другую жизнь, но все сложилось не так, как я хотела. Ее сотряс глубокий вздох. Я давно это скрывала, но теперь, побывав в доме матери, думаю о ней и понимаю, что не могу больше отмахиваться от своих чувств. Я знаю, что ты без меня справишься. Тут она остановилась, постаралась внушить себе, что это правда.

Надеюсь, ты поймешь, почему я должна уехать. Надеюсь, ты сможешь меня простить.

Долго-долго она сидела, сжимая ручку, не зная, как закончить. А потом порвала записку и высыпала клочки в корзину для бумаг. Лучше просто уехать. Исчезнуть из их жизни, будто и не было никогда.

У Нэта и Лидии, которые вылезли из автобуса на остановке, где их никто не ждал, и сами вошли в незапертый пустой дом, именно такое впечатление и сложилось. Отец, вернувшись домой два часа спустя и обнаружив своих детей на крыльце, будто им страшно одним в доме, все задавал и задавал вопросы.

– Что значит «ее нет»? – спрашивал он Нэта, и тот лишь твердил: «Ее нет», потому что других слов не находил.

А Лидия не проронила ни звука за весь этот сумбурный вечер, пока отец вызывал полицию, а потом обзванивал соседей, но напрочь забыл и про ужин, и про «пора в постель», и полицейские все строчили и строчили в блокнотах, и в конце концов и Лидия, и Нэт уснули прямо в гостиной на полу. Среди ночи Лидия проснулась в своей постели – куда ее прямо в

туфлях сгрузил отец – и нащупала дневник, подаренный мамой на Рождество. Наконец-то случилось что-то важное – надо записать. Но Лидия не знала, как объяснить, что за один день все перевернулось с ног на голову, что человек, которого она так любила, только что был здесь, а не успели оглянуться – и *ее нет*.

Пять

Про то лето, про давнее исчезновение матери Ханна ни сном ни духом. Всю ее жизнь родные об этом помалкивают, а если б и заговорили – толку-то? Ханна злится на сестру за то, что исчезла, недоумевает от того, что Лидия всех бросила; если б Ханна знала, злилась бы и недоумевала сильнее. «Как ты могла, – думала бы она, – раз ты знала, каково это?» А так, воображая, как сестра погружается в озеро, Ханна способна подумать лишь «Как?» и «Каково это?».

Сегодня она выяснит. Опять ночь, два часа по светящемуся будильнику. Ханна всю ночь терпеливо лежит в засаде, смотрит, как меняются цифры. 1 июня – был бы ее последний день перед каникулами; завтра Нэту полагается в синей мантии и академической шапке прошагать по сцене и получить аттестат. Но вся семья на церемонию не пойдет, Ханна и Нэт не появлялись в школе с того дня, когда... Разум Ханны обрывает эту мысль.

На скрипучую шестую ступеньку она ступает на цыпочках, перепрыгивает розетку на ковре в прихожей – под розеткой разошедшая половица – и кошкой приземляется у двери. Мэрилин, Джеймс и Нэт наверху лежат без сна, призывают сон, но Ханну не слышат: ее тело обучилось всем тайнам тишины. В темноте ее пальцы отодвигают засов, убирают цепочку, не звякнув. Эта ловушка нова. До похорон цепочки не было.

Ханна упражняется уже три недели, тербит замок, едва мать отвернется. А теперь Ханнино тело просачивается в дверь и босиком шагает на лужайку, как Лидия в последнюю ночь жизни. За ветвями зависла луна; из зернистого мрака постепенно проступают двор, и дорожка, и другие дома. Вот что видела Лидия в ту ночь: лунные блики в окнах у миссис Аллен, все почтовые ящики слегка накренились. Тускло мерцает фонарь на углу, где центральная улица завивается вокруг озера.

Ханна стоит на краю лужайки – пятки еще на траве, пальцы уже на тротуаре – и вспоминает, как шагнула во мрак худая фигура Лидии. Непохоже было, что Лидии страшно. И Ханна тоже ступает прямо на середину дороги, где желтела бы разделительная полоса, если б в их тупике чаще ездили машины. В домах брезжат изнанки занавесок. По всей улице свет не горит – только лампочка у миссис Аллен на крыльце, но миссис Аллен никогда ее не выключает, даже днем. Ханна, когда была младше,

думала, что взрослые не спят за полночь – до двух часов, до трех. Еще один пункт в списке того, что обернулось неправдой.

Она тормозит на углу, но и справа и слева тьма, никаких машин. Глаза привыкли к темноте, и Ханна бежит через улицу, к травянистому озерному берегу, озера по-прежнему не видя. Склон уходит вниз – значит, близко. Ханна минует стайку берез – все задрали одеревеневшие руки, будто сдаются. Нога вдруг нащупывает воду. В вышине глухо гудит самолет, а Ханна различает слабый плеск – вода лижет щиколотки, тихо-тихо, как язык во рту касается десен. Если очень сильно прищуриться, различишь еле заметное мерцание – похоже на серебристый тюль. А так и не догадаешься, что здесь вода.

– Замечательный район, – сказал маклер Джеймсу и Мэрилин, когда те переехали в Миддлвуд. (Ханна слышала эту историю сто раз.) – Пять минут до продуктового и банка. И вы вдумайтесь – озеро почти что за окном. – Глянул на округлившийся живот Мэрилин: – Будете с ребятишками плавать лето напролет. Все равно что собственный пляж.

Очарованный Джеймс согласился. Ханна всю жизнь любила это озеро. А теперь оно переменялось.

Отполированный временем причал под луной серебристо-сер, как в тот день. Фонарь на столбе у края с натугой растягивает по воде световой круг. Ханна сядет в лодку, как Лидия. Догребет до середины, где почему-то очутилась сестра, поглядит в воду. Может, тогда поймет.

Но лодки нет. Запоздало остерегшись, город убрал лодку.

Ханна садится на пятки и воображает, как сестра встает на колени, отвязывает лодку, отталкивается от причала – подальше, не видно даже, где кончается тьма и начинается вода. Ханна ложится на причал, баюкает себя, смотрит в ночное небо. К последней ночи сестры не подобраться ближе.

Любым другим летом озеро было бы прекрасно. Нэт и Лидия надели бы купальные костюмы, расстелили бы полотенца на траве. Лидия, блестя детским маслом, растянулась бы на солнышке. Если б Ханне очень повезло, ей разрешили бы растереть по рукам масло, завязать тесемки бикини на Лидии, когда та дожарила бы себе спину. Нэт с разбегу нырнул бы с причала, окатив их обеих мелкими брызгами, и капли жемчугами заблестели бы на коже. В самые лучшие дни – хотя такие случались очень-очень редко – пришли бы и родители. Отец плавал бы австралийским кролем и брассом, а в очень хорошем настроении взял бы Ханну туда, где до дна не достать, и она бы брыкалась, а он бы ее держал. Потом Ханна вернулась бы на полотенце, а мать в тени громадной шляпы оторвалась бы от «Нью-Йоркера» и разрешила бы Ханне тихонько привалиться к своему

плечу, посмотреть на карикатуры. Такое случилось только на озере.

Этим летом они на озеро не пойдут; больше не пойдут никогда. Это без вопросов. Отец последние три недели торчит на работе, хотя университет предложил заменить его до конца триместра. Мать часами сидит у Лидии, смотрит, но ничего не трогает. Нэт бродит по дому, как зверь в клетке, открывает буфеты – и закрывает, берет одну книгу, потом другую – и отбрасывает. Ханна молчит. Новые правила никто не огласил, но она их уже выучила. Не говорить о Лидии. Не поминать озеро. Не задавать вопросов.

Долго-долго она не шевелится, воображает сестру на озерном дне. Лицо обращено вверх, вот так, разглядывает испод воды. Руки раскинуты, вот так, будто Лидия обнимает весь мир. Слушает, слушает, ждет, когда они придут и ее отыщут. *Мы не знали, думает Ханна. Мы бы пришли.*

Без толку. Она все равно не понимает.

Дома Ханна прокрадывается в спальню Лидии и затворяет дверь. Приподнимает покрывало и вытаскивает из-под кровати бархатную шкатулочку. Спрятавшись под одеялом, открывает ее и достает серебряный медальон. Отец подарил его Лидии на день рождения, но Лидия запихала его под кровать, и бархат от пыли весь всклокочился.

Цепочка порвалась, и к тому же Ханна обещала Лидии, что никогда в жизни медальон не наденет, а Ханна держит слово, данное тем, кого она любит. Даже если они и не живые уже. Ханна перебирает цепочку, будто четки. Кровать пахнет спящей сестрой: теплый, мускусный, резкий запах дикого зверя, что выпрастывался из Лидии, лишь когда она глубоко спала. Ханна почти чувствует отпечаток сестриного тела в матрасе – он обволакивает ее, точно объятие. Утром, когда в окно вползает солнце, Ханна застилает постель, кладет медальон на место и уходит к себе. Она не рассуждает – она и так знает, что все повторится следующей ночью, и той, что за ней, и потом. Просыпаешься, разглаживаешь одеяло, идешь к двери, осторожно перешагивая разбросанные туфли и тряпки.

Нэт спускается к завтраку, слышит, как родители спорят, и останавливается в коридоре за дверью.

– Всю ночь отперта, – говорит мать, – а тебе хоть бы хны.

– Она была заперта. Засов был на месте.

В голосе отца уже колючки, и Нэт понимает, что разговор длится довольно давно.

– Кто-нибудь мог войти. Я же не просто так цепочку повесила.

Нэт на цыпочках шагает в кухню, но родители – Мэрилин склонилась

над раковиной, Джеймс сгорбился на стуле – не поднимают головы. За столом Ханна ерзает над тостами с молоком. *Простите*, изо всех сил думает она. *Я забыла про цепочку. Простите, простите меня*. Родители не замечают. И вообще ведут себя так, будто Ханны и нет.

Надолго повисает тишина. Потом Джеймс произносит:

– Ты правда считаешь, что цепочка на двери помогла бы?

Мэрилин стучает чашкой о столешницу.

– Она бы ни за что не ушла одна. Я же знаю. Среди ночи, тайком? Моя Лидия? Да никогда в жизни. – Мэрилин обеими руками вертит фарфоровую чашку. – Ее кто-то туда отвел. Какой-то псих.

Джеймс вздыхает – с дрожью, словно тужится поднять несусветную тяжесть. Три недели Мэрилин не может сменить пластинку. Наутро после похорон Джеймс проснулся на рассвете, все обрушилось на него вновь – полированный гроб, скользкое касание Луизиной кожи, и как Луиза тихо застонала, усевшись на него верхом, – и он содрогнулся: как будто замарался, как будто вывалился в грязи. Включил душ – почти кипятком, на месте не устоишь, и он вертелся, как на шампуре, то так, то эдак подставлялся под паркую струю. Не помогло. Выйдя из ванной, спустился по лестнице на тихий скрежет – а Мэрилин внизу прилаживала к парадной двери цепочку.

Он хотел выпустить наружу мысль, что зрела в голове не первый день: от того, что случилось с Лидией, не защититься, не закрыться замками. Но прикусил язык, увидев лицо Мэрилин – скорбное и испуганное, но к тому же злое, будто он в чем-то виноват. На миг она словно перестала быть собой – какая-то чужая женщина. Джеймс тяжело сглотнул, застегнул воротник под горло.

– Ну, – сказал, – я на работу. У меня летний курс.

Наклонился ее поцеловать, а она шарахнулась, будто обожглась. На веранде почтальон оставил газету. «Семья похоронила дочь».

Газета до сих пор заперта в нижнем ящике стола. «Ли, одна из двоих азиаток в Миддлвудской средней школе (другим был ее брат Нейтан), выделялась в толпе учеников. Однако мало кто был близко с нею знаком». С тех пор что ни день – новые вести: в маленьком городке любая смерть – сенсация, но смерть молодой девушки – золотая жила для репортеров. «Полиция продолжает поиски улик в деле погибшей девушки». «Вероятен суицид, заявляет следствие». Всякий раз Джеймс складывает газету заголовком внутрь, будто гниль какую, – прячет от детей и Мэрилин. Лишь укрывшись на работе в кабинете, разворачивает и внимательно читает. А затем убирает в растущую кипу в запертом ящике. Теперь же он склоняет

голову:

– Вряд ли дело было так.

Мэрилин оцетинивается:

– А у тебя какие версии?

Не успевает Джеймс ответить, звонят в дверь. Пришли полицейские, и едва они ступают в кухню, Нэт и Ханна одновременно вздыхают. Наконец-то родители перестанут собачиться.

– Мы просто сообщить, как продвигается дело, – говорит старший (фамилия Фиск, припоминает Нэт). Извлекает из кармана блокнот, куцым пальцем поправляет очки. – В участке все очень вам соболезнуют. Мы просто хотим понять, что произошло.

– Разумеется, офицер, – шепчет Джеймс.

– Мы побеседовали со всеми, кого вы называли. – Фиск сверяется с блокнотом. – Карен Адлер, Пэм Сондерс, Шелли Брайерли – все утверждают, что почти не были с ней знакомы.

Ханна смотрит, как краснеет отцовское лицо – точно сыпью идет.

– Еще мы побеседовали с одноклассниками и учителями Лидии. Судя по всему, друзей у нее было немного. – Фиск поднимает глаза: – Как по-вашему, Лидия была одинока?

– Одинока? – Джеймс косится на жену, а затем – впервые за утро – на сына. «Ли, одна из двоих азиатов в Миддлвудской средней школе (другим был ее брат Нейтан), выделялась в толпе учеников». Джеймсу это знакомо: идешь сквозь строй бледно-рыбьих безмолвных лиц, все таращатся. Он внушал себе, что у Лидии все иначе, что у нее полно подруг – что она вместе с толпой. – Одинока, – медленно повторяет он. – Она много времени проводила одна.

– Она была ужасно занята, – вмешивается Мэрилин. – Она так старалась в школе. Куча домашних заданий. Много училась. – Мэрилин заглядывает в глаза то одному полицейскому, то другому, словно боится, что ей не поверят. – Она была очень умная.

– А в последние недели не грустила? Как вам показалось? – спрашивает полицейский помоложе. – Не намекала, что может себе повредить? Или...

Мэрилин даже договорить ему не дает:

– Лидия была очень счастлива. Она любила школу. Могла бы стать кем угодно. Она бы ни за что не села в эту лодку сама. – Руки у Мэрилин трясутся, и, чтобы сдержать дрожь, она снова вцепляется в чашку – так яростно, что Ханне кажется, чашка вот-вот разлетится на куски. – Может, вы поищите того, кто ее туда потащил?

– Нет никаких свидетельств, что с ней кто-то был в лодке, – говорит Фиск. – Или на причале.

– Откуда вы знаете? – не отступает Мэрилин. – Моя Лидия ни за что не села бы в лодку одна. – На кухонную столешницу плещет чай. – Нынче ведь невесть кто за каждым углом.

– Мэрилин, – говорит Джеймс.

– Ты газеты почитай. Куда ни плюнь – психопаты, похищают людей, стреляют. Насилуют. Может, полиция уже начнет отлавливать их? Или какие еще нужны поводы?

– Мэрилин, – повторяет Джеймс громче.

– Мы проверяем все версии, – мягко отвечает Фиск.

– Мы знаем, – говорит ему Джеймс. – Вы делаете все, что в ваших силах. Спасибо вам. – Смотрит на Мэрилин: – Большого и требовать нельзя.

Мэрилин открывает было рот, но захлопывает, ни слова не сказав.

Полицейские переглядываются. Потом тот, что помоложе, говорит:

– Мы бы хотели задать пару вопросов Нейтану, если можно. Наедине.

К Нэту оборачиваются пять лиц, и щеки у него вспыхивают.

– Мне?

– Кое-что уточнить, – поясняет Фиск, кладя руку ему на плечо. – Давай, может, выйдем на веранду?

На веранде Фиск закрывает парадную дверь, Нэт прислоняется к перилам. Под ладонями краска лупится, ошметки мотыльками оседают на пол. Нэт и сам мучился – не позвонить ли в полицию, не рассказать ли про Джека, про то, что, похоже, это Джек в ответе. Живи они в другом городе, в другое время, полиция, наверное, уже разделяла бы Нэтовы подозрения. Или будь сама Лидия другой – какой-нибудь Шелли Брайерли, Пэм Сондерс, Карен Адлер, нормальной, понятной девчонкой. Полиция пригляделась бы к Джеку повнимательнее, сложила бы цельную историю из многолетних мелких жалоб – из учительских сетований на разрисованные парты и дерзости, из негодования других братьев, с чьими сестрами вольничал Джек. Полиция прислушалась бы к Нэту – *после школы, всю весну, каждый день* – и пришла бы к схожим выводам. Девушка и парень, столько времени вместе, наедине – не так уж трудно понять, отчего Нэт глядит на Джека волком. Как и Нэт, полиция сообразила бы, что каждое слово, каждый поступок Джека подозрительны.

Но увы. Это усложняет сюжет, а сюжет – который излагают учителя и однокашники – прозрачнее некуда. Тихая девочка, друзей нет. В последнее время учеба просела. И, будем уж честны, вся семейка *странная*. Ни с кем

не дружат, полон дом каких-то недотеп. Все это сияет так ярко, что Джек отступает в тень. Такая девушка – и такой парень, который заполучил бы (и получает) любую, кого захочет? Да им и нафантазировать не удастся того, что Нэт знает за истинную правду, а того, что он нафантазировал, – и подавно. Своим подчиненным Фиск нередко говорит: «Если цокают копыта – жди скорее лошадей, чем зебр». А у Нэта, скажут они, просто-напросто истерика. Повсюду зебры мерещатся. Глядя полицейским в лицо, Нэт понимает, что упоминать Джека без толку: они уже решили, кто виноват.

Фиск тоже прислоняется к перилам.

– Мы просто хотели поболтать с глазу на глаз, Нейтан. Может, ты вспомнил что-нибудь? Иногда братьям-сестрам известно друг о друге всякое, а родители и знать не знают, понимаешь?

Нэт пытается выдать какое-никакое «да», но не получается. Он лишь кивает. Сегодня, вдруг вспоминает он, ему должны были выдать аттестат.

– Лидия часто уходила из дома тайком, одна? – спрашивает Фиск. – Тебе нечего бояться. Тебе ничего не грозит. Просто расскажи, что знаешь.

«Просто» да «просто» – будто просит о крошечной услуге, сделать мимоходом и забыть. Поговори с нами. Выложи нам ее тайны. Расскажи нам всё. Нэта трясет. От полицейских это явно не укрылось.

– Она раньше удирала ночью из дома? – спрашивает полицейский помоложе.

Нэт сглатывает, старается взять себя в руки.

– Нет, – сипло отвечает он. – Никогда, нет.

Полицейские переглядываются. Затем тот, что помоложе, садится на перила рядом с Нэтом – будто пацан перед уроками, к шкафчику прислонился, можно подумать, они тут друзья. Вот, значит, какая у него роль. Прикинуться дружбаном, уломать, разговорить. Ботинки у него начищены до блеска, и в них отражается солнце – мутные пятна света на носках.

– Лидия обычно ладила с родителями? – Полицейский ерзает, и перила скрипят.

Может, деточка, тебе тоже в какой-нибудь клуб вступить? С новыми людьми познакомишься. Не хочешь взять летний курс? Должно быть интересно.

– С родителями? – переспрашивает Нэт и сам еле узнает свой голос. – Конечно, ладила.

– Они при тебе когда-нибудь ее били?

– Били?

Лидию? Да с нее пылинки сдували, ее холили и лелеяли, Лидию – прекраснейший из цветочков. Лидию, о которой мать думала непрестанно и, даже читая, погибала углы, показать дочери статью – Лидии должно понравиться? Лидию, которую отец, приходя с работы, целовал первой?

– Они бы никогда не ударили Лидию. Они ее *обожали*.

– Она не говорила, что хочет нанести себе вред?

Перила расплываются. Нэт в силах только головой потрясти. Решительно. Нет. Нет. Нет.

– Как тебе показалось, она была расстроена накануне вечером?

Нэт задумывается. Он хотел рассказать ей про колледж, про густозеленую листву против темно-красного кирпича, про то, как там будет клево. Как впервые в жизни он стоял во весь рост, как с этого нового ракурса весь мир виделся ему шире, больше, ярче. Но Лидия за ужином ни звука не проронила, а потом сбежала к себе. Нэт подумал, она устала. Подумал: «Завтра расскажу».

И тут, к своему ужасу, он плачет, и мокрые неопрятные слезы текут по носу и капают за ворот.

Полицейские отворачиваются, Фиск закрывает блокнот, выуживает из кармана носовой платок.

– Себе оставь, – говорит он, протягивая его Нэту, разок с силой сжимает ему плечо, а затем полицейские уходят.

В кухне Мэрилин осведомляется у Джеймса:

– Мне что теперь, спрашивать у тебя дозволения заговорить в обществе?

– Я не об этом. – Джеймс облакачивается на стол, руками подпирает лоб. – Но нельзя разбрасываться обвинениями. Нельзя поливать грязью полицию.

– А кто поливает? Я просто спросила. – Мэрилин роняет чашку в раковину и включает воду. В стоке буйно набухает мыльная пена. – «Проверяем все версии»? Он и слушать не стал, когда я сказала, что это мог быть кто-то чужой.

– Потому что ты истеришь. Ты один раз услышала новость по радио и теперь выдумываешь. Хватит уже. – Джеймс так и не поднял головы. – Мэрилин, пожалуйста, *хватит*.

Следует краткая пауза, и Ханна сползает под стол, съеживается, обнимая коленки. Скатерть полумесяцем отбрасывает тень на линолеум. Пока так сидишь, поджав пальцы на ногах, родители не вспомнят, что она тут. Ханна раньше не слышала, чтоб они ругались. Иногда препираются о

том, кто забыл завинтить крышечку на зубной пасте или кто оставил свет в кухне на всю ночь, но потом мать сжимает отцовскую руку, а отец целует мать в щеку, и все опять хорошо. На сей раз иначе.

– То есть я просто истеричная домохозяйка? – Голос у Мэрилин холоден и остер, как стальное лезвие, и Ханна под столом перестает дышать. – Так или иначе, кто-то виноват. Если я сама должна выяснять, что с ней случилось, – я буду выяснять сама. – Она трет столешницу полотенцем и швыряет его на пол. – Казалось бы, тебе тоже должно быть интересно. Но ты смотри-ка. «Разумеется, офицер. Спасибо вам, офицер. Большого и требовать нельзя, офицер». – Сток давится мыльной пеной. – У меня, знаешь ли, свои мозги есть. В отличие от некоторых я не пресмыкаюсь перед полицией.

В тумане бешенства Мэрилин не думает, что говорит. Но слово вылетает пулей и застревает у Джеймса в груди. Эти четыре слога – *пресмыкаться* – взрываются картинками: согбенные кули в остроконечных шляпах, китайцы с косичками сложили ладошки. Покорный прищур. Подобострастные поклоны. Джеймс давно подозревал, что таким его все и видят – и Стэнли Хьюитт, и полицейские, и кассирша в продуктовом. Только вот не думал, что и Мэрилин тоже.

Он роняет мятую салфетку на пустой стол и со скрежетом отодвигает стул.

– У меня лекция в десять, – говорит он.

Ханна из-под скатерти смотрит, как отцовские ноги в носках – на пятке вот-вот прорвется крохотная дырочка – удаляются к лестнице в гараж. Пауза – отец надевает туфли, – и рокочет гаражная дверь. А затем, едва заводится машина, Мэрилин хватает из раковины чашку и мечет на пол. По линолеуму скачут осколки фарфора. Ханна не шевелит ни единым мускулом, а ее мать бежит наверх и хлопает дверью спальни, а ее отец задом сдает со двора, а машина постанывает и, рыкнув, катит прочь. Лишь когда наступает полнейшая тишина, Ханна смеет выползти из-под стола, собрать фарфоровые обломки из мыльной лужи.

Скрипит парадная дверь, и в кухне появляется Нэт – глаза и нос красные. Ясно, что он плакал, но Ханна делает вид, будто не заметила, головы не поднимает, складывает осколки в горсть.

– Что тут такое?

– Мама с папой поссорились. – Ханна ссыпает бывшую чашку в мусорное ведро и вытирает руки о штанины клешей. Вода, решает она, как-нибудь и сама высохнет.

– Поссорились? Из-за чего?

Ханна переходит на шепот:

– Не знаю. – Сверху, из родительской спальни, ни звука, но Ханна дергается. – Пошли на улицу.

Снаружи они не сговариваясь сворачивают к озеру. Ханна на ходу внимательно озирает улицу, будто отец еще за углом, уже не сердится, готов вернуться домой. Ничего не видно, кроме редких припаркованных машин.

Но инстинкты Ханну не подводят. Джеймса, едва он выезжает со двора, тоже манит озеро. Он объезжает его раз, потом другой. Слова Мэрилин эхом отдаются в голове. «Не пресмыкаюсь перед полицией». Снова и снова он слышит это нескрываемое отвращение, это пренебрежение. И Мэрилин не упрекнешь. Как Лидии быть счастливой? *Ли выделялась в толпе учеников. Мало кто был близко с нею знаком. Вероятен суицид.* Он проезжает причал, где Лидия села в лодку. Затем поворот в тупик, где дом. Затем снова причал. Где-то в центре этого круга его дочь, одинокая, без друзей, в отчаянии нырнула в воду. «Лидия была очень счастлива, – сказала Мэрилин. – Кто-то виноват». Кто-то, думает Джеймс, и в горло ему будто кол вбили. Невыносимо смотреть на это озеро. Тут он понимает, куда его тянет.

Про себя он сто раз отрепетировал, что скажет Луизе, и утром проснулся с этой речью на губах. *Это была ошибка. Я люблю жену. Это больше никогда не повторится.* А сейчас Луиза открывает дверь и с губ его срывается:

– Прошу тебя.

И она бережно, благородно, божественно принимает его в объятия.

В ее постели можно перестать думать – о Лидии, о газетах, об озере. О том, что делает дома Мэрилин. О том, кто *виноват*. Джеймс сосредоточивается на изгибе Луизиной спины, на бледном шелке ее бедер, на черной волне волос, что снова, снова и снова оглаживает его по лицу. После Луиза обхватывает его руками сзади, как ребенка, и говорит:

– Останься.

И он остается.

А Мэрилин делает вот что: расхаживает по спальне Лидии, от гнева вся в мурашках. Ясно же, что думает полиция, – они так прозрачно намекают. «Нет никаких свидетельств, что с ней кто-то был в лодке. Как по-вашему, Лидия была одинока?» И ясно, что Джеймс с ними согласен. Но ее дочь не могла быть так несчастна. Ее Лидия, вечно улыбочивая, вечно услужливая? *Конечно, мам. Я с удовольствием, мам.* Допустить, что Лидия совершила такое сама... да нет, Лидия слишком их любила. Каждый вечер

перед сном находила Мэрилин где угодно – в кухне, в кабинете, в прачечной – и смотрела в глаза: «Мам, я тебя люблю. До завтра». Даже в последний вечер так и сказала – *завтра*, а Мэрилин на ходу приобняла ее, чмокнула в плечо и сказала: «Ложись скорее, поздно уже». Тут Мэрилин оседает на ковер. Если б она знала, она бы обнимала Лидию чуть дольше. Поцеловала бы. Обхватила бы дочь руками и ни за что бы не отпустила.

Школьный рюкзак привалился к столу – полиция так и оставила, осмотрев спальню, – и Мэрилин подволакивает его к себе, кладет на колени. Рюкзак пахнет ластиками, карандашными опилками, мятной жвачкой – драгоценные, школьные, девчачьи запахи. Прижимаясь к Мэрилин, учебники и папки в холщовой обертке шевелятся, точно кости под кожей. Мэрилин обнимает рюкзак, набрасывает лямки на плечи, и рюкзак всей своей тяжестью обнимает ее в ответ.

А затем из полуоткрытого переднего кармана на молнии вспышкой сигналил что-то красно-белое. Под пеналом и пачкой карточек для записей в подкладке разрез. Небольшая дырочка, занятые полицейские могли и пропустить, даже зоркому материнскому глазу ее видеть не полагалось. Мэрилин втискивает руку внутрь и извлекает на свет пачку «Мальборо». А под ней кое-что еще: открытая коробка презервативов.

Мэрилин роняет то и другое, будто змею достала, и с грохотом спихивает рюкзак с коленей. Наверняка чужие, думает она, не Лидии же. Ее Лидия не курила. А что до презервативов...

Уговорить себя как-то не удастся. В первый день полицейские спросили: «А мальчик у Лидии есть?» – и Мэрилин ответила без запинки: «Ей едва шестнадцать исполнилось». А теперь смотрит на две коробочки в гамаке юбки, и абрис дочериной жизни – прежде такой четкий, такой ясный – расплывается. Голова идет кругом; Мэрилин виском прислоняется к столу. Она выяснит все, чего не знает. Будет искать, пока не поймет, как такое могло случиться, пока не постигнет свою дочь целиком.

Нэт и Ханна садятся на траве у озера и, надеясь на некое озарение, молча глядят на воду. В нормальный летний день с полдюжины ребятишек бултыхались бы в воде и прыгали с причала, но сегодня тут безлюдно. Может, думает Нэт, теперь дети боятся плавать. Что происходит с телами в воде? Растворяются, как таблетки? Неизвестно, и сейчас, взвешивая версии, Нэт рад, что отец никому не дал посмотреть на тело Лидии.

Нэт оглядывает озеро. Пусть время утекает. Лишь когда Ханна выпрямляется и кому-то машет, Нэт выныривает из забытья и не сразу фокусирует взгляд на улице. Джек в выцветшей голубой футболке и

джинсах возвращается с выпускной церемонии, перекинув мантию через локоть, – можно подумать, день как день на дворе. Нэт не видел Джека с похорон, хотя пару-тройку раз в сутки поглядывал на его дом. Джек замечает Нэта и меняется в лице. Поспешно отворачивается, делает вид, будто их не видит, и ускоряет шаг. Нэт рывком вскакивает.

– Ты куда?

– С Джеком потолковать.

Сказать по правде, Нэт не знает, что будет делать. Он никогда не дрался – он худосочнее и ниже почти всех одноклассников, – но смутно воображает, как хватает Джека за грудки и прижимает к стенке, как Джек внезапно кается. «Это я во всем виноват – я ее заманил, я ее уломал, я ее соблазнил, я ее разочаровал». Ханна тоже вскакивает и хватается за запястье:

– Не надо.

– Это все из-за него, – говорит Нэт. – Пока не появился он, она среди ночи гулять не ходила.

Ханна тянет его к земле, Нэт опускается на колени, а Джек почти трусцой добирается до поворота в тупик, и синяя мантия трепещет у него в кильватере. Джек оборачивается через плечо, и сомнений нет: страх в ссутуленных плечах, страх во взгляде, что стреляет в Нэта – и мигом в сторону. Джек исчезает за углом. Вот-вот взбежит на крыльцо, откроет дверь, и тогда его не достать. Нэт вырывается, но Ханна впиалась ему в кожу ногтями. Ты подумай, какой сильный ребенок.

– Отвянь...

Оба падают на траву, и Ханна наконец разжимает хватку. Нэт медленно садится, пытается отдышаться. Джек уже укрылся в доме. Ни за что не откроет, даже если позвонить, забарабанить в дверь.

– Ты что, спятила?

Ханна одной рукой вычесывает палый листик из волос.

– Не надо с ним драться. Ну пожалуйста.

– Да ты совсем того. – Нэт трет запястье – от Ханниных ногтей осталось пять красных отметин. Одна кровоточит. – Господи боже. Я просто поговорить хотел.

– Чего ты на него злишься?

Нэт вздыхает:

– Ты же видела его на похоронах. Какой он был странный. И сейчас тоже. По-моему, боится, как бы я чего не узнал. – И вполголоса: – Я знаю, что он замешан. Я нутром чую. – Нэт кулаком растирает грудь, прямо под горлом, и мысли, прежде лишённые голоса, с боем вырываются наружу. –

Знаешь, в детстве Лидия как-то раз упала в озеро, – произносит он, и пальцы у него подрагивают, точно он произнес запретное.

– Я не помню, – говорит Ханна.

– Ты еще не родилась. Мне было всего семь.

К его удивлению, Ханна подползает ближе. Легко кладет ладонь ему на руку, где поцарапала, прислоняется к нему головой. Она раньше не смела садиться так близко; и Нэт, и Лидия, и мать, и отец сразу дергали плечом или шугали. *Ханна, я занята. У меня дела вообще-то. оставь меня в покое.* На сей раз – и Ханна затаивает дыхание – Нэт не отодвигается. Не говорит больше ничего, но по ее молчанию понимает, что она слушает.

Шесть

Лето, когда Лидия упала в озеро, лето, когда пропала Мэрилин, – все старались его забыть. О нем не говорили, о нем не упоминали даже. Но оно не уходило, как дурной запах. Пропитало их так глубоко, что не выполощешь.

Каждое утро Джеймс звонил в полицию. Нужны другие фотографии Мэрилин? Может, еще что-нибудь рассказать? Позвонить еще кому-нибудь? Через две недели, в середине мая, следователь деликатно сказал:

– Мистер Ли, мы очень ценим вашу помощь. И мы ищем машину. Но я ничего не обещаю. Ваша жена взяла одежду. Упаковала чемоданы. Забрала ключи. – Фиск уже тогда не любил внушать ложные надежды. – Порой такое бывает. Порой люди просто слишком разные. – Не произнес вслух «неравный», «межрасовый» и «мезальянс», но это и не требовалось. Джеймс все равно расслышал и даже десять лет спустя прекрасно помнил Фиска.

Детям он сказал:

– Полиция ищет. Ее найдут. Она скоро вернется домой.

Лидия и Нэт запомнили так: шли недели, а ее все *не было*. На переменах другие дети шептались, а учителя смотрели жалостно, и оба вздохнули с облегчением, когда наконец наступили каникулы. После этого отец не выходил из кабинета, а им разрешал дни напролет смотреть телевизор – от «Могучей мыши» и «Суперпса» по утрам до «У меня есть секрет»^[17] поздно ночью. Как-то раз Лидия спросила отца, что он делает в кабинете, а Джеймс вздохнул и ответил:

– Да дурака валяю.

Лидия вообразила, как отец катает по полу какого-то дурака, подталкивает его резиновыми тапочками, чтоб не больно, – пум, пум, пум.

– Это значит, он книжки читает и всякое такое, дура, – сказал Нэт, и резиновые тапочки обернулись нормальными отцовскими ботинками с истрепанными шнурками.

А на самом деле Джеймс каждое утро делал вот что: вынимал из кармана конвертик. В первый вечер, когда полицейские ушли, забрав фотокарточку Мэрилин и заверив, что сделают все возможное, а Джеймс унес детей из гостиной и уложил по кроватям прямо в одежде, в спальне он заметил бумажные клочки в корзине. Один за другим выудил их из мешанины ватных шариков, старых газет, одноразовых платков с

отпечатками на помаженном поцелуя. Сложил их на кухонном столе, совместил драные края. *Я задумывала другую жизнь, но все сложилось не так, как я хотела.* Нижняя половина листа пустовала, но Джеймс усердствовал, пока не сложил все клочки. Она даже подписи не поставила.

Он перечитывал и перечитывал записку, разглядывал древесину, змеившуюся в просветах между белыми обрывками, пока небо не перекрасилось из темно-синего в серый. Затем смахнул клочки в конверт. Каждый день – всякий раз обещая себе, что это в последний раз, – он сажал Нэта с Лидией перед телевизором, запирался в кабинете и доставал рваную записку. Перечитывал, пока дети смотрели мультики, а потом мыльные оперы, а потом телевикторины, валялись в гостиной, без улыбки созерцали «Моя жена меня приворожила», и «Заклучим сделку», и «Если по правде»^[18] и в конце концов засыпали, невзирая на блистательные остроты Джонни Карсона^[19].

Поженившись, Джеймс с Мэрилин договорились забыть прошлое. Они начнут новую жизнь – вместе, вдвоем – и назад не оглянутся. Мэрилин исчезла, и Джеймс снова и снова нарушал их уговор. Всякий раз, перечитывая записку, вспоминал мать Мэрилин, которая ни разу не назвала его по имени, лишь (обращаясь к Мэрилин) «твой жених». Ее мать, чей голос Джеймс слышал в день свадьбы, чей голос отдавался эхом в мраморном вестибюле суда, как объявление по громкой связи, – оглушительно, даже люди оборачивались: «Так нельзя, Мэрилин. Ты же сама понимаешь, что так нельзя». Ее мать, которая хотела, чтобы Мэрилин вышла за того, кто *больше на нее похож*. Ее мать, которая после свадьбы ни разу не позвонила. Видимо, пока Мэрилин ела в материнном доме, спала в материнской постели, все это накатило вновь: она зря вышла за Джеймса. Ее мать была права. *Я давно это скрывала, но теперь, побывав в доме матери, думаю о ней и понимаю, что не могу больше отмахиваться от своих чувств.* В детском саду Джеймс научился, как сделать, чтобы не болел синяк, – надо жать на него пальцем. Первый раз больно так, что слезы на глаза наворачиваются. Второй раз больно чуть меньше. На десятый уже почти не ноет. И он перечитывал и перечитывал записку. Вспоминал все подряд: Мэрилин встает на коленки, завязывает Нэту шнурки на кроссовке; Мэрилин поднимает Джеймсу воротник рубашки, вставляет косточки. Мэрилин в самый первый день у него в кабинете: стройная, серьезная, вся как стрела – он не смел посмотреть на нее в упор.

Боль не уходила. Слезы наворачивались всякий раз.

В ночи, слыша, как телеканал прощается со зрителями и включает

гимн, Джеймс высыпал бумажные обрывки в конверт и совал его в карман рубашки. Потом на цыпочках выходил в гостиную, где на полу перед диваном в мерцании испытательной таблицы спали калачиком его дети. Джеймс относил в постель Лидию, потом Нэта, и его сверлил глазами индеец с экрана. Без Мэрилин постель была пуста, как засушливое плато, и потому Джеймс возвращался в гостиную, ложился на диван, заворачивался в старый вязаный плед и разглядывал круги на экране, пока не отрубался сигнал. А утром все повторялось.

Каждое утро, просыпаясь в своих постелях, Лидия и Нэт мимолетно надеялись, что вселенная починилась: они войдут в кухню, а у плиты мать, готовая одарить их ласками, поцелуями и яйцами вкрутую. Вслух об этих хрупких надеждах не говорили, но каждое утро, обнаружив в кухне лишь отца в мятой пижаме, который ставил на стол две пустые тарелки, они переглядывались. Ясно. Ее по-прежнему *нет*.

Они придумывали себе занятия, менялись зефирками, тянули время: розовую за оранжевую, две желтые за зеленую. На обед отец делал сэндвичи, только он ничего не умел: то желе мало, то арахисового масла, то хлеб резал на квадраты, а не на треугольники, как мама. Лидия и Нэт, внезапно постигнув, что такое такт, не произносили ни словечка, даже за ужином, когда их опять кормили арахисовым маслом и желе.

Из дома они выезжали только в продуктовый.

– Ну пожалуйста, – однажды взмолился Нэт по пути домой, когда за окном заскользило озеро. – Можно нам поплавать? Ну один час. Ну пять минут. Ну пять секунд.

Джеймс, не отводя глаз от зеркала заднего вида, не сбавил хода.

– Ты же знаешь, что Лидия не умеет, – сказал он. – Я сегодня не в настроении работать спасателем.

Он свернул к дому, а Нэт съехал вбок по сиденью и ущипнул Лидию за плечо.

– Малявка, – прошептал он. – Даже поплавать нельзя, и все из-за *тебя*.

Миссис Аллен полола свой сад и помахала им, едва открылись дверцы машины.

– Джеймс, – сказала миссис Аллен. – Джеймс, давненько тебя не видела.

У нее были острые грабельки, она надела перчатки, розово-лиловые, но когда прислонилась к калитке и содрала их с рук, Лидия заметила, что под ногтями у миссис Аллен грязные полумесяцы.

– Как Мэрилин? – спросила миссис Аллен. – Что-то надолго она запропастилась, а? Очень надеюсь, что все хорошо.

Глаза у нее возбужденно горели, будто (подумал Нэт) ей вот-вот перепадет подарок.

– Мы тут несем вахту, – ответил Джеймс.

– Скоро она возвращается?

Джеймс глянул на детей и замялся.

– Неведомо, – произнес он. Нэт пнул калитку миссис Аллен носком кроссовки. – Не надо, Нэт. Краску собьешь.

Миссис Аллен посмотрела на детей сверху вниз, но оба разом отвернулись. У нее слишком тонкие губы, слишком белые зубы. Лидия наступила на жвачку и приклеилась каблуком к бетонному тротуару, как настоящим клеем. Не убежишь, даже если б разрешили.

– Будьте умничками, и мамочка скоро вернется, – сказала им миссис Аллен. Затем одарила Джеймса тонкогубой улыбкой.

– У нас продукты, наверно, тают, – сказал он, пряча глаза, хотя и он, и Лидия, и Нэт знали, что в бумажном пакете только кварта молока, две банки арахисового масла «Джиф» и буханка хлеба. – Приятно было повидаться, Вивиан.

Он взял пакет под мышку, а детей за руки, и они пошли, а жвачка у Лидии под каблуком растянулась и лопнула – на тротуаре остался длинный сухой червяк.

За ужином Нэт спросил:

– Что такое «неведомо»?

Отец вдруг уставился в потолок, будто Нэт показал ему жука и надо разглядеть, пока жук не улепетнул. Лидии стало горячо в глазах, точно она заглянула в духовку. Нэт покаянно потыкал сэндвич согнутым пальцем, и арахисовое масло выдавилось на скатерть, но отец не заметил.

– Забудьте все, что сказала миссис Аллен, – наконец произнес Джеймс. – Она глупая и совсем не знает вашу маму. Притворитесь, что мы с ней вообще не разговаривали. – Он потрепал их по рукам и постарался улыбнуться. – Никто не виноват. Уж тем более не вы.

И Лидия, и Нэт знали, что он врёт, и понимали, что так оно теперь и будет очень долго.

Наступила влажная духота. По утрам Нэт считал, сколько дней нет мамы. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. Ему надоело торчать в затхлости, надоел телевизор, надоела сестра, которая все больше молча тарацила в экран остекленевшие глаза. А что тут скажешь? Мамино отсутствие потихоньку грызло их, разливалось тупой болью. Как-то утром в начале июня, когда Лидия задремала на рекламной паузе, Нэт на цыпочках прокрался к парадной двери. Отец не велел выходить из дома, но

веранда, решил Нэт, это еще дом.

В дальнем конце тупика на перилах своей веранды, уткнувшись подбородком в колени, сидел Джек. С того дня в бассейне Нэт с Джеком не разговаривал, даже не здоровался. Когда они вместе выходили из школьного автобуса, Нэт теребил лямки рюкзака и как можно быстрее шагал к дому. На переменах, на игровой площадке, завидев Джека, отбегал подальше. Неприязнь уже стала привычкой. Но теперь, когда Джек обернулся, заметил его и зашагал по улице, Нэт не двинулся с места. Поговорить с кем-нибудь – даже с Джеком – лучше, чем опять молчать.

– Будешь? – спросил Джек, подойдя к крыльцу.

В протянутой ладони – полдюжины красных карамельных рыбок с большой палец. С головы до хвоста, с хвоста до головы они блестели, как самоцветы. Джек улыбнулся, и у него даже уши задрались.

– В «Мелочах» купил. Десять центов за кулек.

И тотчас Нэт остро затосковал по полкам с ножницами, клеем и карандашами, по корзинам с прыгучими мячиками, восковыми съедобными губами и резиновыми крысами, по шеренге шоколадных батончиков в фольге на прилавке, по большой стеклянной банке с рубиновыми карамельками у кассы – открываешь крышку, и оттуда пахнет вишней.

Джек откусил одной рыбке голову и снова протянул карамельки Нэту:

– Вкусные.

Ресницы у Джека были песочные, как и волосы, кончики на солнце зазолотились. Нэт сунул в рот конфету, вдохнул ее сладость, посчитал веснушки у Джека на щеке: девять штук.

– Все будет нормалек, – вдруг сказал Джек. Склонился ближе, будто секретом делился: – Мамка говорит, *нужен* детям всего один родитель. Она говорит, если папка не хочет со мной видеться, хуже ему, а не мне.

Язык у Нэта закаменел и распух, как кусок говядины. Не сглотнуть даже. От сиропной слюны он чуть не задохнулся, выплюнул в траву недожеванную конфету.

– Заткнись, – прошипел он. – Понял? Заткнись.

Для полноты картины снова сплюнул, чтоб избавиться от вишневого вкуса. Ринулся в дом, грохнул дверью так, что сетка затряслась. Джек остался стоять под крыльцом, разглядывать рыбок, пойманных в кулак. Со временем Нэт забудет, отчего так разозлился, что именно Джек сказал. Запомнит только свою злость, что тлела, будто и не гасла никогда.

А спустя несколько дней началось чудесное развлечение – по крайней мере, для Нэта. Как-то утром он включил телевизор, но мультиков там не показывали. Показывали Уолтера Кронкайта^[20] за столом, невозмутимого,

будто зачитывает вечерние новости – но еще восьми утра не было, а стол его стоял на улице, на мысе Кеннеди, и ветер ворошил ему волосы и бумаги на столе. На пусковой площадке позади него замерла ракета; внизу экрана тикал обратный отсчет. Запускали «Джемини-9»^[21]. Если б Нэт знал такое слово, подумал бы: *какой сюр*. Ракета взлетела в облаке желто-зеленого дыма, и Нэт уткнулся носом прямо в экран, оставив жирное пятно. Счетчики показывали невероятные числа: семь тысяч миль в час, девять тысяч, десять. Нэт и не знал, что можно летать так высоко.

Все утро он поглощал новости, смаковал термины, точно изысканные конфеты: «стыковка», «траектория». Лидия свернулась клубком на диване и уснула, а Нэт до вечера твердил: «Джемини», «Джемини». «ДЖЕМ-и-ни». Как заклинание. Ракета давно растворилась в синеве, а камера все смотрела в небо, на бледнеющий белый плюмаж. Впервые за месяц Нэт ненадолго забыл про маму. С такой высоты – восемьдесят пять миль, девяносто, девяносто пять, сообщал счетчик, – на земле вообще ничего не разглядишь. Пропавшие матери, равнодушные отцы, насмехающиеся пацаны – все съезживается до крохотной точки и исчезает. На такой высоте – вообще ничего, кроме звезд.

Следующие полтора дня, невзирая на сетования Лидии, Нэт отказывался переключать телик на повторы «Я люблю Люси» или «Отец знает лучше»^[22]. Астронавтов Тома Стэффорда и Джина Сернана он стал звать по именам, как друзей. Когда впер вые включили трансляцию, Лидия слышала только сиплую искаженную ерунду, будто голоса пропустили сквозь мясорубку. А вот Нэт без труда разобрал, как Джин тихонько ахнул: «Ух, какая тут красота». Телетрансляцию с орбиты НАСА не вело, каналы передавали симуляцию: актер на тросах, декорации павильона в Миссури. Но когда фигура в скафандре выкарабкалась из капсулы и изящно, легко поплыла вверх – ногами к небу, не связанная *ничем*, – Нэт забыл, что это понарошку. Он все забыл. Забыл дышать.

За обедом, жуя сэндвичи с арахисовым маслом, Нэт сказал:

– А астронавты едят *креветочный коктейль*, и *тушеную говядину*, и *ананасовый пирог*.

За ужином Нэт сказал:

– Джин – самый молодой из всех, кто выходил в открытый космос, и у них будет самый долгий выход.

Утром, когда отец поливал хлопья молоком, Нэт, который от волнения не мог есть, сказал:

– Астронавты надевают *железные штаны*, чтобы защищать ноги от

выхлопа из сопел^[23].

Джеймс, которому должны были бы нравиться астронавты, – в конце концов, кто они, если не со временные ковбои, штурмующие новейший фронтир? – ничего этого не знал. Плутая в раздумьях, у сердца нося порванную записку Мэрилин, на манию сына он смотрел через другой конец телескопа. Астронавты в далеком небе – всего лишь песчинки. Два человечка в консервной банке ковыряют гайки и болты, пока на земле люди исчезают, даже умирают, а другие люди каждый день еле-еле доживают до вечера. Это так легковесно, так несуразно: переодетые актеры, подвешенные на тросах, прикидываются храбрецами. Пляшут, задрвав ноги выше головы. Нэт, безмятежно улыбаясь, с утра до ночи зачарованно пялился в экран, а у Джеймса в пищеводе жарко вспыхивало негодование.

Вечером в воскресенье Нэт сказал:

– Пап, представляешь – люди могут долететь почти до Луны *и все равно вернуться*. – И Джеймс закатил ему пощечину, от которой Нэт аж зубами лязгнул.

– Прекрати нести чушь, – сказал Джеймс. – Как ты можешь, у нас же...

Он никогда не бил Нэта и больше никогда не ударит. Но что-то между ними уже треснуло. Нэт, зажимая щеку, бросился из комнаты, Лидия за ним, а Джеймс, оставшись в одиночестве вспоминать потрясенные краснеющие глаза сына, лягнул телевизор, и тот грохнулся на пол, взорвался стеклом и искрами. В понедельник Джеймс специально отвез детей в универмаг «Декерз» за новым теликом, но впредь, думая про астронавтов и космос, будет вздрагивать и шарахаться, будто защищая глаза от осколков.

Нэт зато достал «Энциклопедию Британнику» и принялся читать. «Гравитация». «Ракета». «Двигатель». Искал в газетах статьи об астронавтах, о следующем полете. Украдкой вырезал их и складывал в папку, перечитывал, среди ночи просыпаясь от снов о маме. Спрятавшись под одеялом, вытаскивал фонарик из-под подушки и просматривал статьи по порядку, запоминал подробности. Выучил названия всех запусков: «Свобода», «Аврора», «Сигма». Повторял имена астронавтов: Карпендер. Купер. Гриссом. Гленн. Добравшись до конца списка, мог заснуть опять.

Лидию ничто не отвлекало от дыры, повторяющей контуры матери, и пока Нэта занимали *стыковочные узлы, приводнения и апогеи*, Лидия стала кое-что замечать: без мамы дом пахнет иначе. Один раз заметив, чуяла постоянно. Ночами Лидия смотрела ужасные сны: по ней ползали пауки, ее связали и бросили к змеям, она тонет в чайной чашке. Временами, просыпаясь в темноте, она слышала, как внизу скрипят диванные пружины:

отец поворачивается на другой бок раз, затем другой. В такие ночи она больше не засыпала, и дни загустевали липким сиропом.

О маме напоминало лишь одно – большая красная поваренная книга. Отец запирался в кабинете, Нэт утыкался в энциклопедию, а Лидия спускалась в кухню и стаскивала книгу с кухонной столешницы. В пять лет Лидия уже немножко умела читать – хотя гораздо хуже Нэта – и декламировала названия рецептов. Торт «Шоколадная радость». Оливковый мясной рулет. Луковый диетический соус. Всякий раз, когда Лидия открывала книгу, женщина на обложке чуточку больше походила на маму: улыбка, отложной воротничок, взгляд – не прямо тебе в глаза, а через плечо, самую малость мимо. Вернувшись из Вирджинии, мама читала эту книгу постоянно: днем, когда Лидия приходила из подготовительной школы; вечером, когда Лидия отправлялась в постель. Иногда по утрам книга так и лежала на столе, будто мама читала всю ночь. Ясно, что эта книга – мамина любимая, и Лидия листала ее с упоением правоверного, открывшего Библию.

На третий июльский день, когда мамы не было уже два месяца, Лидия снова уединилась с книгой в своем убежище под обеденным столом. Утром они с Нэтом спросили отца про хотдоги, бенгальские огни и крекеры с суфле, а отец только и ответил: «Посмотрим», и понятно, что это значит «нет». Без мамы не будет ни барбекю, ни лимонада, ни прогулок до озера – посмотреть фейерверки. Ничего не будет – только арахисовое масло, и желе, и дом с задернутыми шторами. Лидия листала страницы, разглядывала фотографии кремовых тортов, домиков из печенья и стоящих торчком запеченных ребрышек. И вдруг – черточка на полях. Лидия попробовала прочесть:

«Какая мать не любит стряпать вместе с дочуркой?»

А ниже:

«И какая дочурка не любит учиться у мамочки?»

Страницу усеивали бугорки, словно книгу выносили под дождь, и Лидия погладила их пальцем, как азбуку Брайля. Не поняла, что это, пока на страницу не плюхнулась слеза. Лидия ее стерла, и осталась крохотная мурашка.

Потом еще одна, и еще. Мама, наверное, на этом месте тоже плакала.

Вы не виноваты, сказал отец, но Лидия знала, что виноваты. Они что-то натворили, она и Нэт, чем-то ее рассердили. Были не такие, как она хотела.

Если мама когда-нибудь вернется и велит допить молоко, подумала Лидия, – и страница задрожала перед глазами, расплылась, – она допьет

молоко. Она без напоминаний пойдет чистить зубы и не станет плакать, когда врач сделает укол. Она будет засыпать, едва мама выключит свет. Никогда-никогда больше не заболевает. Сделает все, что скажет мама. Все, чего мама захочет.

Мэрилин в Толидо не слышала безмолвных клятв дочери. Третьего июля, пока Лидия пряталась под столом, Мэрилин читала новый учебник. «Органическая химия». Через два дня промежуточные экзамены, и все утро она занималась. С тетрадкой под рукой снова чувствовала себя студенткой; даже ее подпись смягчилась и округлилась, стала как до свадьбы, до того, как почерк подобрался и затвердел. Все ее однокурсники – обычные студенты: одни усердствуют, другие неохотно догоняют, заваливая курсы и триместрами филоня. Удивительно, но с ней они вели себя так же, как друг с другом, – тихие, вежливые, сосредоточенные. Вместе они в прохладной лекционной аудитории зарисовывали молекулы и подписывали: «этил», «метил», «пропил», «бутил»; потом сравнивали, и у нее в тетради были ровно такие же прекрасные иероглифы из черточек и шестиугольников. Это доказывает, говорила себе Мэрилин, что я не глупее прочих. Что я на своем месте.

Но нередко, едва она открывала учебники, мысли вихрились. Спутывались и распутывались уравнения, со страниц выпрыгивали тайные послания. H_2S превращалось в «Нэт», в его личико – в распахнутых глазах упрек. Как-то утром в NaOH Мэрилин прочла «ОН» и перед глазами всплыло лицо Джеймса. Иногда послания были тоньше: от упомянутых в учебнике «белков, жиров» Мэрилин расплакалась, вспомнив глазунью, вкрутую, всмятку. В таких случаях она совала руку в карман, нащупывала заколку, шарик, пуговицу. Вертела их в руке, пока в мозгу не разглаживалась рябь.

Но временами и талисманы теряли силу. Через две недели после отъезда Мэрилин проснулась в спальне с двумя кроватями, все тело – одна сплошная боль. Она тонула в невероятной ошибочности этого мига – почему она здесь, так далеко от них? Завернувшись в одеяло, на цыпочках пошла к телефону в кухню. Утро, шесть часов сорок одна минута, но хватило двух гудков.

– Алло? – сказал Джеймс. Долгая пауза. – Алло?

Мэрилин молчала, не смела открыть рот, лишь сердцем впитывала его голос. Сиплый – помехи на линии, сказала она себе, сама не веря. В конце концов одним пальцем нажала рычаг и долго держала, а потом все-таки

положила трубку. И весь день этот голос звучал в голове знакомой и любимой колыбельной.

С тех пор звонила раз в несколько дней, когда тоска по дому становилась нестерпимой. В любой час дня и ночи Джеймс хватал трубку, и Мэрилин переживала – воображала, как он спит за кухонным столом или у себя в кабинете. Однако единственный раз, когда ей не ответили, – Джеймс с детьми подъели все припасы, и пришлось ехать за продуктами – она запаниковала, вообразила пожар, землетрясение, падение метеорита и звонила каждые пять минут, затем каждые две, пока в трубке не откликнулся голос Джеймса. В другой раз позвонила утром, измученный Джеймс спал за письменным столом, и к телефону подошел Нэт.

– Дом Ли, – старательно объявил он, как Мэрилин учила, и ей хотелось спросить: «Ты как? Ты хорошо себя ведешь?» – но тоска перехватила горло. Нэт, как ни странно, в ответ на молчание трубку не повесил. На коленках стоял на кухонном стуле, куда забрался, чтоб достать до телефона, и слушал. Вскоре из коридора на цыпочках подошла Лидия, села рядышком, и они вдвоем прижимали трубку к ушам – две минуты, три, четыре, будто в тихом шипении на линии слышали все, чего мама хотела, все, о чем мечтала. Они дали отбой первыми, и после щелчка Мэрилин еще долго сжимала трубку в дрожащих руках.

Отцу Нэт с Лидией не рассказали, а Джеймс не говорил о звонках полиции. Он уже заподозрил, что полицейские не очень-то жаждут помочь, и в глубине души, где кольцами свернулись застарелые страхи, он, пожалуй, их понимал: побег такой жены от такого мужа – лишь вопрос времени. Фиск оставался очень любезен, но это Джеймса только больше злило: чем полиция вежливее, тем труднее терпеть. А Мэрилин, кладя трубку, неизменно говорила себе, что это последний раз, что она больше не позвонит, что вот же доказательство – ее семья жива и здорова, а у нее тут новая жизнь. Говорила это себе очень твердо и верила беззаветно, пока не набирала номер снова.

Уверяла себя, что в этой новой жизни все возможно. Питалась хлопьями, сэндвичами и спагетти из соседней пиццерии; прежде и не догадывалась, что можно жить без единой кастрюли в доме. По ее расчетам, еще восемь экзаменов – и она получит диплом. Остальное надо выкинуть из головы. Заказывая буклеты медицинских факультетов, Мэрилин катала в пальцах Нэтов стеклянный шарик. Щелкала заколкой Лидии – раз-два, раз-два, – царапая пометки на полях учебника. От сосредоточенности раскалывалась башка.

А в тот день, третьего июля, Мэрилин перевернула страницу – и глаза

заволокло черной ватой. Голова тяжелая, как дыня. Колени подогнулись, Мэрилин повело, опрокинуло на пол. Затем в глазах прояснилось, прояснилось в голове. Со стола капала вода из опрокинутого стакана, конспекты разлетелись по плиткам, блузка от пота липкая. Мэрилин поднялась, когда смогла разобрать, что написано ее рукой в конспектах.

У нее в жизни не бывало обмороков – ничего похожего, даже летом в самую жару. А теперь вдруг нет никаких сил – еле встала. Она заползла на диван и подумала: «Может, я заболела – может, вирус подхватила». А затем пришла другая мысль, и Мэрилин похолодела. Третье число. Точно, она же прикидывала, сколько дней до экзамена. Значит, у нее (она посчитала на пальцах и вскинулась, будто ее окатили ледяной водой) задержка почти месяц. Нет. Она еще посчитала. Выходит, с отъезда – почти десять недель. Надо же, сколько времени прошло.

Она вытерла руки о джинсы. Хватит паниковать. Задержки бывали и прежде, когда нервничала или болела. Тело словно не успевало думать обо всем сразу и что-то нужно было на время отменить. Мэрилин трудится дни и ночи – может, тело не справляется. «Питаться надо лучше», – сказала она себе. С утра не ела, а уже почти два часа дня. В буфете шаром покати, но можно сходить в магазин. Она купит продуктов, поест, и ей сильно полегчает. А потом она сядет заниматься дальше.

На экзамен Мэрилин так и не пойдет. В магазине она сложила в тележку сыр, болонскую колбасу, горчицу и газировку. Взяла с полки буханку хлеба. Опять сказала себе: «Ничего страшного. Все хорошо». С пакетом под мышкой и шестью бутылками в упаковке зашагала к машине, и ни с того ни с сего стоянка вокруг завертелась. Мэрилин грохнулась об асфальт коленями, затем локтями. Уронила пакет. Бутылки разлетелись фонтаном газировки и стекла.

Мэрилин медленно села. На земле валялись ее покупки – хлеб плюхнулся в лужу, банка горчицы медленно катилась к зеленому фургону «фольксваген». По ногам текла кола. Мэрилин поранилась стеклом – глубокий порез поперек ладони, ровный, как по линейке. Совсем не больно. Она повертела рукой, и кожа заиграла на свету, точно слоистый песчаник, – почти прозрачная, розовая, как арбуз, с крапинами снежно-белого. А в недрах набухла река густой красноты.

Мэрилин выудила из сумочки платок, уголком промокнула ладонь, и порез внезапно высох, а платок расцвел алым. Потрясающе красивая рука – такие чистые цвета, такие четкие белые крапины, такие тонкие линии мышц. Хотелось их потрогать,лизать. Попробовать себя на вкус. Тут порез ожгло, в горсти собралась кровь, и до Мэрилин дошло, что придется

ехать в больницу.

В травмпункте было почти безлюдно. Завтра Четвертое июля, несчастных случаев не оберешься: отравления яичным салатом, обожженные грилем руки, брови, опаленные беглыми фейерверками. А в тот день Мэрилин подошла к регистратуре, показала руку и вскоре очутилась на койке, и миниатюрная молодая блондинка в белом считала ей пульс и разглядывала ладонь. Когда блондинка сказала:

– Давайте вас зашьем, – и достала из шкафа пузырек с обезболивающим, Мэрилин не сдержалась:

– Может, лучше врач?

Блондинка рассмеялась:

– Я доктор Грин. – А когда Мэрилин вытаращилась, прибавила: – Показать документы?

Доктор Грин зашивала порез аккуратными черными стежками, и руки у Мэрилин заныли. Она стиснула зубы, но боль расплзлась через запястья по предплечьям, по плечам, вниз по хребту. Дело не в швах. Дело в разочаровании: как и все, Мэрилин, слыша «врач», воображала – и вечно будет воображать – «мужчину». Глаза жгло. Доктор Грин затянула последний стежок, улыбнулась, спросила:

– Ну, как вы?

А Мэрилин выпалила:

– По-моему, я беременна. – И разрыдалась.

Потом все случилось стремительно. Сдать анализы, набрать крови в пробирки. Как это делается, Мэрилин помнила смутно – знала только, что нужны кролики.

– Ой, кроликов мы больше не используем, – засмеялась красавица врач, ткнув ей иглой в мягкий сгиб локтя. – Теперь лягушки. Гораздо проще и быстрее. Современная наука – что-то удивительное, да?

Кто-то приволок мягкое кресло и завернул Мэрилин в одеяло, кто-то спросил телефон мужа, и как в тумане Мэрилин продиктовала. Кто-то принес воды. Порез затянулся и затих, черные швы накрепко схватили порванную плоть. Миновали часы, но как будто считанные минуты, а затем появился Джеймс, потрясенный и сияющий, и он сжимал здоровую руку Мэрилин, а молодая врач между тем говорила:

– Мы позвоним во вторник, сообщим результаты, но, похоже, у вас срок в январе.

И исчезла в длинном белом коридоре, не успела Мэрилин открыть рот.

– Мэрилин, – прошептал Джеймс, когда врач ушла. Ее имя прозвучало вопросом, но ответить она пока была не в силах. – Мы так по тебе

соскучились.

Она все сидела, прижимая здоровую руку к животу. Она беременна – она не сможет учиться. Не поступит на медицинский. Остается лишь вернуться домой. Дома дети, а затем новый младенец, и (призналась она себе, и это было больнее, чем рассеченная рука) она больше не сможет их бросить. Вот Джеймс – стоит перед ней на коленях, точно молится. Вот прежняя жизнь – мягкая, теплая, готова задушить в объятиях. Девять недель. Ее великолепный план продержался девять недель. Все ее мечты поблекли и рассеялись туманом на ветру. Мэрилин уже не помнила, с чего вдруг решила, будто это возможно.

«Все, уймись, – велела она себе. – Вот твой удел. Пора смириться».

– Я такая дура, – сказала она. – Что ж я натворила? – Прижалась к Джеймсу, носом ткнулась ему в шею, вдохнула его густую сладость. Пахло домом. – Прости меня, – прошептала она.

Джеймс повел ее к машине – своей машине, – обнимая за талию, и устроил на переднем сиденье, как ребенка. Назавтра он на такси смотается из Миддлвуда в Толидо, а потом час будет гнать машину Мэрилин домой, весь горя в жару, зная, что, когда вернется, жена будет дома. Но сейчас он ехал осторожно, тщательно соблюдал скоростной режим, каждые несколько миль трепал Мэрилин по коленке, будто заново уверялся в том, что жена никуда не делась.

– Тебе не холодно? Тебе не жарко? Пить хочешь? – то и дело спрашивал он.

Мэрилин подмывало ответить: «Я не инвалид», но мозги и язык заторможены. Все, уже приехали, Джеймс уже принес ей попить холодного и подушку под поясницу. Какой счастливый, подумала она; как пружинит его шаг, как тщательно он подоткнул одеяло ей под ноги. Когда он вернулся, она спросила только:

– А где дети? – И Джеймс ответил, что у Вивиан Аллен, не беспокойся; он обо всем позаботится.

Мэрилин легла на диван и проснулась от звонка в дверь. Время к ужину. Джеймс забрал детей от миссис Аллен, а на пороге стоял курьер с грудой коробок пиццы. Когда Мэрилин протерла глаза, Джеймс уже отсчитал чаевые, забрал коробки и захлопнул дверь. Мэрилин сонно потащила за ним в кухню, где он сгрузил пиццу на стол, между Лидией и Нэтом.

– Мама дома, – объявил он, будто они и сами не видели ее в дверях.

Мэрилин подняла руку, нащупала выбившиеся пряди. Коса расплелась, ноги босы; в кухне слишком жарко, слишком светло. Она как

ребенок, что все проспал и припелся, везде опоздав. Лидия и Нэт настороженно следили за ней из-за стола, будто ждали подвоха – будто она вот-вот закричит, например, или взорвется. Нэт кривил губы, словно сосал кислое, и Мэрилин тянуло погладить его по голове, сказать, что она не хотела ничего такого, не думала, что так случится. В глазах детей она читала вопрос.

– Я дома, – кивнула она, и они ринулись обниматься – теплые, плотные, с разбегу протаранили ей ноги, зарылись лицами в юбку. По щеке Нэта скатилась одинокая слеза, одинокая слеза побежала по носу Лидии и нырнула в рот. Ладонь у Мэрилин горела и пульсировала, будто она в горсти сжимала горячее сердечко. – Вы были умницами? – спросила она, присев на корточки. – Вы хорошо себя вели?

Лидия возвращение матери сочла натуральным чудом. Лидия принесла клятву, а мама услышала и вернулась домой. Лидия клятвы не нарушит. Когда отец повесил телефонную трубку и произнес поразительные слова – «Мама возвращается домой», – Лидия приняла решение: маме больше никогда не придется смотреть на эту грустную поваренную книгу. Лидия все спланировала, сидя у миссис Аллен, а когда отец их забрал («Тш-ш, чтоб ни звука, мама спит»), книгу умыкнула.

– Мама, – сказала она теперь в мамино бедро. – Пока тебя не было. Твоя поваренная книга. – Лидия сглотнула. – Я... ее потеряла.

– Правда?

Поразительно, но Мэрилин не рассердилась. Нет – она возгордилась. Вообразила, как дочь швыряет поваренную книгу на траву, лаковыми туфельками втоптывает в грязь и уходит прочь. Топит в озере. Сжигает. К своему удивлению, Мэрилин улыбнулась:

– Что, правда? – и обняла дочь, а Лидия помялась и кивнула.

Это знак, решила Мэрилин. Я свой шанс упустила. Но для Лидии еще не все потеряно. Мэрилин не пойдет по материным стопам – не станет подталкивать дочь к замужеству и домоводству, к безопасной жизни за семью засовами. Поможет сделать все, на что дочь способна. Остаток жизни будет руководить Лидией, оберегать ее, как драгоценный розовый куст: растить, ставить подпорки, каждую веточку изгибать до идеальной красоты. В животе завозилась и забрыкалась Ханна, но Мэрилин ее пока не чувствовала. Зарывшись носом в волосы Лидии, она тоже безмолвно приносила клятвы. Никогда не велеть дочери сесть прямо, найти мужа, вести дом. Никогда не намекать, что какая-то работа, или жизнь, или мир предназначены не для Лидии; не допустить, чтобы, слыша «врач», Лидия непременно думала «мужчина». Поддерживать ее до конца своих дней, дать

сто очков вперед собственной матери.

– Ну хорошо, – сказала Мэрилин, наконец отпустив Лидию. – Есть хотите?

Джеймс уже доставал из буфета тарелки, раскладывал салфетки, открыл верхнюю коробку, дохнувшую мясным паром. Мэрилин разложила по тарелкам клинья пиццы с пепперони, и Нэт, испустив глубокий довольный вздох, принялся за еду.

Мама вернулась, и на завтрак будут яйца вкрутую, а на ужин гамбургеры и хотдоги, а на десерт клубничное пирожное. Лидия молча разглядывала свою порцию – красные кружочки, тонкий сырный поводок, на котором кусок пиццы вышел погулять из коробки.

Нэт угадал лишь наполовину: на завтра и впрямь были хотдоги и гамбургеры, но ни яиц, ни пирожных не случилось. Джеймс сам приготовил мясо на гриле, немножко пережарил, но они решили праздновать как полагается и все равно все съели. Собственно, после возвращения Мэрилин наотрез отказывалась стряпать, по утрам совала в тостер замороженные вафли, по вечерам разогревала замороженный мясной пирог или открывала банку «СпаггетиОс». Мысли ее были заняты другим. Математика, думала она четвертого июля; ей, дочери моей, понадобится математика.

– Сколько булочек в пакете? – спрашивала она, и Лидия тыкала пальцем, пересчитывая. – Сколько хотдогов на гриле? На сколько хотдогов не хватит булочек?

За всякий верный ответ она гладила Лидию по волосам и прижимала к бедру.

Лидия считала целый день. Если все съедят по хотдогу, сколько останется на завтра? Если у нее и у Нэта по пять бенгальских огней, сколько всего у них обоих? К сумеркам, когда в небе расцвели фейерверки, Лидия насчитала, что мама десять раз ее поцеловала, пять раз погладила по голове и трижды назвала «моя умница». Когда Лидия отвечала, у мамы на щеке появлялась ямочка, точно отпечаток пальчика.

– Еще, – умоляла Лидия, едва мама умолкала. – Мамуль, спроси меня еще.

– Ну, если ты правда хочешь, – отвечала мама, и Лидия кивала. – Завтра, – сказала Мэрилин. – Я тебе завтра куплю книжку, и мы вместе читаем.

Вместо одной книжки Мэрилин накупила гору. «Воздушная наука». «Откуда берется погода». «Занимательная химия». Вечерами, уложив Нэта, она подсаживалась к Лидии на постель и брала верхнюю книжку из стопки.

Лидия прижималась к маме, слушала низкий подземный гул ее сердца. Выдыхала вместе с мамой. Вместе с мамой выдыхала. Мамин голос раздавался как будто у Лидии в голове.

– «Воздух есть повсюду, – читала мать. – Тебя окружает воздух. Его не видно, но он есть. Куда ни пойдешь, там есть воздух».

Лидия глубже зарывалась в мамины объятия и к последней странице уже засыпала.

– Почитай еще, – бормотала она, а когда счастливая Мэрилин шептала в ответ:

– Завтра, договорились? – Лидия кивала так рьяно, что звенело в ушах.

Самое важное слово: «завтра». Лидия его лелеяла. Завтра я отведу тебя в музей и покажу кости динозавров. Завтра почитаем про деревья. Завтра посмотрим на луну. Каждый вечер она выпрашивала у мамы маленькое обещание, что утром мама будет дома.

А за это Лидия не нарушала клятвы: она делала все, что велела мама. Научилась писать знак «плюс», похожий на косую «Х». По утрам считала на пальцах, над хлопьями складывала числа. Четыре плюс два. Три плюс три. Семь плюс десять. Едва мама умолкала, Лидия просила еще, и мама светилась, будто Лидия щелкнула выключателем. На табуретке-лестнице Лидия стояла над раковиной, от подбородка до щиколоток завернутая в фартук, и добавляла щепотку соды в банку с уксусом.

– Это химическая реакция, – говорила мама, и Лидия кивала, глядя, как в стоке булькает пена.

Она играла с мамой в магазин, платила сдачу центами и пятаками: два цента за объятие, четыре – за поцелуй. Когда Нэт кинул четвертак и сказал:

– Спорим, не посчитаешь? – мама его шуганула.

В глубине души Лидия предчувствовала все, что грядет. Однажды в книжках исчезнут картинки. Задачи удлинятся, усложнятся. Начнутся простые дроби, десятичные дроби, степени. Игры станут хитроумнее. За мясным рулетом мама скажет:

– Лидия, я задумала число. Если умножить его на два и прибавить единицу, получится семь.

И Лидия станет считать, пока не доберется до верного ответа, а мама улыбнется и подаст десерт. В один прекрасный день мама подарит Лидии настоящий стетоскоп. Расстегнет две верхние пуговицы на блузке, прижмет головку стетоскопа к коже, и Лидия услышит, как у мамы бьется сердце.

– У врачей такие, – скажет мама.

Все это пока маячило крошечной точкой на далеком горизонте, но Лидия уже знала. Это знание витало вокруг нее, липло к ней, с каждым

днем сгущалось. Не отпускало ни на шаг. Но всякий раз, когда мама спрашивала, Лидия отвечала *да, да, да*.

Спустя две недели Мэрилин и Джеймс поехали в Толидо за ее одеждой и книгами.

– Я могу съездить одна, – твердила Мэрилин.

Стеклянный шарик, заколка и пуговица тихонько гнездились в кармане платья, в гардеробе, в забвении. Платье уже становилось мало, и вскоре Мэрилин отдаст его в «Гудвилл», так и не вынув из кармана свои крохотные заброшенные талисманы. Но глаза щипало при мысли о том, как она будет опустошать свою квартирку, снова запечатывать учебники в коробки, выбрасывать в ведро недописанные тетрадки.

– Ну правда, – сказала она. – Тебе-то зачем?

Но Джеймс настоял.

– Тебе сейчас нельзя поднимать тяжести, – сказал он. – Попрошу Вивиан Аллен, пускай посидит с детьми полдня.

Едва Джеймс и Мэрилин уехали, миссис Аллен села на диван и включила мыльную оперу. Бесповаренная бескнижная Лидия под обеденным столом обняла колени; Нэт ковырял пыль на ковре и сердился. Мама будила его и укладывала спать, но все ее время в промежутке занимала Лидия. Нэт знал ответы на все мамины вопросы, но едва вмешивался, мама отмахивалась, а Лидия между тем считала на пальцах. В музее Нэт хотел посмотреть звездное шоу в планетарии, но они целый день разглядывали скелеты, модель пищеварительной системы, все, что хотела Лидия. Сегодня утром он спустился в кухню пораньше, с папкой газетных вырезок, и мать в банном халате сонно улыбнулась ему из-за чайной чашки. Впервые с возвращения она взаправду на него *посмотрела*, и в горле у него что-то затрепетало птичкой.

– Можно мне яйцо вкрутую? – спросил он, и случилось чудо, она ответила:

– Хорошо.

На миг он все ей простил. Решил, что покажет ей фотографии астронавтов, списки запусков – все, что собрал. Она поймет. Ей понравится.

Но не успел он и слова сказать, по лестнице прошлепала сестра, и внимание матери упорхнуло, пристроилось у Лидии на плече. Нэт дулся в углу, теребя края своей папки, но никто на него и не смотрел, пока не пришел отец.

– Что, все в облаках витаешь со своими астронавтами? – спросил он, цапнув яблоко из вазы. Засмеялся над собственной шуткой и вгрызся в

яблоко, и даже через всю кухню Нэт расслышал, как треснула под зубами кожура. Мать слушала, как Лидия пересказывает свой сон, и не заметила. Про яйцо вообще забыла. Птичка в горле издохла, разбухла, и Нэт еле дышал.

Сейчас миссис Аллен на диване прерывисто всхрипнула. Пустила струйку слюны на подбородок. Нэт вышел на веранду, не затворив дверь, и спрыгнул с крыльца. Земля вмазала в пятки, точно электрический разряд. Небо раскинулось в вышине бледно-серой стальной крышей.

– Ты куда? – Из-за двери выглянула Лидия.

– Не твое собачье дело.

Может, миссис Аллен услышит, проснется, позовет их в дом? Не проснулась. На Лидию Нэт не смотрел, но знал, что она наблюдает, и вышел на самую середину дороги – вот пусть идет за ним, слабо? И она пошла следом.

До самого озера, до конца причала. Дома на другом берегу были точно кукольные – крохотные красивые макеты. В этих домах матери варили яйца вкрутую, или замешивали тесто для тортов, или запекали ребрышки, а отцы там, наверное, ворошили угли в барбекю, вилкой переворачивали сосиски, чтоб от гриля на них остались ровные черные полоски. Эти матери никогда не уезжали далеко-далеко и не бросали своих детей. Эти отцы никогда не били своих детей по лицу, не лягали телевизоры, не насмехались.

– Ты плавать?

Лидия сняла носки, запихала в туфли и села на краю причала рядом с Нэтом, болтая ногами. Кто-то забыл здесь Барби, голую, грязную и однорукую. Нэт отодрал ей оставшуюся руку и зашвырнул в воду. Потом ногу – нога держалась крепче. Лидия заерзала:

– Пошли домой.

– Скоро пойдем.

Под его руками голова у Барби повернулась, и лицо оказалось со спины.

– Нас наругают. – Лидия потянулась за носком.

Другая нога никак от Барби не отдиралась, и Нэт напустился на сестру. Его вело, равновесие ускользало, будто мир наклонили набок. Нэт и сам не понял, как это вышло, но все вдруг перекопилось, словно качели-доска, где сидят кто-то маленький и кто-то большой. Всё на свете – и мать, и отец, и даже сам Нэт – заскользило к Лидии. Это как гравитация – сопротивляться бесполезно. Все вращалось вокруг нее.

Впоследствии Нэт так и не разобрался, что он сказал тогда, что подумал, что лишь почувствовал. До конца жизни будет сомневаться,

сказал ли хоть что-нибудь. А точно запомнит лишь одно: он столкнул Лидию в воду.

В воспоминаниях этот миг будет длиться вечно – в кадре Нэт, от всего мира отчужденный, и Лидия, исчезающая под водой. На этом причале перед ним промелькнуло будущее: без Лидии он останется совсем один. А спустя еще миг он понял, что от этого ничего не изменится. Земля под ногами по-прежнему перекошена. Даже без Лидии мир не выровняется. Он, родители, все их жизни закружатся, устремятся в пустоту, где прежде была Лидия. Их затянет вакуум, что она оставит по себе.

И более того: коснувшись ее, он сообразил, что обманулся. Едва его ладони толкнули ее в плечи, едва над ее головой сомкнулась вода, Лидия вздохнула с невероятным облегчением – и вобрала в себя удушающую воду полной грудью. С такой готовностью покачнулась, упала так охотно, что оба они поняли: она тоже чувствует, что стала центром притяжения, – и не хочет им быть. Весь мир несется к ней, и этот груз для нее непосилен.

На самом же деле Нэт прыгнул в воду всего несколько секунд спустя. Нырнул, цапнул Лидию за локоть и, отчаянно брыкаясь, выволок на поверхность.

Ногами работай, прохрипел он. Ногами. *Ногами.*

Они добултыхались до отмели, где ноги нащупали песчаное дно, и рухнули на траву. Нэт выскреб ил из глаз. Лидию стошнило озерной водой. Минуту, две, три они валялись ничком, пытаясь отдышаться. Затем Нэт оттолкнулся от земли, а Лидия, к его удивлению, потянулась к нему. *Не отпускай* – вот что она хотела сказать, и в ошеломлении признательности Нэт дал ей руку.

Они молча поплелись домой, оставляя влажные следы на тротуаре. В доме стояла тишина – только храпела миссис Аллен да с одежды на линолеум капала вода. Их не было всего двадцать минут – а как будто годы миновали. Они на цыпочках взобрались по лестнице, спрятали мокрую одежду в корзину, переоделись в сухое, а когда вернулись родители с чемоданами и коробками книг, не сказали ни слова. Мать посетовала, что на полу лужи, а Нэт объяснил, что опрокинул стакан. Перед сном Нэт и Лидия по-товарищески чистили зубы над раковиной, сплевывали по очереди, пожелали друг другу спокойной ночи, будто вечер был как вечер. То, что случилось, было слишком огромно – никак об этом не поговорить. Будто пейзаж, что не разглядишь разом; будто ночное небо, что крутится и крутится, и кромок не найти. То, что случилось, так и останется слишком огромным. Нэт ее столкнул. А потом вытащил. На всю жизнь Лидия запомнит одно. На всю жизнь Нэт запомнит другое.

В последние августовские выходные Миддлвудская началка проводила пикник – добро пожаловать в школу. Мать прижимала ладонь к животу, где день ото дня тяжелела Ханна; отец на плечах нес Лидию через стоянку. После обеда были конкурсы: кто дальше запульнет пластмассовый бейсбольный мяч, кто забросит в кофейную банку больше мячиков с песком, кто угадает, сколько железных конфет в галлонной стеклянной банке для огурцов. Нэт и Джеймс вместе с другими отцами и сыновьями поучаствовали в гонках с яйцом – бегали, держа в ложках сырые яйца, точно жертвоприношения. Почти добежали до финиша, но Нэт споткнулся и свое яйцо уронил. Первыми пришли Майлз Фуллер с отцом, и директриса миссис Хьюгард вручила им синюю ленточку.

– Ничего, – сказал Джеймс, и на миг Нэту полегчало. Затем отец прибавил: – Вот будь у них конкурс на чтение с утра до ночи...

Уже с месяц он подпускал такие вот шпильки: якобы шутки, но ничего смешного. Всякий раз, слыша собственный голос, Джеймс прикусывал язык – и всякий раз слишком поздно. Сам не понимал, чего ему нейдет, ибо тут требовалось иное, крайне болезненное осознание: с каждым днем Нэт все больше напоминал Джеймса в детстве, напоминал все то, что Джеймс хотел забыть. Он только замечал, что это уже рефлекс, и от этого жег стыд, и Джеймс прятал глаза. Нэт опустил взгляд – яйцо разбилось, меж травинок утекал желток. Лидия слегка улыбнулась брату, и тот кроссовкой втоптал скорлупу в землю. И сплюнул под ноги, когда отец отвернулся.

Потом начался парный забег. Учительница связала Лидии и Нэту лодыжки, и они захромали к старту, где стояли другие дети, тоже связанные – с родителями, или с братьями-сестрами, или друг с другом. Еще от старта толком не отбежав, Лидия наступила Нэту на кроссовку и споткнулась. Нэт выбросил руку вбок, чтоб не упасть, и зашатался. Попытался подстроиться под Лидию, но когда она шагала вперед, он тянул назад. Платок на лодыжках затянули так туго, что у обоих горели ступни. И узел не ослаб, связал их, как неудачную пару коров, и не развязался, даже когда они рванулись в разные стороны и ничком рухнули в мягкую влажную траву.

Семь

Спустя десять лет узел так и не развязался. Текли годы. Мальчики уходили на войну; мужчины улетали на Луну; президенты появлялись, подавали в отставку и исчезали. По всей стране, в Детройте, Вашингтоне и Нью-Йорке, на улицах бурлили толпы, взбешенные всем подряд. По всему миру трещали по швам и лопались государства: Северный Вьетнам, Восточный Берлин, Бангладеш. Повсюду все распадалось. Но в семействе Ли узел держался и затягивался туже – Лидия будто связала их всех.

Каждый день Джеймс ехал домой из колледжа – где триместр за триместром читал свой курс про ковбоев, пока не научился отбарабанивать лекции слово в слово, – и пережевывал обиды минувшего дня: две девочки, игравшие в классики на углу, увидели, как он притормозил на повороте, и принялись швыряться камешками в его машину; Стэн Хьюитт спросил, чем отличается спринг-ролл от яичного ролла; миссис Аллен ухмыльнулась, когда он проезжал мимо. Горький смог рассеивался только дома, когда Джеймс видел Лидию. У Лидии, думал он, все сложится иначе. У нее будут друзья, которые скажут: «Что ты несешь, Стэн, ей-то откуда знать?» Она будет невозмутима и уверена в себе; она скажет: «Привет, Вивиан» – и устремит на соседей большие голубые глаза. С каждым днем он все нежнее лелеял эту мысль.

Каждый день Мэрилин вынимала из коробки замороженный пирог или размораживала бифштекс с подливой – она по-прежнему не желала стряпать, а семья молча смирилась с тем, что такова цена присутствия матери, – и строила планы. Какие книги купить Лидии. Какие грядут проекты для научной выставки. Какие летние курсы.

– Только если тебе интересно, – неизменно говорила Мэрилин. – Только если ты сама хочешь.

Всякий раз она говорила искренне, но не замечала, что затаивает дыхание. А вот Лидия замечала. Да, отвечала она всякий раз. Да. Да. И мать выдыхала. В газете – которую Мэрилин между стирками прочитывала от корки до корки, раздел за разделом, размечая ими день, – брезжила надежда. Женщин стали принимать в Йель, затем в Гарвард. Страна учила новые слова: «позитивная дискриминация», «поправка о равных правах», «журнал “Мисс”»^[24]. Про себя Мэрилин одной неразрывной золотой нитью ткала будущее Лидии – и не сомневалась, что дочь тоже хочет такого будущего: Лидия в белом халате, на высоких каблуках, со стетоскопом на

шее; Лидия над операционным столом, а вокруг толпятся мужчины, восхищенные ловкостью ее рук. Изо дня в день эта картина наливалась жизнью.

Изо дня в день Нэт за ужином молчал, пока отец расспрашивал Лидию про подруг, пока мать допытывалась про уроки. Когда они по родительскому долгу оборачивались к Нэту, он терял дар речи, поскольку отец – которого до сих пор жгло воспоминание о разбитом телевизоре и пощечине – и слышать не желал про космос. А Нэт читал и думал только об этом. На досуге прошерстил все книжки, какие нашел в школьной библиотеке. «Космические полеты. Аэродинамика. См. также: двигатель внутреннего сгорания; силовая установка; спутник». Заикаясь, он отвечал на пару вопросов, а затем прожектор вновь вперялся в Лидию, и Нэт уходил к себе, к своим журналам по авиации, которые хранил под кроватью, как порнографию. Это вечное затмение его не ранило: каждый день к нему стучалась молчаливая и несчастная Лидия. Он понимал все, чего она не говорила; по сути, оно сводилось к *не отпускай*. Когда Лидия уходила – корпеть над домашней работой или проектом для научной выставки, – Нэт разворачивал телескоп к окну, к далеким звездам, к чуждаемым краям, куда однажды отправится в одиночестве.

А Лидия – вселенский центр поневоле – каждый день собой скрепляла этот мир. Впитывала родительские мечты, унимала бурлящее внутри сопротивление. Текли годы. Пришли и ушли Джонсон, Никсон, Форд. Лидия стала грациозной; Нэт подрос. У материнских глаз нарисовались морщинки; отцовские волосы засеребрились на висках. Лидия знала, чего жаждут родители, хоть они и не просили вслух. Всякий раз чудилось, что это такая мелочь – такая низкая плата за их счастье. И Лидия летом учила алгебру. Надевала платье и шла на танцы. Записалась на биологию в колледже – понедельник, среда, пятница, и так все лето. *Да. Да. Да.*

(А что же Ханна? Ей обустроили детскую в чердачной спальне, где хранили ненужное, и даже когда Ханна подросла, порой все на миг забывали, что она существует, – Мэрилин как-то за ужином поставила на стол четыре тарелки и не сообразила, что не так, пока не пришла Ханна. А та, словно понимая свое место в мироздании, из тихого младенца превратилась в зоркого ребенка – ребенка, что любит укромные углы, прячется в шкафах, за диванами, под низко свисающими скатертями, старается исчезнуть с глаз долой, а равно из сердца вон, дабы не нарушить семейного ландшафта.)

Спустя десятилетие после того ужасного года все перевернулось вверх тормашками. У всей планеты 1976 год тоже прошел не пойми как,

завершился необычайно холодной зимой и странными заголовками «Снегопад в Майами». Лидии было пятнадцать с половиной, только-только начались зимние каникулы. Через пять месяцев она умрет. А в декабре, одна в спальне, она расстегнула рюкзак и вытащила контрольную по физике с красной оценкой «пятьдесят пять» наверху.

Курс биологии тоже был не сахар, но, заучив «царство», «тип» и «класс», первые контрольные она написала. Затем программа усложнилась, но Лидии повезло: мальчик, сидевший справа, учился исправно, писал крупно и никогда не прикрывал ответы рукой.

– Моя дочь, – осенью объявила Мэрилин миссис Вулфф (доктору Вулфф), – какой-то гений. Отличница по биологии в колледже, и к тому же единственная девочка.

Поэтому Лидия так и не сказала матери, что не понимает цикл трикарбоновых кислот, не умеет объяснить митоз. Когда мать вставила в рамочку табель из колледжа, Лидия повесила его на стенку и надела улыбку.

После биологии у Мэрилин возникли новые идеи.

– Давай ты осенью перепрыгнешь естествознание, – сказала она. – Ты же учила биологию со студентами – с физикой в старших классах справишься одной левой.

Зная, что это мамина голубая мечта, Лидия согласилась.

– Познакомишься со старшими, – сказал отец, – заведешь новых друзей.

И подмигнул, вспомнив, что в Ллойде «старше» означало «лучше». Но одиннадцатиклассники болтали друг с другом, сравнивали французские переводы, заданные на следующий урок, или зубрили Шекспира к сегодняшней контрольной, а с Лидией были просто вежливы – отстраненно любезны, как аборигены с иностранкой. Задачи про автокатастрофы, стреляющие пушки, грузовики, скользящие по льду с нулевым трением, – непонятно, как их решать. Гоночные машины на трассах с уклоном, американские горки с петлями, маятники и весы; Лидию крутило и кружило, снова и снова, туда и сюда. Чем дольше она размышляла, тем меньше понимала. Почему гоночные машины не опрокидываются? Почему вагончики на американских горках не падают? Она старалась понять, но вмешивалась гравитация, сдирала вагончики с рельсов, и поезда болтались ленточками на ветру. Каждый вечер Лидия садилась за учебники, и уравнения, испещренные всякими k , M и тетами, густо топорщили шипы, как ежевичные заросли. С подаренной матерью открытки над столом Эйнштейн показывал ей язык.

Оценки за контрольные неуклонно снижались, походили на какой-то дурной прогноз погоды: девяносто в сентябре, около восьмидесяти пяти в октябре, семьдесят с небольшим в ноябре, к Рождеству – шестьдесят с чем-то. В прошлый раз она сдала на шестьдесят два – формально осилила, но едва ли среди сильных. Перед уходом домой разодрала работу на крохотные клочки и скормила унитазу на третьем этаже. А теперь пятьдесят пять, и Лидия щурилась, точно от яркого света, хотя мистер Келли и не написал там «неуд». Лидия две недели прятала работу под учебниками в шкафчике, будто совокупный вес алгебры, истории и географии способен задушить эту контрольную до смерти. Мистер Келли задавал вопросы, намекал, что может позвонить родителям и сам, если нужно, и наконец Лидия пообещала, что после рождественских каникул принесет контрольную с подписью матери.

Всю жизнь Лидия слышала, как мамино сердце отстукивает один и тот же ритм: *доктор, доктор, доктор*. Мать мечтала об этом так отчаянно, что и вслух произносить не требовалось. Этот ритм никогда не смолкал. Лидия не могла вообразить иного будущего, иной жизни. Все равно что воображать мир, где Солнце вращается вокруг Луны, где нет никакого воздуха. Подпись она думала подделать, но у нее слишком округлый почерк, слишком выпуклые старательные буквы, как у маленькой. Никто не поверит.

А на той неделе случилась катастрофа похуже. Сейчас из-под матраса Лидия вытащила белый конверт. В глубине души надеялась, что содержимое магически изменилось, что за последние восемь дней слова разъело и можно сдуть их, как золу, и останется лишь безобидный белый листок. Она подула – совсем легонько, – и бумага затрепетала. Но буквы устояли. *Уважаемый мистер Ли. Спасибо за участие в начальном этапе нашей приемной кампании. Поздравляем, Вы зачислены в гарвардский выпуск 1981 года.*

Последние недели Нэт каждый день после уроков заглядывал в почтовый ящик – порой еще даже не поздоровавшись с матерью, еще даже не сняв ботинки. Лидия чувствовала, как он жаждет сбежать, – до того отчаянно, что все прочее тускнело. На прошлой неделе за завтраком Мэрилин прислонила к коробке мюсли домашку Лидии по математике.

– Я проверила вчера, когда ты уже легла, – сказала Мэрилин. – У тебя ошибка в двадцать третьем номере, милая.

Пять лет назад, год назад, даже полгода назад Лидия прочла бы в глазах брата сочувствие. *Я понимаю. Я все понимаю.* Подтверждение и поддержка в одном взгляде. На сей раз Нэт, погрузившись в библиотечную

книгу, не заметил, как Лидия стиснула кулаки, как у нее внезапно покраснели веки. Грезя о своем будущем, он больше не слышал все, чего она не говорила.

Столько лет лишь он и слушал. С исчезновения и возвращения матери Лидия ни с кем не дружила. В ту первую осень на переменах стояла в сторонке, глядя вдаль на часы «Первого федерального банка». Едва проходила очередная минута, Лидия зажмуривалась и воображала, чем сейчас занята мать: протирает кухонную столешницу, наливает воду в чайник, чистит апельсин, – будто груз этих подробностей удержит мать дома. Впоследствии Лидия задумается, не потому ли упустила свой шанс – и был ли шанс. Как-то раз она открыла глаза, а перед ней стоит Стейси Шервин. Стейси Шервин с золотыми волосами до пояса, в окружении стайки девчонок. В Миддлвудском детском саду Стейси Шервин творила и рушила репутации, уже умело пользовалась властью. Совсем недавно она объявила: «Джаннин Коллинз воняет помойкой», и Джаннин Коллинз кинулась прочь, сдирая очки с заплаканного лица, а свита Стейси захихикала. Лидия потрясенно наблюдала с безопасного расстояния. Стейси заговорила с ней лишь однажды, в первый день: «А китайцы празднуют День благодарения?» И затем: «А у китайцев есть пупок?»

– Мы после школы идем ко мне, – объявила теперь Стейси. Глянула на Лидию и отвела глаза. – Ты тоже приходи.

Лидию обуяли подозрения. Неужто Стейси Шервин выбрала ее? Стейси смотрела в пол, накручивая локон на палец, а Лидия сверлила ее взглядом, будто рассчитывала проникнуть в голову. Играет или заигрывает? Не поймешь. А затем Лидия подумала про мать – как та выглядывает из кухонного окна, ждет ее.

– Я не могу, – наконец ответила Лидия. – Мама велела сразу домой.

Стейси пожалала плечами, отошла, и остальные потянулись за ней, по себе оставив внезапный хохоток, – то ли Лидия не расслышала шуточки, то ли над ней и смеялись.

Приветили бы ее или высмеяли? Лидия так и не узнает. Она не ходила на дни рождения, на роллердром, в бассейн центра отдыха, никуда. Каждый день мчалась домой, чтобы поскорее увидеть мамино лицо, чтобы мама улыбнулась. Ко второму классу девочки перестали ее приглашать. Лидия говорила себе, что ей все равно, зато мама дома. Прочее неважно. Шли годы; Лидия наблюдала, как Стейси Шервин (золотистые волосы заплетены в косу, затем выпрямлены, затем взбиты) машет подругам, притягивает их – так горный хрусталь приманивает и берет в плен свет. Лидия смотрела, как Дженн Питтмен сует записку Пэм Сондерс, а та разворачивает записку под

партой и хихикает; видела, как Шелли Брайерли раздает мятную жвачку, и чуяла сладкую мяту, когда пластинки в фольге проплывали мимо.

Без Нэта эти годы были бы совсем невыносимы. Каждый день с самого детского сада Нэт занимал Лидии место – в столовой ставил табурет напротив себя, в автобусе на зеленом виниловом сиденье клал книжки. Если Лидия приходила первой, она занимала место ему. Спасибо Нэту, ей не приходилось ездить домой в одиночестве, пока все весело болтают парами; не надо было выпаливать: «Можно я сяду?» – рискуя нарваться на отказ. Ничего такого не обсуждалось, но оба понимали это как обещание: Нэт всегда позаботится о том, чтобы Лидии нашлось место. Она всегда сможет сказать: «Я жду кое-кого. Я не одна».

А теперь Нэт уедет. Придут и другие письма. *На случай, если Вы решите учиться у нас, через несколько дней Вы получите пакет документов с анкетами.* Но пока что Лидии можно пофантазировать, как она умыкнет следующее письмо, и то, что за ним, и то, что потом, и всё спрячет под матрасом, где Нэт не найдет, чтобы у него не было выбора, чтобы он остался.

Нэт внизу перебирал конверты: реклама продуктового, счет за электричество. Письма нет. Осенью, когда консультант по профориентации спросила Нэта о планах, он шепотом, будто делился грязной тайной, ответил:

– Космос. Космическое пространство.

Миссис Хендрик пощелкала шариковой ручкой, раз-два, и Нэту почудилось, что она сейчас засмеется. Последний раз на Луну летали почти пять лет назад; Америка переплюнула Советы и переключилась на что-то другое. Но миссис Хендрик сказала, что тут есть два пути: пилот или ученый. Она открыла его результаты экзаменов. «Хорошо с минусом» по физкультуре; «отлично с плюсом» по тригонометрии, математике, биологии, физике. Нэт грезил о Массачусетском технологическом, о Карнеги-Меллон или Калтеке, даже запрашивал буклеты, но понимал, что отец одобрит только Гарвард. Все прочие вузы для Джеймса – удел неудачников. В колледже, думал Нэт, возьму физику, материаловедение, аэродинамику. Колледж – стартовая площадка, начало пути в неведомые края, перевалочный пункт на Луне перед прыжком в открытый космос. Нэт бросит всё и всех – и, хотя сам себе не признавался, «всех» подразумевало и Лидию.

Лидии уже исполнилось пятнадцать, она подросла; в школе, накрасив губы и подобрав волосы, походила на взрослую. А дома – на перепуганную пятилетнюю девочку, что выползала на берег, цепляясь за руку брата.

Вблизи кожа ее пахла по-девчачьи – даже название духов детское, «Бейби софт». С того самого лета Нэт чувствовал, что они связаны лодыжками, что ее вес тянет, сбивает его с ног. За десять лет узел так и не ослаб и уже натирал. Все эти годы Нэт, единственный, кто все понимал про родителей, выпитывал горести Лидии, безмолвно сочувствовал, сжимал ей плечо, криво улыбался. Говорил: «Мама вечно хвастается тобой перед доктором Вулфф. А мое “отлично с плюсом” по химии даже не заметила». Или: «Помнишь, я в девятом классе пропустил школьный бал? Папа сказал: “Ну, раз с тобой ни одна пойти не захотела...”» Нэт ободрял ее тем, что перебор любви лучше недобора. И все эти годы позволял себе лишь мысль: «Когда я поступлю в колледж...» До конца не додумывал, но в воображаемом будущем уплывал прочь, ничем не связанный.

Рождество на носу, а письма из Гарварда все нет. Нэт вошел в гостиную, не включив люстру – хватит разноцветной елочной гирлянды. В темных стеклах отражалось по елочке. Придется печатать новые эссе, ждать ответа из других вузов – второго, третьего, четвертого приоритета, – а может, навеки остаться дома. Из кухни донесся отцовский голос:

– По-моему, ей понравится. Я как увидел, сразу подумал про нее.

В антецеденте нет нужды: у них в доме «она» – всегда Лидия. Гирлянда мигала, гостиная смутно вырисовывалась во тьме и исчезала вновь. Нэт закрывал глаза, когда включались огни, открывал, когда выключались, и видел непрерывную темноту. Затем позвонили в дверь.

Пришел Джек – у Нэта еще не вызывавший подозрений, лишь застарелое недоверие и неприязнь. Температура ниже нуля, но на Джеке только фуфайка с капюшоном, молния застегнута до половины, внизу футболка – Нэт не разобрал, что на ней написано. Истрепанные отвороты джинсов намокли в снегу. Джек вынул руку из кармана фуфайки и протянул Нэту. На миг Нэт замаялся – что, надо пожать? А потом увидел, что Джек двумя пальцами держит конверт.

– К нам принесли, – сказал Джек. – Только что пришел домой и увидел. – Ткнул пальцем в красный герб в углу: – Ну что – похоже, ты в Гарвард отчаливаешь.

Конверт был толстый и тяжелый, будто распух от добрых вестей.

– Поглядим, – ответил Нэт. – Могли ведь и отказать, да?

Джек не улыбнулся.

– Ага, – пожал плечами он. – Не знаю.

И, не попрощавшись, зашагал домой, продавливая цепочку следов в заснеженном дворе Ли.

Нэт закрыл дверь, включил свет в гостиной и обеими руками взвесил

конверт. В комнате вдруг стало нестерпимо жарко. Клапан отодрался криво, и Нэт выдернул письмо, помяв с краю. *Уважаемый мистер Ли. Еще раз поздравляем, Вы зачислены в гарвардский выпуск 1981 года.* От облегчения ослабли все суставы.

– Это кто был? – В дверь заглянула Ханна – она подслушивала из коридора.

– Письмо... – Нэт сглотнул. – Из Гарварда.

Само слово покалывало язык. Нэт попытался было дочитать, но буквы расплывались. *Поздравляем. Еще раз.* Видимо, почтальон потерял первое письмо, но это неважно. *Вы зачислены.* Нэт сдался, улыбнулся Ханне, которая вошла на цыпочках и прислонилась к дивану.

– Я поступил.

– В Гарвард? – спросил Джеймс, войдя из кухни.

Нэт кивнул.

– Принесли Вулффам, – пояснил он, предъявляя письмо. Но на письмо Джеймс и не взглянул. Он глядел на сына, в кои-то веки не хмурясь, а Нэт вдруг заметил, что стал ростом с отца, что они смотрят глаза в глаза.

– Неплохо, – сказал Джеймс. Улыбнулся, будто застеснявшись, положил руку Нэту на плечо, Нэт почувствовал ее сквозь рубашку – тяжелую теплую руку. – Мэрилин. Угадай что?

Из кухни, стуча каблуками, прибежала мать.

– Нэт, – сказала она, от души целуя его в щеку. – Нэт. Что, правда? – Она выхватила письмо. – Боже мой. Восемьдесят первый год. Какие мы старые, Джеймс, да?

Нэт не слушал. Он думал: «Это по правде. Получилось, я выбрался, я уезжаю».

Лидия смотрела с вершины лестницы, как отцовская рука все сильнее стискивает Нэту плечо. Лидия и не помнила, когда отец в последний раз так Нэту улыбался. Мать поднесла письмо к свету, точно драгоценный манускрипт. Ханна, локтями уцепившись за подлокотник дивана, торжественно болтала ногами. А брат молчал, потрясенный и благодарный, 1981 год блистал в его глазах прекрасной далекой звездой, и у Лидии в груди что-то зашаталось, с грохотом обрушилось. Все как будто услышали, задрали головы, и едва Нэт открыл рот, чтобы прокричать свои хорошие вести, Лидия сверху сообщила:

– Мам, я не сдам физику. Велели тебе сказать.

Вечером, когда Нэт чистил зубы, дверь ванной скрипнула, к косяку привалилась Лидия. Лицо бледное, почти серое, и Нэт мимоходом ее

пожалел. За ужином мать от лихорадочных вопросов – как Лидия такое допустила, она что, не понимает? – перешла к прямолинейным заявлениям:

– Ты представь – вот ты стала старше и не можешь найти работу. Ты только представь.

Лидия не спорила, и перед лицом дочериного молчания Мэрилин вновь и вновь зловеще пророчила:

– Ты что, собираешься просто найти мужика и выскочить замуж? Других планов на жизнь у тебя нет?

Она еле сдерживалась, чтоб не расплакаться прямо за столом. Спустя полчаса Джеймс сказал:

– Мэрилин... – Но она пробуравила его таким взглядом, что он осекся и вилок потыкал волокна тушеной говядины в расслаивающейся луковой подливе. Про Гарвард, про письмо, про Нэта все позабыли.

После ужина Лидия пришла к Нэту в гостиную. Письмо из Гарварда лежало на кофейном столике, и Лидия потрогала печать со словом *VERITAS*^[25].

– Поздравляю, – тихо сказала Лидия. – Я так и знала, что ты поступишь.

Нэт злился и разговаривать не пожелал, вперился в телик, где заливались Донни и Мари^[26], не успели они допеть, Лидия убежала к себе, хлопнув дверью. А теперь стояла, вся пепельная, босиком на кафеле.

Нэт понимал, чего она хочет: утешения, его самоуничижения, мгновения, которое он предпочел бы забыть. Только бы ей полегчало. *Мама переживет. Все будет хорошо. Помнишь, как?..* Но он не хотел вспоминать минуты, когда отец сдувал пылинки с Лидии, а на него взирал, пылая разочарованием; когда Лидию мать хвалила, а на него не смотрела – смотрела мимо, насквозь, будто он из воздуха. Он хотел посмаковать драгоценное письмо, обещание долгожданного побега, грядущий новый мир, белый и чистый, как мел.

Не глядя на Лидию, Нэт яростно сплюнул в раковину и пальцами смахнул пену в сток.

– Нэт, – прошептала Лидия, когда он шагнул из ванной, и по дрожи в голосе он понял, что она плакала и вот-вот заплачет опять.

– Спокойной ночи, – сказал он и закрыл дверь.

Наутро Мэрилин прикнутила проваленную контрольную в кухне на стенку напротив стула Лидии. Следующие три дня с завтрака до ужина,

хлопнув по столу учебником физики, подсаживалась к дочери. Лидию просто надо чуточку ободрить. Импульс и инерция, кинетическая энергия и потенциальная – все это пряталось у Мэрилин на задворках сознания. Она читала вслух у Лидии через плечо: *Действию всегда есть равное и противоположное противодействие*. Вместе с Лидией снова и снова решала задачи из проваленной контрольной, пока Лидия не научилась всё решать правильно.

Лидия, однако, не говорила матери, что к третьему разу попросту зазубрила ответы. Весь день, сидя за столом над своей физикой, она ждала, что вмешается отец: «Мэрилин, хватит. Каникулы на дворе, ну честное слово». Но отец молчал. С Нэтом Лидия не разговаривала с *того вечера* (как она его называла) и верно догадалась, что и он злится на нее, – в кухню он приходил только поесть. Даже Ханна была бы утешением – маленьким молчаливым буфером, – но Ханна, как обычно, не видать. Вообще-то Ханна пряталась под приставным столиком в прихожей, чтоб ее не заметили из кухни, и слушала, как шуршит карандаш Лидии. Ханна обнимала коленки и посылала тихие терпеливые мысли, но сестра их не слышала. К рождественскому утру Лидия ненавидела их всех и не обрадовалась, даже увидев, что Мэрилин наконец сняла со стены контрольную.

Раздача подарков под елкой тоже была теперь замарана. Джеймс брал из груды свертки в ленточках, раздавал семейству, а Лидия в ужасе предчувствовала материн подарок. Обычно мать дарила ей книги – книги, о которых мать втайне мечтала сама, хотя обе они этого не сознавали; книги, которые после Рождества Мэрилин порой заимствовала у Лидии из шкафа. Лидии они всегда были не по возрасту сложны – не подарки, а прозрачные намеки. В прошлом году – «Цветной атлас человеческой анатомии», такой огромный, что на полку стоймя не влезал; за год до того – толстенный том под названием «Знаменитые женщины-ученые». Знаменитые женщины нагоняли скуку. Вечно одна и та же история: им сказали, что нельзя, а они решили все равно. Потому что действительно хотели, раздумывала Лидия, или потому что им запретили? От анатомии ее мутило – мужчины и женщины с содранной кожей, потом с содранными мускулами, а потом лишь оголенные скелеты. Она полистала цветные вклейки, захлопнула книгу и еще долго ежилась, не в силах стряхнуть неотвязное омерзение, как собака – воду после дождя.

Нэт увидел, как сестра моргает, как краснеют ее глаза, и сквозь его злость пробился росток жалости. Нэт уже одиннадцать раз перечитал письмо из Гарварда и наконец внушил себе, что это правда: его приняли.

Через девять месяцев он сбежит, и от этого все остальное уже не жалило. Да, родителей больше волнует неудача Лидии, чем его успех, – и пускай. Он уезжает. Он будет в колледже, а Лидия останется. Мысль эта, наконец облеченная в слова, отдавала горькой радостью. Отец протянул Нэту подарок в красной фольге, Нэт осторожно улыбнулся Лидии, а та сделала вид, что не заметила. После трех безутешных дней она еще не была готова его простить, но его улыбка согрела ее, как глоток чаю в холодный зимний день.

Лидия простила бы брата, не взгляни она на потолок. Но что-то бросилось ей в глаза – белое пятно Роршаха, – и в голове воздушным шариком всплыло воспоминание. Все они были еще маленькие. Мать повезла Ханну к врачу, а Лидия с Нэтом остались дома одни и прямо над окном заметили громадного паука. Нэт взобрался на диван и раздавил его отцовским ботинком, оставив на потолке черную кляксу и полследа подошвы. «Скажи, что это ты сделала», – взмолился он, но Лидия придумала кое-что получше. Взяла флакон замазки, стоявший у отцовской пишмашинки, и закрасила все пятна, одно за другим. Родители так и не заметили белых крапин на кремовом потолке, а Лидия с Нэтом месяцами потом посматривали вверх и с улыбкой переглядывались.

Теперь, присмотревшись, Лидия различила бледные следы отцовской подошвы и большую кляксу от паука. Она и Нэт были союзниками. Всегда вместе, даже в такой вот мелкой ерунде. Она и не думала, что однажды это закончится. Утренний свет плеснул на стену – получились тени и ослепительные лужи. Лидия сощурилась, пытаясь отличить белый от белесого.

– Лидия?

Все деловито разворачивали подарки; Нэт в углу вставлял пленку в новый фотоаппарат; на матери поверх халата поблескивал рубиновый кулон на золотой цепочке. Отец протягивал Лидии сверток – маленький, компактный, угловатый, как шкатулка для драгоценностей.

– Это от меня. Сам выбирал.

И просиял. Обычно Джеймс предоставлял рождественские покупки Мэрилин, и с его молчаливого согласия она подписывала карточки «С любовью от мамы и папы». Но это он купил сам и спешил одарить дочь.

Если сам, подумала та, значит, это что-то особенное. Она мигом простила отца за то, что не вмешивался. Тут под оберткой что-то изысканное, драгоценное. Лидия вообразила золотую цепочку – девочки в школе носили такие не снимая, с золотыми крестиками, полученными на конфирмацию, или с кулончиками, гнездившимися в ямке между

ключицами. И отец подарил ей такую же. Эта цепочка перечеркнет книги, подаренные матерью, и все последние три дня. Это будет сувенир, говорящий: «Я тебя люблю. Ты прекрасна как есть».

Лидия сунула пальцы под обертку, и на колени ей выпала толстенная черно-золотая книжка. «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Обложку наполовину разрезала ярко-желтая полоса. «Основные методы обращения с людьми. Шесть способов понравиться людям». А сверху темно-красные буквы: «Чем больше извлечете из этой книги, тем большего добьетесь в жизни!» Джеймс улыбался от уха до уха.

– Я подумал, тебе пригодится, – сказал он. – Это... ну, помогает завоевывать друзей. Стать популярной. – И он погладил заглавие на обложке.

Сердце у Лидии в груди застыло льдинкой и ускакало прочь.

– У меня есть друзья, пап, – сказала Лидия, вполне сознавая, что врет.

Отцовская улыбка дрогнула.

– Конечно. Я просто подумал – ну, ты взрослеешь, старшие классы, навыки общения очень важны. А это научит тебя со всеми ладить. – Глаза его метнулись к книжке. – Она с тридцатых годов выходит^[27]. Считается, что ничего лучше об этом не написали.

Лидия с усилием сглотнула.

– Замечательно, – сказала она. – Спасибо, пап.

На другие подарки, горкой лежавшие у нее на коленях, надежды не было, но Лидия все равно их открыла. Мохнатый акриловый шарф «Орлон» от Нэта. Альбом Саймона и Гарфанкела от Ханны. От матери, как обычно, книги: «Женщины-первопроходцы в науке», «Основы физиологии».

– Я подумала, тебе будет интересно, – сказала Мэрилин, – раз у тебя так хорошо с биологией.

Она отхлебнула чаю, и от ее хлюпа Лидию по спине подрал мороз. Когда под елкой не осталось ничего, кроме скомканной бумаги и обрывков ленточек, Лидия аккуратно составила в стопку свои дары; отцовская книжка легла сверху. На обложку упала тень – отец стоял у Лидии за спиной.

– Не понравилась книга?

– Конечно, понравилась.

– Я подумал, это полезно, – сказал он. – Хотя ты там, наверное, ничего нового не найдешь. – Он ущипнул ее за щеку. – Как завоевывать друзей. Жалко, что... – И осекся, сглотнул остаток фразы: «Жалко, что у меня ее не было в твои годы». Может, подумал он, все вышло бы иначе; умей он

обращаться с людьми, знай он, как им понравиться, стал бы своим в Ллойде, очаровал бы мать Мэрилин, работал бы в Гарварде. Смог бы добиться в жизни большего. – Я подумал, тебе понравится, – вяло договорил он.

Отец никогда не рассказывал про детство, Лидия не знала историю брака родителей и их переезда в Миддлвуд, но уловила эту муку, глубокую и пронзительную, точно звук туманного горна. Больше всего отец переживал, всем ли нравится Лидия. Не чужая ли она. Лидия открыла книгу на первой главе. «Принцип 1: Не критикуйте, не осуждайте, не жалуйтесь».

– Восторг, – сказала она. – Спасибо, пап.

Резкость ее тона Джеймс уловил, но пропустил мимо ушей. Еще бы ей не раздражаться – на что ей сдался такой подарок? У Лидии и так полно друзей: чуть не каждый вечер, доделав уроки, она болтает по телефону. Что за глупость – дарить ей эту книгу. И он про себя поставил галочку: надо в следующий раз подарить что-нибудь получше.

А правда была такова: в тринадцать лет по настоянию отца Лидия позвонила Пэм Сондерс. Даже не знала номера – пришлось смотреть в телефонной книге, которая разлеглась на коленях, пока Лидия крутила диск. Помимо телефона в кухне и в кабинете, аппарат был на площадке, у диванчика под окном, куда мать накидала подушек и поставила вялую сенполию. Кто ни пройдет внизу, может подслушать. Лидия подождала, пока отец уйдет в гостиную, и набрала последнюю цифру.

– Пэм? – сказала она. – Это Лидия.

Пауза. Она почти расслышала, как Пэм морщит лоб.

– Лидия?

– Лидия Ли. Из школы.

– А. – Снова пауза. – Привет.

Лидия вставила палец в завитки телефонного провода и поразмыслила, что бы такого сказать.

– Ну... как тебе сегодня контрольная по географии?

– Да ничего. – Пэм щелкнула жвачкой – получился тихий цок. – Ненавижу школу.

– Я тоже, – сказала Лидия. И впервые поняла, что это правда, и от своего признания расхрабрилась. – Слушай, пошли на роллердром в субботу? Мой папа нас отвезет.

В голове мелькнула картина: они с Пэм, смятенные и смешливые, кружат по роллердрому. И как счастлив отец на трибунах.

– В субботу? – Резкая, испуганная тишина. – Ой, слушай, я не могу.

Может, как-нибудь в другой раз? – В трубке кто-то забормотал. – Мне пора. Сестре телефон понадобился. Пока. – И щелчок – трубка опустилась на рычаг.

Ошарашенная этим внезапным финалом, Лидия так и сидела с трубкой, и тут у подножия лестницы возник отец. Едва он увидел, что она на телефоне, лицо его просветлело, словно тучи сдуло сильным ветром. Лидия увидела, каким он, наверное, был в юности, задолго до ее рождения, – мальчишка, оптимист, мечты о будущем сияют в глазах звездами. Отец улыбнулся ей и подчеркнуто на цыпочках возвратился в гостиную.

А Лидия так и сидела с трубкой у щеки, сама не веря, до чего легко, оказывается, разбудить в нем эту радость. Вроде бы такая мелочь. Об этом Лидия думала в следующий раз, когда взяла трубку, прижала к уху и шептала: «Мм-м, ага – *что-что* она сделала?» – пока отец не вышел в коридор, не остановился под лестницей, не улыбнулся и не удалился. Время шло, Лидия воображала девочек, за которыми наблюдала издали, придумывала, что сказала бы, если б и впрямь с ними дружила. «Шелли, смотрела вчера “Старски и Хатч”?^[28] Ой, Пэм, это сочинение по английскому – десять страниц, с ума сойти! Миссис Грегсон думает, нам заняться больше нечем? Стейси, ты с этой прической – *вылитая* Фэрра Фосетт^[29]. Вот бы мне такие волосы». Поначалу это была мелочь, и гудок дружески напевал ей в ухо. А теперь эта книжка – и какие уж тут мелочи.

После завтрака Лидия по-турецки села в уголке под елкой и снова открыла книгу. *Умейте слушать. Пусть люди говорят с вами о себе.* Полистала еще. *Помните: вашим собеседникам в сто раз интереснее они сами, их собственные проблемы и желания, чем вы с вашими проблемами.*

Нэт в другом углу уткнулся глазом в видоискатель нового фотоаппарата, навел объектив на Лидию и теперь менял фокус, приближая ее и отдаляя. Так он извинялся за то, что не разговаривал с ней, захлопнул дверь у нее перед носом, когда ей совсем не хотелось оставаться одной. Лидия это понимала, но была не в настроении мириться. Через несколько месяцев он уедет, а она останется тут одна завоевывать друзей, влиять на людей и первопроходить в науке. Не успел Нэт ее щелкнуть, Лидия опустила глаза, волосами занавесив лицо. *Улыбка говорит: «Вы мне нравитесь. С вами я счастлив. Я вам рад».* Вот почему все обожают собак. При встрече они от радости готовы выпрыгнуть из собственной шкуры. Собаки, подумала Лидия. Вообразила себя собакой, покорной и дружелюбной, золотистым рет ривером с черной улыбкой и бахромчатым

хвостом, но не складывалось: она не дружелюбна, не чистокровна, не блондинка. Она замкнута и подозрительна, как псина Вулффов – дворняга, вечно готовая к вражескому нападению.

– Лидс, – окликнул Нэт. (Вот прицепился, а?) – Лидия. Ли-иди-и-я.

Сквозь завесь волос Лидия увидела, как в нее гигантским микроскопом целится объектив.

– Улыбочку.

Вам неохота улыбаться? Что делать тогда? Заставьте себя улыбнуться. Ведите себя так, будто вы уже счастливы, и от этого непременно станете счастливее.

Лидия перебросила через плечо медленно раскручивающийся хвост. И в упор уставилась в черный глаз фотоаппарата, не улыбнувшись, не изогнув губы ни чуточки, даже когда услышала, как щелкнул затвор.

В школе после каникул Лидии первым делом предстояла физика, но из дома она сбежала с облегчением. На стол мистеру Келли оценкой вниз положила контрольную с подписью матери. Мистер Келли уже рисовал график на доске. «Раздел II: Электричество и магнетизм», – написал он поверху. Лидия села на свое место и легла на парту щекой. Кто-то канцелярской кнопкой протыкал в столешнице слово ХЕР размером с десятицентовик. Лидия прижала к нему палец, а когда отняла, на коже рубцом осталось зеркальное ХЕР.

– Хорошие были каникулы?

Джек. Рухнул за соседнюю парту, одну руку закинул на спинку, точно на девичьи плечи. Лидия почти не была знакома с Джеком, хотя он жил на углу, и много лет с ним даже не разговаривала. Волосы у него потемнели до оттенка песочного пляжа, детские веснушки побледнели, но не исчезли. Однако Лидия знала, что Нэту Джек совсем не нравится, никогда не нравился, и хотя бы поэтому обрадовалась.

– А ты что тут забыл?

Джек глянул на доску:

– Электричество и магнетизм.

Лидия покраснела.

– В смысле, – сказала она, – это же одиннадцатый класс.

Джек выудил из рюкзака шариковую ручку без колпачка и закинул ногу на ногу, щиколоткой на колено.

– А вам неизвестно, мисс Ли, что для успешного окончания школы необходима физика? Я в том году завалил второй триместр, а посему вернулся вновь. Последний шанс.

И он принялся синими чернилами обводить рисунок на подошве кроссовки. Лидия подскочила:

– Завалил?

– Завалил, – подтвердил он. – Пятьдесят два процента. Ниже, чем ниже среднего. Я понимаю, мисс Ли, вам эту концепцию постичь трудно. Вы никогда ничего не заваливали.

Лидия вся подобралась.

– Вообще-то, – сказала она, – я сама вот-вот физику завалю.

Джек не повернул головы, но Лидия увидела, как он задрал одну бровь. А потом он ее удивил: наклонился через проход и нарисовал ей на коленке джинсов крошечный нолик.

– Тайный знак нашего общества, – пояснил он под трель звонка. Взглянул в упор – глаза темные, серо-голубые. – Добро пожаловать, мисс Ли.

Весь урок Лидия пальцем обводила нолик и краем глаза наблюдала за Джеком. Его занимало что-то незримое, и он будто не слышал ни гундежа мистера Келли, ни шороха карандашей, ни жужжания потолочной флуоресцентной лампы. Большим пальцем барабанил по парте. «Может, он захочет дружить? – размышляла Лидия. – Нэт его убьет. Или меня». Но дни шли, а Джек больше ни слова ей не говорил. Иногда опаздывал, а потом весь урок лежал головой на парте; иногда прогуливал. Нолик стерся после стирки. Лидия не поднимала головы от тетрадей. Списывала с доски все, что писал мистер Келли, туда-сюда листала учебник – так часто, что истрепались края.

В конце января за ужином мать поставила на стол салат и блюдо коробочной пасты с фаршем и выжидательно посмотрела на Лидию, так и эдак наклоняя голову – точно ушастый кролик пытается расслышать сигнал. Наконец спросила:

– Лидия, как у тебя с физикой?

– Нормально. – Лидия вилок проткнула морковный кружок. – Лучше. Уже лучше.

– Насколько лучше? – спросила мать уже резче.

Лидия разжевала морковку.

– Контрольной пока не было. Но с домашкой нормально.

Соврала она лишь отчасти. Первая контрольная триместра – на следующей неделе, а пока Лидия продиралась через задания: задачи с нечетными номерами списывала из ответов в конце учебника, а в четных мухлевала как могла.

Мать нахмурилась, но зачерпнула себе пасты.

– Спроси учителя – может, он задаст тебе дополнительно, будут лишние оценки, – сказала она. – Ты же не хочешь, чтоб из-за физики у тебя все просело. С твоими способностями...

Лидия пырнула вилкой клинышек помидора. Заорала бы, если б не эта тоска в материнском голосе.

– Я знаю, мам, – сказала Лидия. Глянула на Нэта, надеясь, что он сменит тему беседы, однако Нэт не заметил – ему было о чем подумать.

– А как делишки у Шелли? – спросил Джеймс.

Лидия помолчала. Прошлым летом по настоянию отца она пригласила Шелли в гости. Шелли в основном кокетничала с Нэтом – подбивала его играть в мяч во дворе, спрашивала, кто, по его мнению, красивее – Линда Картер^[30] или Линдзи Ваг нер^[31]. Шелли с Лидией не разговаривали с тех самых пор.

– Хорошо, – ответила она. – Занята. Секретарь школьного комитета.

– Может, и тебе поучаствовать? – сказал Джеймс. Помахал ей вилкой – типа, мудрец, сейчас выдаст афоризм. – Наверняка они от помощи не откажутся. А у Пэм и Карен как?

Лидия посмотрела в тарелку, на едва тронутый салат, на печальный ком фарша с сыром. С Карен она в последний раз общалась год назад, Джеймс подвозил их домой с дневного сеанса «Пролетая над гнездом кукушки»^[32]. Поначалу Лидия гордилась: в кои-то веки ее планы – не вранье. Карен только переехала в Миддлвуд, Лидия, от ее новизны осмелев, предложила сходить в кино, и Карен ответила: «Давай, конечно, чего бы нет?» А потом всю дорогу отец Лидии выставлялся *клевым*: «Пять братьев и сестер, Карен? Прямо как в “Семейке Брейди”!»^[33]

Смотришь по телику?» «Пап, – говорила Лидия. – *Пап*». Но он не затыкался, расспрашивал Карен, какие пластинки нынче модно слушать, спел пару строк с «Ватерлоо»^[34], хотя альбому уже два года. Карен отвечала «да», «нет» и «не знаю», теребила нижнюю бусину на сережке. Лидии хотелось растаять и утечь в подушки сиденья, глубоко-глубоко в поролон, где ничегошеньки не слышно. Она хотела сказать что-нибудь про фильм, но ничего не придумала. Вспоминала только пустые глаза Джека Николсона, когда ему на лицо опускается подушка. Тишина в машине разбухала, пока они не подъехали к дому Карен. В понедельник за обедом Лидия подошла к столу Карен и выдавила улыбку.

– Извини, что отец тебе по ушам ездил, – сказала она. – Господи, ужас как за него неловко.

Карен отколупала крышечку с пластиковой баночки, слизала йогурт и пожала плечами.

– Да ничего, – сказала она. – Даже трогательно. В смысле, понятно же, что он просто хочет помочь тебе вписаться.

Теперь же Лидия пронзила отца взглядом, а тот жизнерадостно улыбнулся, будто горд, что много знает про ее друзей, помнит их имена. Собака, подумала Лидия, собака, которая ждет подачки.

– У них все отлично, – ответила она. – Просто отлично.

Мэрилин через стол тихо произнесла:

– Перестань ее изводить, Джеймс. Пусть поужинает спокойно.

А Джеймс сказал не так тихо:

– Это же не я ее из-за уроков пилю.

Ханна гоняла по тарелке комок фарша, точно камешек. Лидия поймала взгляд Нэта. «Умоляю, – подумала она. – Скажи что-нибудь».

Нэт набрал в грудь побольше воздуха. Он собирался с духом весь вечер.

– Пап? Я хотел тебя попросить кое-что подписать.

– Подписать? – переспросил Джеймс. – Что подписать?

– Для Гарварда. – Нэт отложил вилку. – Заявка на общежитие и на поездку в кампус. Я могу съездить в апреле на выходные. Там меня один студент готов принять. – Едва он заговорил, слова вылились сплошным потоком на одном дыхании: – Я откладывал деньги, хватит на автобусный билет, и в школе я пропущу всего несколько дней. Но мне нужно разрешение.

«Пропущу несколько дней», – подумала Лидия. Родители его ни в жизнь не отпустят.

Но оба, как ни странно, кивнули.

– Разумно, – сказала Мэрилин. – Сначала попробуешь, каково жить на кампусе, а осенью все уже будет по-настоящему.

Джеймс сказал:

– На автобусе ужасно долго. Я думаю, по такому случаю мы можем позволить себе самолет.

Нэт ухмыльнулся сестре, двояко торжествуя: «Они от тебя отстали. И они согласились». Лидия, кончиком ножа рисуя дорожки в сырном соусе, думала лишь об одном: «Вот не терпится ему уехать».

– А знаете, кто со мной на физике? – внезапно сказала она. – Джек Вулфф, который на углу живет.

Она погрызла кусок капусты и присмотрелась к реакции. Имя влетело

родителям в одно ухо и вылетело из другого, будто и не было произнесено. Мать сказала:

– Лидди, кстати, я могу тебе помочь подготовиться в субботу, если хочешь.

Отец сказал:

– Давненько я не видел Карен. Может, вы в кино сходите? Я отвезу.

А вот Нэт вздернул голову, словно рядом пальнули из ружья. Лидия улыбнулась в тарелку. И мигом решила, что будет с Джеком дружить.

Поначалу казалось, что шансов ноль. На физику Джек не ходил с неделю, и несколько дней после уроков Лидия болталась у машины, пока не застала Джека одного. В первый день он вышел с какой-то блондинкой из одиннадцатого класса; Лидия нырнула за куст и посмотрела сквозь ветки. Джек сунул руки блондинке в карман, затем под пальто, и когда та изобразила оскорбленную невинность и его оттолкнула, закинул ее на плечо и пригрозил бросить в сугроб, а она между тем визжала, хихикала и молотила его по спине кулаками. Джек поставил ее на землю, открыл дверцу своего «жука», блондинка села, они уехали, пыхая выхлопом, и Лидия понимала, что они не вернуться. На второй день Джек вообще не появился, и Лидия в конце концов поплелась домой. Снегу напало до середины икры; всю зиму стояли рекордные холода. В сотне миль к северу замерзло озеро Эри, в Баффало снегопады завалили дома по крыши и пожрали линии электропередачи. Дома Нэт, который и не припоминал, когда в последний раз ездил в автобусе без Лидии, осведомился:

– А ты куда подевалась? – Но она молча потащилась по лестнице к себе.

На третий день Джек вышел из школы один, а Лидия вдохнула поглубже и выбежала на обочину. Как обычно, Джек был без куртки и перчаток. В покрасневших пальцах сплюснул сигарету.

– Не подвезешь? – спросила Лидия.

– Мисс Ли. – Джек ногой сбил сугроб с переднего колеса. – А вам разве не на автобусе полагается?

Она пожала плечами, потуже намотала шарф:

– Опоздала.

– Я не прямо домой.

– Это ничего. Очень холодно пешком.

Джек порылся в кармане и достал ключи.

– А ваш брат точно не против, что вы знаете с таким, как я? – спросил он, задрал бровь.

– Он мне не сторож.

Лидия не собиралась так орать. Джек ухмыльнулся, дохнув клубом дыма, и сел за руль. Лидия, алая щеками, чуть было не ушла прочь, когда он наклонился и повернул ручку с пассажирской стороны.

Теперь, сев в машину, Лидия не знала, что сказать. Джек завел двигатель, переключил передачу, и на доске, очнувшись, замигали здоровенный спидометр и датчик топлива. Больше никаких приборов. А в машине у родителей Лидии куча индикаторов и лампочек: заканчивается масло, перегрелся двигатель, включен стояночный тормоз, открыта дверца, или багажник, или капот. Тебе не доверяют. За тобой вечно нужен глаз да глаз – нужно напоминать тебе, что делать и чего не делать. Лидия никогда не бывала с мальчиком наедине – мать запрещала ей встречаться с мальчиками (не то чтобы Лидия порывалась), – и к тому же она сообразила, что прежде с Джеком и не разговаривала по-человечески. Ее представления о том, что творится в машинах на задних сиденьях, были смутны. Краем глаза она смотрела на профиль Джека, на его щетину – темнее песочных волос, – которая расползлась от бакенбард до мякоти горла, точно угольная пыль, которую надо смахнуть.

– Короче, – сказала Лидия. Пальцы ее затряслись, и она сунула руки в карманы пальто. – Можно сигу стрельнуть?

Джек засмеялся:

– Хорош гнать-то. Ты ж не куришь.

Но протянул ей пачку, и Лидия вытащила сигарету. Думала, сигарета будет плотная и тяжелая, как карандаш, но нет – легкая, вообще ничего не весит. Не отводя глаз от дороги, Джек кинул Лидии зажигалку.

– Итак, ты решила, что сегодня брат тебя за ручку домой не ведет.

Пренебрежение прозвучало очень явственно, но Лидия не поняла, над кем он смеется – над ней, над Нэтом или над ними обоими.

– Я уже не маленькая, – сказала она и закурила. Дым обжег легкие, голова закружилась, и внезапно прочистилось, прояснилось в голове. Как палец порезать, подумала она: боль и кровь напоминают, что ты жив. Она выдохнула, выпустив сквозь зубы ураганчик, и протянула зажигалку Джеку. Он отмахнулся:

– Кинь в бардачок.

Лидия открыла защелку, и под ноги выпала голубая коробочка. Лидия застыла, а Джек опять рассмеялся:

– Что такое? «Троянов» никогда не видали, мисс Ли?

Лидия с горящим лицом подобрала презервативы и запихала обратно в раскрывшуюся коробочку.

– Еще б не видала. – Она сунула коробку в бардачок вместе с зажигалкой и решила сменить тему: – Ну и как тебе сегодня контрольная на физике?

Джек фыркнул:

– Тебе же вроде по барабану эта физика?

– У тебя с ней по-прежнему завал?

– А у тебя?

Лидия замялась. Глубоко затаилась, подражая Джеку, и запрокинула голову, выдыхая.

– Мне физика по барабану. До фонаря мне эта физика.

– Херня, – сказал Джек. – Чего ж тогда, как мистер Келли домашку ни раздаст, ты чуть не рыдаешь?

Она и не догадывалась, что настолько прозрачна; щеки горячо вспыхнули, жар пополз к шее. Сиденье скрипнуло, и в бедро ткнулась пружина – будто кулаком пихнули.

– Маленькая мисс Ли курит. – Джек цокнул языком. – А брат не огорчится, когда узнает?

– Меньше, чем когда узнает, что я у тебя в машине сидела.

Лидия усмехнулась. Джек будто и не заметил. Открыл окно, впусив в машину холодный воздух, и щелчком отправил окурок наружу.

– Так меня ненавидит, а?

– Да ладно тебе, – сказала Лидия. – Все же знают, что у тебя в машине творится.

Джек рывком свернул к обочине. Они едва добрались до озера, и глаза у Джека были холодны и неподвижны, как заледеневшая озерная вода.

– Тогда, пожалуй, ты лучше вылезай. Не хватало еще, чтоб я тебя совратил. А то Гарвард тебе тогда не светит. В отличие от братца твоего.

«Он, похоже, по правде Нэта ненавидит, – подумала Лидия. – У них это взаимно». Интересно, как они учились в одном классе все эти годы? Нэт, наверное, сидел впереди над тетрадкой, одной рукой тер складку между бровей – он всегда так делает, если сильно задумался. Сосредоточился, ничего вокруг не замечает – вот же он, ответ, запечатан у него во рту. А Джек? Джек развалился на задней парте в углу: рубашка навыпуск, одна нога перегородила проход. Весь такой раскованный. Такой самоуверенный. Плевать хотел, кто что подумает. Неудивительно, что они друг друга на дух не переносят.

– Я, между прочим, не такая, как он, – сказала Лидия.

Некоторое время Джек ее разглядывал, будто размышлял, правда ли это. Под задним сиденьем вхолостую урчал двигатель. Серый червяк пепла

на сигарете Лидии рос, но Лидия лишь выдохнула тоненькую струйку тумана в морозный воздух и заставила себя не отворачиваться от Джекова прищуря.

– Почему у тебя голубые глаза? – наконец спросил Джек. – Ты же вроде китаянка?

Лидия заморгала.

– У меня мама американка.

– Я думал, карие выигрывают. – Джек ладонью уперся в ее подголовник и склонился ближе, всмотрелся внимательно, оценивающе, точно ювелир в драгоценный камень. По загровку у Лидии побежали мурашки, и она отвела глаза, стряхнула пепел в пепельницу.

– Значит, не всегда.

– Никогда не видел голубоглазых китайцев.

Вблизи она разглядела созвездие веснушек у него на щеке – поблекли, но не исчезли. Как и брат много лет назад, Лидия их пересчитала – девять штук.

– Ты в курсе, что ты из девчонок одна в школе небелая?

– Да? Я как-то не задумывалась.

Вранье. Даже с голубыми глазами не притворишься, будто одна из них.

– Вы с Нэтом небось чуть ли не единственные китайцы на весь Миддлвуд.

– Наверно.

Джек отодвинулся и потер вмятинку на пластиковом руле. После паузы спросил:

– Каково это?

– Каково это?

Лидия замялась. Иногда почти забываешь, что с виду не похожа на других. В школьной комнате отдыха, или в аптеке, или в супермаркете слушаешь утренние объявления, или заносишь пленку на проявку, или берешь с полки картонку яиц – и как будто ты просто человек в толпе. Иногда вообще про это не думаешь. Но временами замечаешь, что на тебя смотрит девушка через проход, аптекарь смотрит, парень на кассе, и в их глазах видишь свое отражение: ты несообразна. Цепляешь взгляды, как рыболовный крючок. Вспоминаешь заново всякий раз, когда видишь себя со стороны, чужими глазами. Когда на вывеске «Пекинского экспресса» – мультяшный человечек в остроконечной круглой шляпе, узкоглазый, зубы торчком, в руках палочки. Когда мальчишки на игровой площадке растягивают глаза пальцами («китаез – япошка – погляди в окошко»), а мальчишки постарше на улице, проходя мимо, бормочут «пливет,

класотка» – негромко, только чтоб ты услышала. Когда официантки, и полицейские, и водители автобусов говорят с тобой медленно, простыми словами, словно ты можешь их не понять. Когда на фотографиях ты одна черноволоса, будто тебя откуда-то вырезали и сюда вклеили. Удивляешься: погоди, а эта что тут делает? А потом вспоминаешь, что «эта» – ты и есть. Не поднимаешь головы, думаешь про школу, или про космос, или про будущее, а про это все стараешься забыть. И забываешь, пока оно не случается вновь.

– Не знаю, – сказала она. – Люди еще с тобой не познакомились, а уже все про тебя решили. – И вдруг уставилась на Джека в ярости: – Вот как ты со мной примерно. Всем кажется, что они тебя уже знают. А ты всегда не то, что они думают.

Джек долго-долго молчал, разглядывал замок на эмблеме в центре руля. Теперь они никогда не подружатся, решила Лидия. Нэта Джек ненавидит, а сама она так выступила, что он возненавидит и ее. Сейчас вытолкнет из машины и укатит. К ее изумлению, Джек вытащил сигаретную пачку из кармана и протянул ей. Искупительное жертвоприношение.

Лидия не размышляла, куда они поедут. Еще не раздумывала, какой предлог сочинит для матери, предлог, который – и тут она вдохновенно ухмыльнется – станет прикрытием всех ее встреч с Джеком: мол, осталась после уроков делать дополнительные по физике. Она не вообразила даже потрясенного и испуганного лица Нэта, когда тот узнает, где она была. Она глядела на озеро и не могла провидеть, что три месяца спустя очутится на дне. В этот миг она лишь взяла предложенную сигарету и, когда Джек щелкнул зажигалкой, склонилась к огню.

Восемь

Джеймс прекрасно знает, каково это – вот так забывать. Академия Ллойд, Гарвард, Миддлвуд. Джеймс забывает изо дня в день – кратковременное затишье, затем резкий тычок под ребра: помни, ты чужак. Забывать, прежде считал он, – ложное утешение: так зверь в зоопарке, подобравшись в вольере, делает вид, будто не замечает, как все пялятся, делает вид, будто он по-прежнему на воле. Теперь же, спустя месяц после похорон Лидии, Джеймс эти минуты забвения ценит высоко.

Кто-то находит убежище в пинте виски, в бутылке водки, в шестерике пива. Вкус алкоголя Джеймсу никогда не нравился, и алкоголь не притупляет ему сознания – от алкоголя Джеймс свекольно багровеет, будто ему набили рожу, а вот мысли мчатся быстрее. Он подолгу катается на машине, туда-сюда пересекает Миддлвуд, по шоссе почти до самого Кливленда, а там разворачивается назад. Он глотает снотворное из аптеки, и даже во снах Лидия мертва. Снова и снова он находит забвение лишь в постели Луизы.

Он говорит Мэрилин, что читает лекцию или консультирует студентов; по выходным – что надо работы проверять. Это все вранье. Через неделю после смерти Лидии декан отменил летний курс.

– Передохните, Джеймс, вам нужно заняться собой, – сказал он, ласково похлопав Джеймса по плечу.

Декан так утешал всех: студентов, которых бесили низкие оценки, преподавателей, которых оскорбили неполученные гранты. Работа декана – сделать так, чтобы потери казались пустячнее. Но студенческие «удовлетворительно с минусом» никогда не превращались в «хорошо», а новое финансирование не возникало из воздуха. Желаемого не получаешь – просто учишься обходиться без него. А Джеймсу только собой заниматься не хватало – дома ему невыносимо. Так и ждешь, что в дверях появится Лидия, что скрипнут половицы в ее спальне наверху. Как-то утром он услышал шаги у нее в комнате, не сдержался, задыхаясь кинулся наверх – а там Мэрилин расхаживает туда-сюда вдоль стола, открывает и закрывает ящики. Хотелось крикнуть: «Пошла вон!» – будто спальня – святилище. Теперь он по утрам берет портфель – якобы на лекцию собрался – и едет в колледж. И даже там в кабинете замороженно разглядывает семейный портрет, откуда смотрит Лидия – едва пятнадцать исполнилось, вот-вот выскочит из-под стекла, из рамки, бросит их всех. К середине дня Джеймс

снова у Луизы, ныряет в ее объятия, затем ей между ног, и тогда разум его блаженно отключается.

Но, уехав от Луизы, он вспоминает вновь и только сильнее злится. Как-то раз по пути к машине подбирает пустую бутылку и швыряет в стену Луизиного дома. В другие вечера за рулем борется с соблазном протаранить дерево. Нэт и Ханна стараются не попадаться ему на глаза, а с Мэрилин он за последние недели не обменялся почти ни словом. Скоро Четвертое июля, Джеймс проезжает озеро и видит, что на причале развесили флажки и красно-белые шарики. Сворачивает к обочине и все это сдирает, каблукон лопает шарики один за другим. Когда все утоплено в воде, а причал сумрачен и гол, Джеймс уезжает домой, трясясь всем телом.

Нэт роется в холодильнике, и Джеймс сатанеет.

– Электричество тратишь, – говорит он. Нэт закрывает дверцу, но эта тихая покорность бесит еще сильнее. – Вот надо тебе под ногами путаться?

– Извини, – говорит Нэт. В одной руке у него яйцо вкрутую, в другой – бумажная салфетка. – Я не знал, что ты придешь.

В машине неотступно воняло выхлопами и моторным маслом, и лишь теперь Джеймс чувствует, что сам до сих пор пахнет Луизиными духами – мускусной едкой сладостью. Может, Нэт тоже почувял.

– Что значит – ты не знал, что я приду? Я целый день вкалывал как проклятый – у меня нет права прийти к себе на кухню? – Он ставит портфель. – Где мать?

– У Лидии. – Пауза. – Просидела там весь день.

Между лопаток покалывает, будто Нэт его упрекает.

– К твоему сведению, – говорит Джеймс, – мой летний курс – очень ответственная работа. У меня конференции. Совещания.

Он краснеет, вспоминая Луизу, – как он сидел в кресле, а она опустилась перед ним на колени, медленно расстегнула ему ширинку, – и от этого злится еще больше. Нэт не опускает глаз, слегка выпятил губы, словно хочет сложить вопрос, но застрял на «Ч...», и на Джеймса вдруг накатывает ярость. Долгие годы отцовства он считал, что Лидия похожа на мать – голубоглазая невозмутимая красавица, – а Нэт на него: смуглый, запинаясь, на каждом слове боится споткнуться. Джеймс обычно не задумывается о том, что Лидия с Нэтом похожи и друг на друга. А теперь в лице сына мелькает дочь, большеглазая и безмолвная, и Джеймс от боли звереет.

– Что ты торчишь дома целыми днями? У тебя что, друзей нет?

Отец такое говорит годами, но в этот миг внутри у Нэта что-то лопается, точно провод перетянули.

– Ни одного. Я ж не ты. Ни конференций. Ни... совещаний. – Он морщит нос. – От тебя духами пахнет. После совещания, я правильно понимаю?

Джеймс хватается его за плечо, стискивает так, что хрустят костяшки.

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне, – рычит Джеймс. – Не смей меня допрашивать. Ты обо мне ничего не знаешь. – И сам не замечает, как складываются слова, как слюной вылетают изо рта: – Ты и о сестре ничего не знал.

Лицо у Нэта не меняется, лишь застывает маской. Джеймсу хочется выщипнуть слова из воздуха, поймать, как мотыльков, но глаза сына стеклянно твердеют и блестят – слова уже заползли ему в уши. Джеймсу хочется его коснуться – плеча, руки, чего-нибудь – и сказать, что он не хотел. Что Нэт тут ни капли не виноват. Затем Нэт кулаком грохает по столешнице – изо всех сил, так, что трескается старый потертый пластик. Выбегает из кухни, грохочет по лестнице, Джеймсов портфель падает на пол, а Джеймс приваливается к столу. Рука нащупывает что-то мокрое и холодное – яйцо вкрутую размозжено всмятку, и в нежную белизну вгрызлись осколки скорлупы.

Всю ночь Джеймс вспоминает застывшее лицо сына и наутро поднимается спозаранку. Приносит с веранды газету, в углу читает дату, черную и четкую: 3 июля. Ровно два месяца с исчезновения Лидии. Не может быть, что всего два месяца назад он сидел в колледже, проверял студенческие работы, стеснялся вынуть божью коровку у Луизы из волос. Еще два месяца назад 3 июля было счастливым днем, тайно лелеемым десять лет, – днем чудесного возвращения Мэрилин. Как все изменилось. В кухне Джеймс разворачивает газету. Под сгибом читает мелкий заголовок: «Учителя и одноклассники вспоминают погибшую». О Лидии теперь пишут короче и реже. А вскоре и вовсе перестанут, все о ней забудут. Джеймс обеими руками придвигает к себе газету. Пасмурно, но света он не включает, будто полумрак сгладит то, что ему предстоит прочесть. Говорит Карен Адлер: «Она была одиночка. Особо ни с кем не общалась». Говорит Пэм Сондерс: «У нее было мало друзей, даже парня не было. По-моему, мальчики ее вообще не замечали». А внизу: «Преподаватель Ли по физике Дональд Келли говорит, что она, замкнутая десятиклассница, училась у него с одиннадцатым классом, и отмечает: “Занималась она усердно, но, конечно, выделялась”». Рядом с заметкой вынос: «Детям-полукровкам зачастую трудно найти свое место в социуме».

Тут звонит телефон. Всякий раз первая мысль: «Ее нашли». Тоненький голосок внутри кричит, что все это недопонимание, недоразумение, ночной

кошмар. А потом все остальное нутро – нутро, которое знает, как обстоят дела на самом деле, – тошнотворно придавливает его к земле: «Ты же ее видел». И с чудовищной ясностью он вспоминает ее распухшие руки, ее бледное восковое лицо.

И поэтому, когда он берет трубку, голос его всякий раз дрожит.

– Мистер Ли? – Звонит Фиск. – Надеюсь, я не слишком рано. Как ваши дела?

– Нормально, – отвечает Джеймс. Все спрашивают, и врет он уже на автомате.

– В общем, мистер Ли, – произносит Фиск, и Джеймс понимает, что вести дурные. Люди так настойчиво обращаются к тебе по имени, только если хотят смягчить удар. – Я хотел сообщить: мы сворачиваем расследование. Мы пришли к выводу, что это самоубийство.

Джеймс повторяет все это про себя, и лишь тогда до него доходит.

– Самоубийство?

В трубке пауза.

– В полицейской работе ничего не бывает на *сто процентов*, мистер Ли. И это очень жаль. Это не кино – однозначности у нас почти не встречается. – Фиск не любит сообщать плохие новости и прячется за официальщиной: – Выясненные обстоятельства свидетельствуют о том, что самоубийство – наиболее вероятный сценарий. Никаких признаков насильственных действий. Друзей нет. Оценки портятся. Пошла на озеро, зная, что не умеет плавать.

Джеймс опускает голову, а Фиск все говорит. Терпеливее – будто отец утешает маленького ребенка:

– Мы знаем, что вам и вашим родным нелегко с этим смириться, мистер Ли. Мы надеемся, вы хотя бы сможете жить дальше.

– Спасибо, – говорит Джеймс. Вешает трубку. За его спиной в дверях стоит Мэрилин, одной рукой опирается о косяк.

– Кто звонил? – спрашивает она. Но так мнет халат на груди, над сердцем, что Джеймс понимает: она все слышала. Мэрилин щелкает выключателем, и во вспышке яркого света Джеймс будто голый, вообще без кожи. – Они не могут закрыть дело. Виновный еще на свободе.

– Виновный? Полиция считает... – Джеймс осекается. – Они считают, больше никто не причастен.

– Они ее не знают. Кто-то ее туда отвел. Заманил. – Мэрилин умолкает, перед глазами всплывают сигареты и презервативы, но ярость отпихивает их прочь, от ярости голос пронзительнее: – Она бы не пошла одна. Ты что думаешь, я не знаю собственную дочь?

Джеймс не отвечает. В голове одно: «Если б мы сюда не переехали. Если б она никогда не видела это озеро». Молчание густеет, схватывается льдом, и Мэрилин содрогается.

– Ты им поверил, да? – спрашивает она. – Ты считаешь, она сделала такое. – Ей не хватает духу выговорить «покончила с собой», от одной мысли внутри опять закипает гнев. Лидия никогда бы не поступила так с семьей. С матерью. Как Джеймс может в это верить? – Они хотят закрыть дело, и все. Проще плюнуть, чем по-настоящему работать. – Голос дрожит, и она стискивает кулак, будто твердая рука подарит ей твердость. – Будь она белой, они бы продолжали искать.

Сердце у Джеймса летит камнем с горы. За все годы их брака «белый» был цветом бумаги, снега, сахара. Китайскими – если это слово вообще всплывало – были шашки, грамота, еда навынос, которую Джеймс не любил. Это даже не обсуждалось – как не обсуждалось, что небо находится вверху, а Земля вращается вокруг Солнца. Джеймс наивно полагал, что его семье – в отличие от матери Мэрилин, в отличие от всех подряд – это без разницы. Но теперь Мэрилин говорит «будь она белой», и, значит, Джеймс не зря с первого дня боялся.

Что с первого дня она про себя клеила ярлыки. «Белый» и «небелый». Что это до смерти важно.

– Будь она белой, – говорит он, – ничего бы и не случилось.

Мэрилин не понимает, поскольку злится на полицию, и от растерянности только сильнее бесится.

– То есть?

В кухонном свете запястья ее тонки и бледны, губы сжаты, лицо холодно. Джеймс вспоминает, как давным-давно, в молодости, когда не было ничего страшнее мысли о разлуке, он однажды склонился к ней, погладил, и под его пальцами ее лопатка покрылась мурашками. А у него на руке наэлектризованные волоски встали дыбом. Тот миг, то единение были сейчас далеки и мелки, будто из другой жизни.

– Ты все поняла. Будь она белой... – Слова легли на язык горьким пеплом. *Будь она белой. Будь белым я.* – Она не была бы чужой.

Потому что переезд бы не спас, это Джеймс понимает. Везде одно и то же. «Детям-полукровкам зачастую трудно найти свое место в социуме». Ошибку допустили раньше – фундаментальную ошибку. В то утро, когда поженились, когда мировой судья посмотрел на Мэрилин и та сказала «да». Или еще раньше, в первый день вместе, когда Джеймс стоял у постели, голый и смущенный, а она ногами обхватила его за талию и притянула к себе. Еще раньше, в первый день, когда она наклонилась через стол и

поцеловала Джеймса, вышибив из него дух, точно резким ударом под ребра. Миллион крошечных шансов переменить будущее. Не надо было им жениться. Не надо было ему прикасаться к ней. Надо было ей развернуться, выйти из кабинета в коридор, прочь. Джеймсу кристально ясно: всего этого не должно было произойти. Ошибка.

– Твоя мать все-таки была права, – говорит он. – Ты не за того вышла. Надо было за того, кто больше на тебя похож.

Не успевает Мэрилин ответить – не успевает расплести внутри свою злость, печаль, боль, хотя бы понять, что это такое Джеймс сказал, – его уже нет.

На сей раз он даже не заезжает в колледж. Мчится напрямик к Луизе, проскакивает светофоры, под конец ловит ртом воздух, точно бегом бежал.

– Все нормально? – спрашивает Луиза, открыв дверь; еще пахнет душем, одета, но голова мокрая, в руке щетка для волос. – Я думала, ты позже будешь.

Всего без четверти девять, и Джеймс различает вопросы, что рябят в глубинах ее удивления: ты что, насовсем? А жена? Ответов он не знает. Он наконец исторг наружу эти свои слова и теперь охвачен странной легкостью. Комната шатается, кружится, и Джеймс падает на диван.

– Тебе надо поесть, – говорит Луиза. Уходит в кухню и возвращается с контейнером: – Держи.

Она осторожно отдирает крышку и подталкивает контейнер к Джеймсу. Там три белоснежных пирожка – верхушки рюшами, как головки пионов, что вот-вот распустятся, внутри проблеском густая рыжеватая краснота. Сладко пахнет жареной свининой.

– Вчера приготовила, – поясняет Луиза. Пауза. – Знаешь, что это?

Много лет назад в крошечной квартирке цвета золы такое стряпала мать. Жарила свинину, лепила тесто, раскладывала пирожки в бамбуковой пароварке, привезенной аж из Китая. Любимое блюдо отца. *Ча сю бао*.

Луиза улыбается до ушей, и до Джеймса доходит, что он сказал это вслух. За сорок лет ни слова не произнес по-китайски, но поразительно, как язык по-прежнему обвивает знакомые формы. Джеймс этих пирожков с детства не ел. Мать давала их ему на обед в школу, пока он не попросил перестать: лучше он будет есть, что остальные едят.

– Вперед, – говорит Луиза. – Попробуй.

Он осторожно вынимает пирожок. Тот легче, чем в воспоминаниях, – точно облачко, под пальцами мнется. Джеймс и забыл, что бывает такая нежность. Он ломает пирожок, обнажая блестящие куски свинины и глазури, тайное красное пирожковое сердце. На губах как поцелуй –

сладкий, соленый, теплый.

Джеймс не ждет, пока Луиза обовьет его руками, как маленького капризного ребенка, не ждет, пока она заманит его в спальню. Он толкает ее на пол и нащупывает ширинку, задирает Луизе юбку и туго насаживает ее на себя прямо на полу в гостиной. Луиза стонет, выгибает спину, и Джеймс тянет ее пуговицы, сдирает блузку, расстегивает бюстгальтер и горстями ловит тяжелые круглые груди. Она движется под ним, а он смотрит ей в лицо, на темные волосы, что лезут ему в рот, на темно-карие глаза, что закрываются, когда она начинает задыхаться, а он движется настойчивее. Вот в такую женщину, думает Джеймс, я должен был влюбиться. В женщину, которая выглядит вот так. Похожа на меня.

– Вот на какой девушке надо было жениться, – шепчет он после. Мужчины всегда говорят так своим любовницам, но у Джеймса будто открылись глаза. Луиза дремлет головой у него на локте и не слышит, но слова просачиваются ей в ухо, и она видит замысловатые сны, какие снятся любой женщине. *Он ее бросит... женится на мне... со мной будет счастлив... не будет никого, кроме меня.*

Нэт и Ханна спускаются в кухню, а Мэрилин неподвижно сидит за столом. Одиннадцатый час, но она еще в банном халате, закуталась так плотно, что не видно шеи, и оба понимают, что вести дурные, еще прежде, чем она выкашливает слово «самоубийство».

– Правда? – медленно переспрашивает Нэт, и, повернувшись к лестнице, не глядя на детей, Мэрилин отвечает лишь:

– Они так сказали.

Полчаса Нэт возит ложкой в хлопьях, осевших на дне плошки, а Ханна нервно за ним наблюдает. Нэт каждый день смотрел на дом Вулффов, поджидал, подкарауливал Джека, хотя и сам не вполне понимает зачем. Как-то раз даже забрался на крыльцо и заглянул в окно, но в доме вечно ни души. «Фольксваген» уже который день не фырчит на улице. В конце концов Нэт отпихивает плошку и тянется к телефону.

– Иди отсюда, – велит он Ханне. – Мне надо позвонить.

На лестнице Ханна останавливается, слушает медленные щелчки – Нэт крутит диск.

– Офицер Фиск, – после паузы говорит он, – это Нейтан Ли. Я насчет сестры. – Он понижает голос, и до Ханны долетают лишь обрывки и ошметки. *Нужно пересмотреть. Пытался с ним поговорить. Ведет себя уклончиво.* Под конец слышно лишь одно слово. *Джек. Джек.* Будто Нэт снова и снова сплевывает, а иначе это имя не произнести.

Положив трубку – швырнув так, что телефон звякает, – он запирается у

себя. Они считают, у него истерика, но он-то знает, что дело нечисто, Джек замешан, в головоломке не хватает какой-то детали. Если не верит полиция, родители тоже не поверят. Отец почти не появляется дома, а мать опять торчит у Лидии; за стенкой слышно, как она расхаживает там туда-сюда, словно кошка на охоте. В дверь стучится Ханна, и Нэт ставит пластинку – громко, заглушая стук по дереву и материны шаги. Впоследствии ни один из них не вспомнит, как прошел этот день, – лишь муть онемения, которую застило все, что случилось назавтра.

Вечером Ханна выглядывает наружу в щелочку чердачной двери. Под дверью Нэта – бритвенный световой разрез, под дверью Лидии – еще один. Полдня Нэт снова и снова крутил пластинку, а теперь наконец она докрутилась, и он не поставил заново, и тишина ползет на площадку густым туманом. На цыпочках сойдя вниз, Ханна видит, что в доме темно, отца все нет. На кухне подтекает кран: *кап, кап, кап*. Надо бы, конечно, завернуть, но тогда станет совсем тихо, а это сейчас невыносимо. Вернувшись на чердак, Ханна воображает, как в кухне капает кран. С каждым *кап* на матовой стали раковины появляется новая капля.

Ужасно хочется забраться в постель сестры и уснуть, но там мать, поэтому нельзя, и Ханна утешается, кружа по комнате, проверяя свои сокровища, выуживает их из тайников и разглядывает. На пружинах под матрасом – самая маленькая ложечка из материного чайного сервиза. За книжками в шкафу – отцовский старый бумажник, потертая кожа истончилась как пергамент. Карандаш Нэта – от его зубов из-под желтой краски проступила древесина. Это все неудачи. Успехи утрачены: кольцо от отцовских ключей с работы; лучшая материна губная помада – «матовый розовый лепесток»; кольцо настроения, которое Лидия носила на большом пальце. Эти предметы были желанны, их искали, изымали из Ханниних рук. «Это не игрушка», – сказал отец. «До макияжа ты пока не доросла», – сказала мать. Лидия выразилась прямее: «Не смей трогать мои вещи». Ханна закладывала руки за спину, наслаждаясь нотацией, серьезно кивала, запоминая их силуэты, стоявшие у ее постели. Когда они уходили, под нос бормотала все, что сказали, вновь рисовала их в пустоте, где они только что были.

Ей осталось лишь нежеланное, нелюбимое. Но и эти вещи она на место не возвращает. Чтобы утешить невостребованных сирот, она дважды тщательно их пересчитывает, стирает тусклое пятнышко с ложечки, открывает и закрывает карман для мелочи в бумажнике. Кое-что хранится у Ханны годами. Никто и не заметил, что вещи пропали. Они ускользнули неслышно, даже без никакого *кап*.

Ханна понимает: что бы ни говорила полиция, Нэт убежден, что это Джек привел Лидию на озеро, Джек причастен, Джек виноват. Нэту видится, как Джек затаскивал ее в лодку, Джек сталкивал ее в воду, Джек оставил отпечатки пальцев у нее на шее. Но насчет Джека Нэт крупно ошибается.

Ханна это знает, и вот почему. Прошлым летом они с Нэтом и Лидией ходили на озеро. Было жарко, и Нэт пошел поплавать. Лидия в купальнике загорала на полосатом полотенце в траве, ладонью прикрыв глаза. Ханна про себя перечисляла прозвища Лидии. Лид. Лидс. Лидди. Милая. Деточка. Ангел. Ханну всегда звали только Ханной. В небе ни облачка, и вода на солнце побелела, как лужа молока. Лидия тихонько вздохнула и расправила плечи. От нее пахло детским маслом, ее кожа блестела.

Ханна сощурилась, глазами поискала Нэта и прикинула варианты. Можно звать ее, к примеру, «Ханна-бананна». Или придумать прозвище не от имени, а что-нибудь странное, но если это скажут они, получится тепло и ласково. *Лось*, подумала она. *Фасолька*. А потом мимо прошел Джек – черные очки задраны на темя, хотя солнце ослепительное.

– Ты бы поосторожнее, – посоветовал он Лидии. – Будешь с белым пятном на лице, если так лежать.

Она засмеялась, убрала руку и села.

– А Нэта нету? – спросил Джек, присев рядом, и Лидия махнула рукой на воду. Джек вытащил из кармана сигареты, закурил, и внезапно рядом уже стоял Нэт и смотрел на них волком сверху вниз. Голую грудь испещряли капли, с волос текло на плечи.

– Ты что тут забыл? – спросил он Джека, а тот затушил сигарету в траве, опустил очки на глаза и лишь тогда поднял голову.

– На солнышке греюсь, – ответил он. – Может, окунись.

Говорил он ровно, но Ханне сбоку видны были его глаза за темными стеклами – как они метнулись к Нэту и прочь. Ни слова больше не сказав, Нэт плюхнулся между Джеком и Лидией, комкая в руке не пригодившееся полотенце. Травинки штришками зеленой краски липли к его мокрым плавкам и икрам.

– Сгоришь, – сказал он Лидии. – Футболку надень.

– Да нормально. – И Лидия снова заслонила глаза рукой.

– Розовая уже, – сказал Нэт. Он сидел к Джеку спиной, будто Джека вовсе не было. – Тут. И тут. – Он коснулся плеча Лидии, потом ее ключицы.

– Да нормально, – повторила она, отбиваясь свободной рукой, и опять легла. – Ты хуже мамы, честное слово. Не суетись. Оставь меня в покое.

Тут Ханна кое-что заметила и не расслышала, что ответил Нэт. Капля

робкой мышкой сбежала по его волосам и скатилась на загривок. Медленно проползла между лопатками, а там, где его спина изогнулась, сорвалась, как с обрыва, и плюхнулась на тыл Джековой ладони. Нэт сидел спиной и не видел, и Лидия, подглядывая между пальцами, тоже не видела. Только Ханна, которая сидела чуть в стороне, обхватив коленки, заметила, как упала капля. В Ханниных ушах падение отдалось грохотом, как пушечный выстрел. И Джек вздрогнул. Посмотрел на эту каплю, будто на редкое насекомое, что вот-вот улетит. А потом, ни на кого не глядя, поднес ладонь ко рту и коснулся капли языком, точно на руку ему капнуло медом.

Все случилось очень быстро – не будь Ханна Ханной, решила бы, что померещилось. Больше никто не заметил: Нэт сидел спиной, Лидия на солнце зажмурилась. А перед Ханной этот миг сверкнул молнией. За годы тоски она отточила чутье – так изголодавшаяся собака трепещущими ноздрями улавливает слабейший запах пищи. Ошибки быть не могло. Ханна мигом ее узнала – любовь, безответное глубокое обожание, которое отскакивало и не возвращалось; осторожную, тихую любовь, которой на все наплевать, – она жила себе и жила. Так знакомо, что даже неудивительно. Внутри у Ханны что-то туго натянулось, обернулось вокруг Джека шалью, только он не почувствовал. Взгляд его устремился через озеро, на другой берег, будто ничего и не произошло. Ханна потянулась босой ногой, потрогала ногу Джека, его большой палец своим, и лишь тогда он перевел глаза на Ханну.

– Эй, кроха, – сказал он, взъерошив ей волосы. По голове у нее побежали мурашки – может, и волосы дыбом встали, как от статического электричества.

Нэт посмотрел на Джека.

– Ханна, – произнес он, и она вскочила, сама не зная почему. Нэт ногой толкнул Лидию: – Пошли.

Лидия застонала, но подобрала полотенце и флакон детского масла.

– Не смей трогать мою сестру, – уходя, очень тихо сказал Джеку Нэт.

Лидия уже шагала прочь, стряхивая траву с полотенца, и не слышала – зато услышала Ханна. Нэт как будто говорил про нее, но Ханна понимала, что он про Лидию. Втроем они остановились на углу, пропуская машину, и Ханна глянула через плечо – очень быстро, Нэт не заметил. Джек смотрел им вслед. Любой бы решил, что он смотрит на Лидию, – та обернула бедра полотенцем, получилось вроде саронга. Ханна слегка улыбнулась Джеку, но тот не улыбнулся в ответ – может, не увидел, а может, одной ее крохотной улыбочки было мало.

А теперь она вспоминает, какое у Джека было лицо, когда он

разглядывал свои руки, точно с ними случилось что-то страшно важное. Нет. Нэт ошибается. Эти руки никогда бы никому не сделали больно. У Ханны нет сомнений.

На постели Лидии Мэрилин обнимает коленки, как маленькая, примеривается перескочить пропасти между тем, что Джеймс сказал, что он думает и что имел в виду. «Твоя мать все-таки была права. Ты не за того вышла. Надо за того, кто больше на тебя похож». В голосе его такая горечь, что у Мэрилин перехватывает горло. Слова знакомые, и она шевелит губами, повторяет беззвучно – где она их слышала? Потом вспоминает. В день свадьбы в суде: мать предостерегала ее про детей – мол, они везде будут чужими. «Ты еще пожалеешь», – сказала мать, будто дети родятся обреченными имбецилами с плавниками, а Джеймс, наверное, все слышал из вестибюля. Мэрилин сказала только: «Моя мамочка считает, я не за того выхожу. Надо за того, кто больше на меня похож» – и смахнула эту мысль прочь, как пыль на пол. А Джеймса эти слова так и преследовали. Сжимались вокруг сердца, год за годом стягивались туже, врезались в плоть. Он мучился, точно убийца, точно кровь его отравлена, точно он жалеет, что их дочь вообще родилась.

Когда он вернется домой, в немоте боли думает Мэрилин, я скажу ему: «Я бы вышла за тебя еще сто раз, если бы от этого случилась Лидия. Тысячу раз. Ты тут не виноват – перестань себя винить».

Да только Джеймс домой не возвращается. Ни к ужину, ни после сумерек, ни в час ночи, когда в городе закрываются все бары. Ночь напролет Мэрилин сидит без сна, опершись на подушки, ждет шороха его машины на дорожке, его шагов на лестнице. В три часа его все еще нет, и она решает поехать к нему на работу. Всю дорогу до кампуса воображает, как он примостился в кресле на колесиках, придавленный печалью, мягкой щекой на твердой столешнице. Отыщу его, думает Мэрилин, и объясню, что это не его вина. Привезу домой. Но она сворачивает на стоянку, а стоянка пуста. Три раза кругом объезжает корпус, проверяет все места, где он обычно паркуется, потом остальные преподавательские стоянки, потом все парковочные счетчики в окрестностях. Джеймса – ни следа.

Поутру, когда в кухню спускаются дети, Мэрилин сидит за столом – глаза мутные, шея затекла.

– Где папа? – спрашивает Ханна, и Мэрилин отвечает ей красноречивым молчанием.

На дворе Четвертое июля; все закрыто. Друзей в университете у Джеймса нет, с соседями он не водится, декана презирает. А вдруг в аварию

попал? Что делать – звонить в полицию? Нэт ушибленными костяшками водит по трещине в столешнице и вспоминает, как от отца пахло духами, как у отца вспыхнули щеки, как отец внезапно взорвался. «Я ему ничего не должен», – думает Нэт, и все равно это похоже на прыжок с обрыва, когда он с трудом сглатывает и в конце концов произносит:

– Мам? Я, наверное, знаю, где он.

Поначалу Мэрилин не верит. Это так на Джеймса не похоже. И, кроме того, он же никого не знает.

У него нет подруг. На истфаке ни одной женщины – на весь преподавательский состав колледжа их раз-два и обчелся. Где бы он с ней познакомился? Тут Мэрилин осеняет ужасная мысль.

Она листает телефонную книгу, ведет пальцем по букве «Ч» и наконец находит – единственная Чэнь в Миддлвуде, «Чэнь, Л., 4-я ул. 105, 3-А». И телефон. Мэрилин тянется было к трубке – но что сказать? «Алло, вы часом не знаете, где мой муж?» Не закрыв телефонную книгу, она хватает ключи.

– Никуда не уходите, – говорит она. – Оба. Через полчаса вернусь.

Четвертая улица – это рядом с колледжем, студенты кишмя кишат. Мэрилин сворачивает, щурится, читая номера домов, но плана у нее все еще нет. Может, Нэт перепутал; может, она выставится душой? Она как скрипка с перетянутыми колками, струны слишком туго – гудят от малейшей вибрации. А затем под чахлым кленом перед домом 97 она видит машину Джеймса. На ветровом стекле четыре кленовых листика.

На Мэрилин нисходит странное спокойствие. Она паркуется, заходит в дом 105, поднимается на третий этаж и недрогнувшим кулаком стучится в квартиру 3-А. Почти одиннадцать утра, и когда дверь открывается – нешироко, но Луизу в бледно-голубом халате видно, – Мэрилин улыбается.

– Доброе утро, – говорит она. – Луиза, да? Луиза Чэнь? Я Мэрилин Ли. – Луиза молчит, и Мэрилин поясняет: – Я жена Джеймса Ли.

– А, ну да, – говорит Луиза. Шныряет глазами. – Простите. Я еще не одета...

– Я уж вижу. – Мэрилин ладонью упирается в дверь, не дает ей закрыться. – Я не отниму у вас много времени. Я ищу своего мужа. Он вчера не приехал домой.

– Да? – Луиза тяжело сглатывает, и Мэрилин делает вид, будто не заметила. – Какой ужас. Вы, наверное, волнуетесь?

– Да. Очень.

Мэрилин не отводит взгляда от Луизиного лица. Они встречались всего дважды – один раз мельком, в колледже на Рождество, потом на похоронах, – и теперь Мэрилин пристально ее рассматривает. Длинные

чернильные волосы, длинные ресницы прикрывают потупленные глаза, маленький, будто кукольный рот. Застенчивая девочка. Сердце екает: абсолютно, бесконечно не похожа на меня.

– Вы не знаете, где он может быть?

Луиза вспыхивает ярко-розовым, и Мэрилин готова ее пожалеть – бедняжка прозрачна как стекло.

– Откуда мне знать?

– Вы же его помощница? Вы целыми днями с ним работаете. – Пауза. – Дома он часто о вас говорит.

– Правда?

В лице Луизы растерянность, и радость, и удивление, и Мэрилин читает ее мысли: «Эта Луиза – такая умница. Такая талантливая. Такая красавица». Ох, Луиза, думает Мэрилин. Какая же вы молодая.

– Ну, – в конце концов произносит Луиза, – а на работе вы проверяли?

– Чуть раньше. Его не было, – отвечает Мэрилин. – Может, он уже там. – Она кладет ладонь на дверную ручку. – Можно от вас позвонить?

Луиза больше не улыбается.

– Простите, – говорит она, – у меня вообще-то телефон не работает. – И смотрит на Мэрилин в отчаянии, будто молится, чтоб Мэрилин сдалась и ушла. Мэрилин ждет, наблюдает, как Луиза ерзает. Руки не дрожат. Внутри курится тихая ярость.

– Ну хорошо, спасибо вам, – говорит Мэрилин. – Вы мне очень помогли.

Взглядом она скользит мимо Луизы, к осколку гостиной, что виден в щель, и Луиза нервно косится через плечо, будто из спальни вот-вот, ничего не подозревая, выйдет Джеймс.

– Если увидите моего мужа, – прибавляет Мэрилин, повысив голос, – передайте, что я жду его дома.

Луиза опять сглатывает.

– Передам, – говорит она. Мэрилин наконец убирает руку, и Луиза затворяет дверь.

Девять

А за несколько месяцев до того разгорался другой незаконный роман. К великому неудовольствию Нэта, Лидия всю весну что ни день каталась с Джеком в «фольксвагене»: они кружили по городу или парковались у зеленого двора колледжа, или у детской площадки, или где-нибудь на пустующей стоянке.

Вопреки тому, что, к великому самодовольству Лидии, подозревал Нэт, вопреки шепоткам, что раздавались, когда кто-нибудь видел, как Лидия забирается к Джеку в машину («Она же не?.. Ладно гнать-то. Вот эта? Да быть не может»), вопреки ожиданиям самой Лидии, истина была отнюдь не скандальна. Студенты бежали на лекции, детсадовцы карабкались на горку, любители боулинга брели в переулок покатать шары после работы, а между тем происходило нечто непредвиденное: Лидия и Джек разговаривали. Сидели в машине, курили, забросив ноги на приборную доску, и Лидия рассказывала Джеку истории про родителей. Как во втором классе она скопировала на кальку схему сердца из энциклопедии, все желудочки и предсердия надписала фломастером, и мать повесила картинку у нее в спальне на стене, будто шедевр какой. Как мать, когда Лидии было десять, научила ее мерить пульс; как мать, когда Лидии было двенадцать, уговорила ее не ходить на день рождения к Кэт Малоун – единственный день рождения за много лет, куда ее пригласили, – чтобы Лидия успела закончить проект к школьной научной выставке. Как отец силком погнал ее на бал в девятом классе, купил платье, и Лидия весь вечер простояла в самом темном углу, считая минуты, – когда можно уйти домой? Полдевятого – это достаточно поздно? Или в девять? Поначалу она старалась не упоминать Нэта – знала ведь, как Джек его ненавидит. Но не расскажешь о себе, не рассказывая о Нэте, а Джек, удивительное дело, задавал вопросы. Почему Нэт хочет быть астронавтом? А дома он тоже тихий, как в школе? И она поведала, как после высадки на Луну Нэт целыми днями скакал по лужайке, играя в Нила Армстронга. Как в шестом классе он уломал библиотекаршу пустить его во взрослый отдел и таскал домой учебники по физике, механике полета, аэродинамике. Как на четырнадцатый день рождения он попросил телескоп, а получил радиобудильник; как откладывал из карманных денег и купил телескоп сам. Как порой за ужином Нэт ни слова не говорит о том, что случилось за день, потому что родители не спрашивают. Джек все это впитывал, подносил

Лидии огонь, когда она выкидывала окурок в окно и брала новую сигарету, бросал ей пачку, когда у нее кончалась своя. Неделями Лидия выставляла Нэта жалким недотепой, но затаптывала костерок вины, потому что благодаря разговорам про Нэта она каждый день сидела у Джека в машине, а с каждым днем, что она сидела у Джека в машине, Нэт все больше психовал.

В середине апреля Джек начал учить Лидию водить. В конце месяца ей исполнится шестнадцать.

– Смотри: педаль газа и рычаг – напарники, – говорил он. – Один вверх, другой вниз.

Под руководством Джека Лидия медленно выжала сцепление, ногой потыкала в педаль газа, и «фольксваген» пополз по пустой стоянке роллердрома на 17-м шоссе. Потом мотор заглох и ее вжало лопатками в спинку сиденья. Лидия училась уже неделю, но этот рывок по-прежнему заставлял ее врасплох: машина вся содрогалась и замирала, будто с ней приключился сердечный приступ.

– Еще раз, – сказал Джек. Закинул ногу на приборную доску и впихнул прикуриватель в гнездо. – Не спеши. Отпускаешь сцепление, давишь на газ.

Поодаль на краю стоянки появилась полицейская машина – заехала, аккуратно развернулась и нацелилась дальше по улице. «Ищут не нас», – сказала себе Лидия. Выезд из города по 17-му шоссе – всем известная ловушка для лихачей. Но черно-белая машина притягивала взгляд. Лидия повернула ключ, снова завела машину, и почти тотчас машина снова заглохла.

– Еще раз, – повторил Джек, выуживая из кармана пачку «Мальборо». – Ты слишком торопишься.

Он прав, хотя Лидия этого не признавала. Даже две недели до дня рождения, когда можно будет получить ученические права, казались вечностью. Дадут права, размышляла Лидия, – можно будет уехать куда угодно. Через город насквозь, через весь Огайо, до самой Калифорнии, если придет охота. Даже когда не будет Нэта – разум вильнул, уклоняясь от этой мысли, – она не останется взаперти с родителями, она в любой момент сможет дать деру. От одной мысли дрожали ноги, будто им не терпелось побежать.

«Медленно», – велела она себе, глубоко вдохнув. Напарники. Один вверх, другой вниз. Джеймс обещал, что едва Лидия получит ученические права, он научит ее водить семейный седан, но Лидия не хотела учиться в родительской машине. Седан смирный и степенный, как пожилая кобыла. Тихонько урчит, точно нянька, что настороженно приглядывает, не забыла

ли ты пристегнуться. «Получишь права, – говорил отец, – сможешь по пятницам кататься с подружками». «Только оценки подтяни», – прибавляла мать, если случалась рядом.

Лидия утопила педаль в пол, завела двигатель и нащупала рычаг передачи. Почти половина шестого, скоро пора домой, мать ждет. Лидия попыталась выжать передачу, и нога соскользнула с педали. Машина брыкнула и заглохла. Полицейский в патрульной машине покосился на нее и отвернулся к дороге.

Джек покачал головой.

– Можем завтра опять попробовать.

Спираль в прикуривателе воссияла, когда Джек вынул его из гнезда и ткнул в середину сигаретой, – кончик ее мигом почернел, затем порыжел, будто сигарета истекала цветной кровью. Джек протянул сигарету Лидии, а когда они поменялись местами, закурил сам.

– У тебя почти получилось, – сказал он, выруливая к выезду со стоянки.

Лидия понимала, что он врет, но кивнула.

– Да, – просипела она. – В следующий раз.

У поворота на шоссе она выдула в сторону патрульной машины длинную дымную ленту.

– Ну как, скажешь брату, что мы скорешились и я не злодей? – спросил Джек, когда они уже почти подъехали к дому.

Лидия ухмыльнулась. Она подозревала, что Джек по-прежнему катается с другими девчонками, – порой выпадали дни, когда не найти ни его, ни его «фольксвагена», – но с Лидией он вел себя почти поджентльменски, даже за руку не брал. Ну да, они просто друзья – и что с того? Чаще всего к нему в машину садилась она, и ясно, что от Нэта это обстоятельство не укрылось. За ужином, пока она врала матери про оценки и *дополнительный проект* или отцу – про то, как Шелли сделала новый перманент, а Пэм втюрилась в Дэвида Кэссиди, Нэт за ней наблюдал – то ли злобно, то ли испуганно, – будто хотел высказаться, но не знал, что сказать. Понятно, о чем он думает, – ну и пусть. Иногда вечерами она заходила к нему в спальню, плюхалась на подоконник и закуривала – пусть только попробует одернуть.

Теперь же она ответила Джеку:

– Он мне ни в жизнь не поверит.

Она вышла кварталом раньше, Джек свернул к себе во двор, а она побрела домой, будто шла пешком от самой школы. Завтра она включит первую передачу, и машина покатит по стоянке, и под колесами замелькает

белая разметка. Ногам будет удобно на педалях, ступня ляжет на них упруго. А вскоре Лидия заскользит по шоссе, переключится на третью, потом на четвертую, совершенно одна помчит все быстрее в далекую даль.

Не сложилось. У себя в спальне Лидия включила проигрыватель, где уже стояла пластинка, подаренная Ханной на Рождество, – Лидия крутила ее не переставая, сама себе удивляясь. Сейчас она нацелилась иголкой на бороздку в полутора дюймах от края, на свою любимую песню, но промахнулась, ткнула в середину, и в комнате внезапно взмыл голос Пола Саймона: «Э-эй, пусть сияет честность твоя...»^[35]

Сквозь музыку пробился слабый стук в дверь, и Лидия до предела выкрутила ручку громкости.

Вскоре Мэрилин, у которой уже заболела рука, открыла дверь и сунулась внутрь.

– Лидия. Лидия. – Дочь не обернулась, Мэрилин подняла тонарм, и пластинка беспомощно закрутилась в тишине. – Так-то лучше. Как тебе удастся тут думать?

– Мне не мешает.

– Уроки сделала? – Нет ответа. Мэрилин поджала губы. – Какая музыка, если уроки не сделаны?

Лидия поковыряла заусенец.

– После ужина сделаю.

– Может, начнешь? Тогда точно успеешь и сделаешь аккуратно? – Лицо Мэрилин смягчилось. – Милая, я понимаю, тебе, наверное, кажется, что школа – это не важно. Но это твой фундамент на весь остаток жизни. – Она присела на подлокотник кресла и погладила дочь по волосам. Позарез нужно, чтобы Лидия поняла, но неясно, как объяснить. В голос прокралась дрожь, но Лидия не заметила. – Поверь мне. Прошу тебя. Непусти свою жизнь.

Ох, блин, подумала Лидия, *опять двадцать пять*. Она яростно заморгала и уставилась на угол стола, где лежала, обрастая пылью, какая-то статья, вырезанная матерью из газеты.

– Посмотри на меня. – Мэрилин взяла дочь за подбородок. Думала она обо всем, чего ей не сказала ее собственная мать, – обо всем, что она всю жизнь мечтала услышать. – У тебя впереди долгие годы. Ты можешь делать все, что захочешь. – Она помолчала, через плечо Лидии разглядывая полки, ломящиеся от книг, стетоскоп наверху книжного шкафа, опрятную мозаику периодической таблицы. – Когда я умру, только об этом и помни.

Она подразумевала: «Я тебя люблю. Я тебя люблю». Но от ее слов у

Лидии из легких будто высосали весь воздух. «Когда я умру». Все то далекое лето Лидия боялась, что мама и впрямь умерла, и те недели, те месяцы оставили по себе упрямую, неотступную боль в груди, точно пульсирующий синяк. Все, чего хочет мама, пообещала Лидия. Все что угодно. Только бы мама не уходила.

– Я понимаю, мам, – сказала она. – Я понимаю. – И вытащила из рюкзака тетрадь: – Я начну.

– Ты моя умница.

Мэрилин поцеловала ее в темя, прямо в пробор, и Лидия наконец вдохнула – шампунь, средство для мытья посуды, перечную мяту. Всю жизнь знакомый запах – и всякий раз, вдыхая, она понимала, что скучала по нему. Она руками обхватила мать за талию, прижала к себе, так близко, что щекой почувствовала ее сердце.

– Ну хватит, – наконец сказала Мэрилин, игриво похлопав дочь по попе. – Приступай. Ужин через полчаса.

И весь ужин этот разговор драл Лидии нутро. Она ободряла себя одной-единственной мыслью: расскажу потом Нэту, и мне полегчает. Из-за стола она вышла первой, половины не доев.

– Мне физику надо доделать, – пояснила она, зная, что мать не возразит. А на столике в прихожей, где отец перед ужином свалил почту, засекала конверт: в углу гарвардская печать, под ней надпись: «Приемная комиссия». Лидия вскрыла конверт пальцем.

Уважаемый мистер Ли, прочла она. *Мы ждем вас в нашем университете с 29 апреля по 2 мая и назначили студента, который вас примет.* Лидия знала, что это грядет, но до сего дня грядущее казалось нереальным. Назавтра после ее дня рождения. Задуматься не успев, она порвала письмо и конверт пополам. И тут из кухни вышел Нэт.

– Я так и понял, что ты здесь, – сказал он. – Одолжишь мне?.. – И заметил красный герб на разорванном конверте, и обрывки письма в ее руке, и замер.

Лидия вспыхнула.

– Тут ничего важного. Я не... – Но она пересекла черту, и оба это понимали.

– Ну-ка дай. – Нэт выхватил письмо. – Это мое. Господи боже. Ты что делаешь?

– Я просто... – Как закончить эту фразу, Лидия не придумала.

Нэт сложил половины письма, будто надеялся, что оно срастется.

– Это про мою поездку. Ты что себе думаешь? Что я не поеду, если не прочту?

От такой прямолинейности замысел и впрямь обернулся глупым и жалким, и у Лидии выступили слезы, но Нэту было плевать. Лидия его как будто обкрадывала.

– Вбей себе в башку: я уезжаю. Я уезжаю на выходные. И я уеду в сентябре. – Он рванул к лестнице. – Господи боже. Скорей бы свалить из этого дома.

Наверху грохнула дверь, и хотя Лидия понимала, что Нэт ей не откроет, – и не знала, что сказать, если даже откроет, – она все равно стучалась и стучалась.

Назавтра мотор «фольксвагена» глохнул снова и снова, пока Джек не объявил, что на сегодня хватит.

– Я понимаю, что делать, – сказала Лидия. – Я просто сделать не могу.

Руку свело, и Лидия еле оторвала ее от рычага. *Напарники*, напомнила она себе. Газ и сцепление – напарники. Да только это неправда. Если один вверх, другой должен вниз. И так всё что ни возьми. Оценки по физике поднялись до «удовлетворительно с минусом» – оценка по истории упала до «неуда». Завтра сдавать сочинение по английскому – две тысячи слов про Фолкнера, – а Лидия даже книжку найти не может. Наверное, не бывает никаких напарников. После всей этой зубрежки в голове сейчас промелькнуло вот что: «Действию всегда есть равное и противоположное противодействие». Один вверх, другой вниз. Один получает, другой теряет. Один сбегает, другой навеки в капкане.

Эта мысль преследовала ее не один день. После истории с письмом Нэт остыл и снова стал с Лидией разговаривать, но у нее не хватало духу завести об этом речь, не хватало духу даже извиниться. Каждый вечер после ужина, как бы мать ни пилила, Лидия сидела у себя в одиночестве, а не шла на цыпочках по коридору искать утешения.

Вечером накануне ее дня рождения постучался Джеймс.

– Ты в последнее время что-то приуныла, – сказал он. И протянул ей синенькую бархатную шкатулочку размером с колоду карт. – Я решил не ждать – вдруг это тебя развеселит.

Он отнял у Джеймса немало времени, этот подарок, и Джеймс собой гордился. Он даже советовался с Луизой, что понравится девочке-подростку, и на сей раз не сомневался, что угадал.

В шкатулке лежало серебряное сердечко на цепочке.

– Какая красота, – удивленно выговорила Лидия. Ну наконец-то: настоящий подарок – не книжка, не намек; то, чего хочет она, а не то, чего хотят за нее. Вот о таком кулоне она мечтала на Рождество. Цепочка ручьем потекла меж пальцев – такая гибкая, почти живая.

Джеймс пальцем коснулся ямочки у дочери на щеке и покрутил – его старая шутка.

– Оно открывается.

Лидия откинула крышечку медальона и похолодела. Внутри было две фотографии, ее и отца. Она вся расфуфыренная – прошлый год, бал для девятого класса. Всю дорогу домой разливалась о том, как замечательно повеселилась. Отец на фотографии улыбался – широко, нежно, выжидательно. А Лидия в медальоне смотрела в сторону – серьезная, обиженная, надутая.

– Я понимаю, год был непростой и мама требует многого, – сказал Джеймс. – Ты только помни: школа – это еще не все. Дружба и любовь важнее. – Он уже видел крохотную морщинку, перечеркнувшую кожу между ее бровями, темные круги, расцветшие под глазами от каждодневной учебы за полночь. Хотелось разгладить эту морщинку пальцем, смахнуть тени, точно пыль. – Смотри на него и вспоминай, что в жизни взаправду важно. И каждый раз улыбайся. Обещаешь?

Он повозился с цепочкой – застежка на пружинке никак не поддавалась.

– Я хотел золотой, но из надежного источника узнал, что в этом году все носят серебро, – сказал он.

Лидия пальцем потрогала бархатную шкатулочную подкладку. Отца ужасно занимает, что делают все. *Я так рад, что ты идешь на танцы, – все ходят на танцы. У тебя такая красивая прическа, Лидди, – нынче все отпускают волосы, да?* И на каждую ее улыбку: *Улыбайся чаще – все любят улыбчивых девушек.* Можно подумать, в платье, с длинными волосами и улыбочкой она станет как все. Если б мама разрешала ей гулять, как другим девчонкам, может, и неважно было бы, как она выглядит, – у Джеки Харпер один глаз голубой, другой зеленый, а ее в том году выбрали «Самой компанейской». Или наоборот: если б она выглядела как все, может, и неважно было бы, что она с утра до ночи зубрит, не гуляет по выходным, пока не сделает уроки, и никогда не встречается с парнями. Что-то одно преодолимо. Но когда живешь тянитолкаем, не спасут ни платье, ни книжка, ни медальон.

– Ну вот, – сказал Джеймс, наконец одолев застежку. Снова застегнул цепочку у Лидии на шее, и металл обхватил горло холодом – сжал ледяным кольцом. – Что скажешь? Нравится?

Лидия понимала: эта штука – напоминание обо всем, чего отец хочет для нее. Как колечко на пальце, только на шее.

– Очень красиво, – прошептала Лидия, и ее сиплость Джеймс принял

за прочувствованную благодарность.

– Обещай, – сказал он, – что со всеми будешь ладить. Друзей много не бывает.

А Лидия закрыла глаза и кивнула.

Назавтра она, по совету папы, в честь дня рождения надела медальон.

– После школы, – сказал Джеймс, – отвезу тебя получить права, а перед ужином поучимся.

Мама сказала:

– После ужина у нас торт. И у меня особенные подарки для новорожденной.

Значит, книги, подумала Лидия. Вечером Нэт пакует чемодан. Весь день она утешала себя: «Через шесть часов у меня будут права. Через две недели я смогу уехать».

В три часа дня отец подъехал к школе, но, подхватив рюкзак и направившись к седану, Лидия с удивлением узрела на пассажирском сиденье кого-то еще. Китайку, совсем молоденькую, длинноволосую брюнетку.

– Наконец-то познакомились. Очень приятно, – сказала брюнетка, когда Лидия забралась на заднее сиденье. – Я Луиза, помощница твоего папы.

Джеймс притормозил, пропуская группку парней из одиннадцатого класса.

– Луизе к врачу, а мне все равно в эту сторону, и я предложил подвезти.

– Зря я согласилась, – сказала Луиза. – Могла бы вообще отменить. *Ненавижу дантистов.*

Проходя перед машиной, один парень ухмыльнулся в ветровое стекло и пальцами растянул глаза в щелки. Остальные заржали, и Лидия съежилась. Парни, наверное, решили, что Луиза – ее мать. Передернувшись, она глянула, смутился ли отец, но ни Джеймс, ни Луиза ничего не заметили.

– Спорим на десять баксов, что у тебя даже ни одного дупла, – сказал Джеймс.

– На пять, – ответила Луиза. – Я бедная аспирантка, а не богатый профессор.

Она игриво похлопала его по плечу, и в лице у нее читалась такая нежность, что Лидия вздрогнула. Ее мать так смотрела на отца, когда тот зачитывался допоздна, – прислонялась к его креслу и ласково гнала в постель. Рука Луизы задержалась на отцовском плече, и Лидия

вытаращилась. Отец и эта девушка, точно женатая парочка, уютно болтали на переднем сиденье – картина в рамке, на фоне ветрового стекла. *Она спит с моим отцом*, внезапно сообразила Лидия.

Ей раньше не приходило в голову, что у отца могут быть желания. Как и все подростки, она – вопреки собственному существованию – воображала родителей неизбежно целомудренными. Но отец с Луизой так касались друг друга, трепались так легкомысленно, что невинность Лидии была потрясена. Слабая искра, что проскакивала между ними, ослепляла ее – даже щеки вспыхнули. Они любовники. Ей-богу. Луизина рука лежала на отцовском плече, а отец не шевельнулся, будто эта ласка ему привычна. Вообще-то Джеймс и не заметил. Мэрилин часто клала руку ему на плечо, ощущение слишком знакомое, и ничего особенного Джеймс в нем не распознал. Не повернул головы, глядел на дорогу, и других доказательств Лидии уже не требовалось.

– Говорят, у тебя сегодня день рождения, – сказала Луиза, опять к ней разворачиваясь. – Шестнадцать. Наверняка будет замечательный год. – Лидия не откликнулась, и Луиза предприняла новую попытку: – Понравился медальон? Я помогала выбрать. Твой папа спрашивал, что тебе может понравиться.

Лидия продела два пальца под цепочку, борясь с соблазном содрать ее с шеи.

– А вам откуда знать, что мне нравится? Вы со мной даже не знакомы.

Луиза заморгала.

– У меня были кое-какие соображения. Я столько о тебе слышала от твоего папы.

Лидия взглянула на нее в упор.

– Надо же, – сказала она. – А папа о вас никогда не говорил.

– Ну перестань, Лидди, – вмешался Джеймс. – Я рассказывал про Луизу, ты же помнишь. Что она очень умная. Что студентам спуску не дает. – Он улыбнулся Луизе, и у Лидии пеленой заволочло глаза.

– Пап, а ты куда ездил, когда получил права? – внезапно спросила она.

Джеймс удивленно покосился на нее в зеркальце заднего вида.

– В школу, на тренировки и на соревнования в бассейн, – сказал он. – По делам иногда.

– А на свидания не ездил?

– Нет, – ответил Джеймс. Голос у него дал петуха, как у юнца. – На свидания не ездил.

Лидия чувствовала себя маленькой, и острой, и твердой, как канцелярская кнопка.

– Потому что у тебя не было свиданий. Да? – Пауза. – Почему? С тобой никто не хотел встречаться?

На сей раз Джеймс не отвел глаз от дороги; руки на руле закаменели, локти сдвинулись.

– Да ладно тебе, – сказала Луиза. – Вот уж не поверю.

Ее рука снова легла Джеймсу на локоть и лежала, пока они не доехали до дантиста, пока Джеймс не затормозил и не сказал, к ярости Лидии:

– До завтра.

Лидия глазами сверлила ему затылок, но Джеймс не догадался, что дела нехороши. В транспортном отделе поцеловал дочь в щеку и сел.

– У тебя все получится, – сказал он. – Я тебя тут подожду.

Воображая, как она обрадуется правам, про эпизод в машине он уже позабыл. А Лидия, взбаламученная якобы раскрытой тайной, ушла, ни слова не сказав.

В аудитории какая-то женщина дала ей экзаменационный бланк, карандаш и велела сесть за любую пустую парту. Лидия направилась в дальний угол, перешагивая рюкзаки, сумочки и ноги парней в предпоследнем ряду. Все, что говорил ей отец, теперь отдавалось новым эхом: «Друзей много не бывает». Она представила, как мама сидит дома, стирает белье, заполняет кроссворд, а отец тем временем... От ярости Лидия кипела – от ярости на отца, от ярости на мать, которая это допустила. От ярости на всех подряд.

Тут она заметила, что в аудитории стоит мертвая тишина. Все склонились над бланками. Лидия глянула на часы, но те не сообщили ничего путного. Когда начался экзамен? Когда закончится? Часы знали только время: три сорок одна. Секундная стрелка протикала с одиннадцати на двенадцать, длинная железная игла минутной перепрыгнула на одно деление. Три сорок две. Лидия раскрыла бланк. «Какого цвета знак “стоп”?» Она кружком обвела «Б: красного». «Что делать, если видишь или слышишь, что приближается транспортное средство службы спасателей?» Лидия заторопилась, карандаш сорвался, зазубренным когтем вылез за границу поля. Впереди встала девочка с косичками, и женщина у доски поманила ее в соседнюю аудиторию. Затем то же случилось с девочкиным соседом. Лидия снова посмотрела на бланк. Двадцать вопросов. Осталось восемнадцать.

«Если автомобиль заносит, вы должны...» Все варианты походили на правду. Ладно, это потом. «Когда на улицах и шоссе особенно скользко?» «Какую дистанцию между вашим автомобилем и впередиидущим вы должны соблюдать при благоприятных дорожных условиях?» Усатый

мужик справа закрыл бланк и отложил карандаш. «В», наугад ответила Лидия. «А». «Г». На следующей странице обнаружился список фраз, которые она не могла закончить. «Двигаясь позади большого грузового автомобиля по шоссе, вы должны... Для безопасного преодоления поворота вы должны... Выезжая задним ходом, вы должны...» Она перечитывала вопросы и застревала на последних словах, точно игла на заезженной пластинке: *вы должны, вы должны, вы должны*. Кто-то мягко коснулся ее плеча, и женщина, раздававшая бланки, сказала:

– Прости, деточка, время вышло.

Лидия так и сидела, сторбившись над столом, будто слова эти не станут правдивы, пока она не взглянет женщине в лицо. На листе сгустилось темное пятно, и Лидия не сразу сообразила, что это слеза, что это она плачет. Она смахнула слезу с бумаги, отерла щеку. Все уже ушли.

– Ничего страшного, – сказала женщина. – Нужно только четырнадцать правильных ответов.

Но Лидия-то знала, что нарисовала всего пять кружков.

В соседней аудитории, где какой-то дядька скармливал бланки считывающей машине, Лидия уколола палец карандашом.

– Восемнадцать правильно, – сказал дядька девушке перед Лидией. – Отнесите это на стойку – вас сфотографируют и выдадут права. Поздравляю.

Довольная девушка слегка подпрыгнула в дверях; Лидии хотелось ей врезать. Наступила пауза – дядька читал бланк Лидии, а Лидия рассматривала засохшую грязь у него на сапоге.

– Ну, – сказал дядька, – не переживайте. Многие в первый раз заваливают.

Он положил лист ответами вверх, и Лидия снова увидела пять темных кругов, похожих на родинки, посреди голого листа. Результатов она ждать не стала. Машина всосала бланк, а Лидия мимо дядьки пошла в вестибюль.

У стойки выстроилась длинная очередь за фотографиями. Усатый пересчитывал купюры в бумажнике, прыгучая девушка ковыряла лак на ногте, девочка с косичками и ее сосед уже ушли. На скамейке ждал Джеймс.

– Ну, – сказал он, глянув на пустые руки Лидии, – и где?

– Я не сдала, – ответила она.

Две женщины, сидевшие рядом с Джеймсом, посмотрели на нее и поспешно отвели глаза. Отец моргнул – раз, другой, будто не расслышал как следует.

– Ничего страшного, милая, – сказал он. – В выходные можно еще раз

попробовать.

В мареве разочарования и унижения Лидия даже не вспомнила и не обрадовалась, что экзамен можно пересдать. Утром Нэт уедет в Бостон. Думала она лишь об одном: «Я застряну тут навеки. Я никогда не выберусь».

Джеймс ее приобнял, но его рука весила как свинцовая плита, и Лидия передернула плечами.

– Может, домой поедет? – спросила она.

– Как только Лидия войдет, – сказала Мэрилин, – мы все кричим: «Сюрприз!» А потом ужин, а после ужина подарки.

Нэт наверху собирал вещи, и Мэрилин вслух составляла планы наедине со своей младшенькой, хотя разговаривала отчасти сама с собой. Ханна, счастливая, что мать обращает на нее внимание, пусть и за неимением других собеседников, глубокомысленно кивнула. Поупражнялась вполголоса – «Сюрприз! Сюрприз!» – и посмотрела, как мать голубым пишет имя Лидии на плоском торте. Тарту полагалось походить на автомобильные права – прямоугольник в белой глазури, с фотографией Лидии в углу, где на правах фотография. А внутри шоколадный торт. Поскольку этот день рожденья особенный, Мэрилин испекла торт сама. Тесто из коробочной сухой смеси, что уж врать-то, но замесила она сама: одной рукой водила миксером, другой придерживала побитую алюминиевую миску, чтоб не елозила под венчиками. Мэрилин разрешила Ханне выбрать тубик с глазурью, а теперь выдавила остатки из одного – успев написать ЛИД – и полезла в пакет за следующим.

Какой особенный торт, подумала Ханна, – он и на вкус, наверное, очень особенный. Лучше, чем просто ванильный или шоколадный. На коробке женщина с улыбкой наклонялась над куском торта. И написано: «Смешивайте с любовью». Любовь, решила Ханна, сладкая, как мамины духи, и мягкая, как суфле. Она украдкой продавила пальцем ямочку в очень гладкой поверхности торта.

– Ханна! – рявкнула Мэрилин и отпихнула ее руку.

Пока мама лопаткой разглаживала вмятину, Ханна языком потрогала глазурь на пальце. Такая сладкая, что заслезилась глаза, и, когда Мэрилин отвернулась, Ханна обтерла палец об изнанку скатерти. Между маминими бровями пролегла морщинка – ясно, что мама расстроилась. Ханну подмывало опуститься на колени, прижаться головой к ее бедру, обтянутому фартуком, – так мама поймет, что Ханна не хотела портить торт. Она шагнула к матери, но та отложила тубик, не дописав букву,

подняла голову и прислушалась.

– Что-то они слишком рано.

Ногами Ханна почувствовала, как вздрогнул пол, – со скрипом открылись двери гаража.

– Пойду Нэта позову.

Но когда Ханна и Нэт спустились в кухню, Лидия с отцом уже вошли в коридор, и момент для «Сюрприза!» был упущен. Мэрилин ладонями обняла лицо Лидии и крепко поцеловала, оставив на щеке красный рубец помадного пятна.

– Быстро вы обернулись, – сказала она. – С днем рождения. И поздравляю. – Она протянула руку: – Ну? Показывай.

– Я провалилась, – сказала Лидия. Прожгла взглядом Нэта, затем мать – мол, только попробуйте расстроиться.

Мэрилин вытаращилась.

– Что значит – провалилась? – удивилась она – искренне, будто и слова такого никогда не слышала.

Лидия повторила громче:

– Я провалилась.

Как будто, подумала Ханна, злится на маму, злится на всех. Вряд ли дело только в экзамене. Лицо у Лидии было каменное, неподвижное, но Ханна различала крохотную дрожь – в ссутуленных плечах, в стиснутых челюстях. Как будто Лидия вот-вот разлетится на куски. Ханне хотелось обхватить сестру руками, чтоб не разлетелась, но она знала, что Лидия ее отпихнет, и все. Никто ничего не заметил. Нэт, Мэрилин и Джеймс переглядывались, не зная, что сказать.

– Ну, – после паузы произнесла Мэрилин, – поучишь правила и попробуешь еще раз, когда будешь готова. Не конец света. – Она заправила Лидии за ухо выбившуюся прядь. – Ничего. Ты же не школьный экзамен завалила.

В любой другой день Лидия вскипела бы и взорвалась. Но сегодня – после медальона, после парней перед машиной, после экзамена, после Луизы – в ней не осталось места злости. Внутри что-то опрокинулось и треснуло.

– Конечно, мам, – сказала она.

Посмотрела на мать, оглядела всю семью, улыбнулась, и Ханна чуть не спряталась за Нэта. Слишком широкая улыбка, слишком жизнерадостная, бодрая, белозубая и липовая. Это было страшно. Лидия как будто стала другой, чужой. И снова никто ничего не заметил. Нэт распрямил плечи; Джеймс выдохнул; Мэрилин отерла повлажневшие руки о фартук.

– Ужин пока не готов, – сказала она. – Может, примешь душ, передохнешь? Поедим пораньше, как только я закончу.

– Прекрасно, – ответила Лидия, и тут Ханна взаправду отвернулась и не смотрела, пока не услышала, как сестра поднимается по лестнице.

– Что случилось? – шепнула Мэрилин Джеймсу, а тот покачал головой.

Ханна знала. Лидия не занималась. Две недели назад Ханна, пока Лидия была в школе, обследовала ее комнату в поисках сокровищ. Прикарманила книжку, которая валялась на полу в чулане, а под книжкой обнаружила брошюру с правилами дорожного движения. Лидия начнет заниматься, решила Ханна, и тогда заметит, что книжка пропала. Придет искать. Ханна то и дело проверяла, но брошюра лежала все там же. Вчера поверх нее валялись бежевые туфли на платформе и самые красивые клеша Лидии. А книжка так и пряталась на чердаке у Ханны под подушкой.

У себя в спальне Лидия дернула за цепочку, но та не порвалась. Лидия расстегнула замочек и поспешно сунула медальон в шкатулку, точно дикую зверушку, что вот-вот укусит, а шкатулку запихала далеко под кровать. Если отец спросит, Лидия скажет, что приберегает медальон для особых случаев. Не хочу потерять, не волнуйся, пап, в следующий раз надену. У ее отражения в зеркале шею обнимала тонкая красная полоска.

Спустя час, когда Лидия спустилась к ужину, след поблек, а вот ощущение – нет. Лидия разоделась как на вечеринку, высушила и выпрямила блестящие волосы на большой гладильной доске, намазала губы блеском цвета варенья. Взглянув на дочь, Джеймс вдруг вспомнил, как впервые повстречался с Мэрилин.

– Хорошо выглядишь, – сказал он, и Лидия заставила себя улыбнуться.

С той же фальшивой улыбкой, прямая как струна, она сидела за столом, точно кукла в витрине, но фальшь замечала только Ханна. От одного взгляда на Лидию у нее болела спина, все болело, и она горбилась, почти сползая под стол. Едва ужин завершился, Лидия похлопала по губам салфеткой и встала.

– Погоди, – сказала Мэрилин. – Еще торт.

Она ушла в кухню и вернулась с тортом на подносе. На торте горели свечи. Фотография исчезла, весь торт побелел, осталось только имя Лидии. А под гладкой белизной, подумала Ханна, прячутся понарошечные права, «Поздравляем» и синее «ЛИД». Их не видно, но они там, прямо под белым, размазанные, и неразборчивые, и жуткие. И на вкус тоже почувствуются. Отец все щелкал фотоаппаратом, но Ханна не улыбалась. В отличие от Лидии притворяться она пока не научилась. Она лишь полуприкрывала глаза, как на страшных сценах по телику, чтобы лишь полувидеть, что

произойдет дальше.

А произошло вот что: Лидия дождалась, когда они допоят. Едва они добрались до последней строчки, Джеймс поднес к глазу фотоаппарат и Лидия склонилась над тортом, выпятив губы, словно в предвкушении поцелуя. Ее идеально покрашенное лицо улыбнулось, обвело глазами стол. Мать. Отца. Нэта. Ханна не знала всего, что Лидия вроде бы понимала, – медальон, Луиза, *только об этом и помни*, – но видела, что в сестре что-то сместилось, что она рискованно балансирует на краю высоченного обрыва. И Ханна застыла, точно любой неверный жест столкнет Лидию в пропасть, а Лидия одним резким выдохом задула свечи.

Десять

Насчет Луизы Лидия, конечно, ошибалась. В тот день, в день рождения дочери, Джеймс высмеял бы ее гипотезу: абсурдно вообразить, что в его постели, в его жизни кто-то другой, не Мэрилин. Но тогда абсурдно было вообразить и жизнь без Лидии. А теперь оба абсурда сбылись.

Луиза закрывает дверь в квартиру, возвращается в спальню, а Джеймс уже застегивает рубашку.

– Уходишь? – спрашивает Луиза. В глубине души она еще цепляется за надежду, что визит Мэрилин – простое совпадение, но сама себе врет и сама же это понимает.

Джеймс заправляет рубашку в брюки и застегивает ремень.

– Надо, – отвечает он, и оба понимают, что и это правда. – Можно и сразу. – Неизвестно, чего ждать дома. Рыданий? Скандала? Кастрюли, летящей в лоб? И он еще не знает, что скажет жене. – До скорого, – говорит он Луизе, и она целует его в щеку, и только это он знает наверняка.

В начале первого он входит в дом, а там ни рыданий, ни скандала – тишина. Нэт и Ханна сидят рядом на диване и настороженно следят, как Джеймс идет через гостиную. Как в последний путь на эшафот и ровно с таким же ощущением Джеймс взбирается по лестнице и заходит в спальню Лидии, где за столом сидит сверхъестественно спокойная Мэрилин. Она долго-долго не говорит ничего, и, пока она молчит, Джеймс велит себе не переминаться с ноги на ногу, не суетиться руками.

– Давно?

За дверью Нэт и Ханна в безмолвном согласии пристроились на верхней ступеньке, затаили дыхание, слушают голоса, что доносятся к ним по коридору.

– С... похорон.

– С похорон. – Мэрилин, по-прежнему сверля взглядом ковер, сжимает губы в узенькую ниточку. – Она очень молодая. Сколько ей? Двадцать два? Двадцать три?

– Мэрилин. Прекрати.

Мэрилин не прекращает:

– Она славная. Покорная. Приятное, я так понимаю, разнообразие. Даже не знаю, чего тут удивляться. Тебе давно было пора сменить состав. Из нее получится чудесная женушка.

Джеймс, к своему удивлению, краснеет.

– Не идет речи о...

– Пока что. Но ясно же, чего она хочет. Брака. Мужа. Я таких знаю. – Пауза: Мэрилин вспоминает себя в молодости, материн гордый шепот: «Познакомишься с прекрасными гарвардскими мужчинами». – Моя мать всю жизнь билась, чтоб я стала такой.

При упоминании о ее матери Джеймс застывает глыбой льда.

– Ах да. Твоя бедная мать. А ты взяла и вышла за меня. – Он выдавливает усмешку. – Какая неприятность.

– Ну да, мне неприятно. – Мэрилин вскидывает голову: – Я думала, ты другой.

Она имеет в виду: «Я думала, ты лучше других. Я думала, ты хочешь лучшего». Однако Джеймс все размышляет о ее матери и слышит не то.

– Но другое тебе надоело, да? – говорит он. – Я слишком другой. Твоя мать сразу поняла. Ты считаешь, выделяться – это так прекрасно. Но ты посмотри на себя. Ты только на себя посмотри. – И он смотрит сам – на ее медовые волосы, на ее кожу, пуще прежнего побледневшую после месяца взаперти. На эти небесные глаза, которые он столько лет обожал, – сначала глаза жены, затем глаза ребенка. И из Джеймса изливается все то, что ни разу не срывалось с губ даже намеком: – Ты никогда не бывала в толпе, где таких, как ты, больше нет. Тебя не высмеивали в лицо. От тебя не шарахались, потому что ты чужая. – Ощущение такое, будто его только что ужасно вырвало; Джеймс оттирает губы. – Ты представления не имеешь, каково это – быть другим.

На миг перед Мэрилин юный, одинокий, ранимый Джеймс, застенчивый мальчик, каким он был давным-давно, когда они познакомились, и половина ее хочет его обнять. Другая половина хочет отдубасить его кулаками. Пока две половины бьются между собой, Мэрилин кусает губу.

– На втором курсе в лаборатории парни подкрадывались сзади и пытались задрать мне юбку, – наконец произносит она. – Один раз пришли заранее и помочились во все мои мензурки. Я пожаловалась, а преподаватель меня приобнял и сказал... – От этого воспоминания горло перехватывает, и речь ее гортанна. – «Не переживай, деточка. Жизнь слишком коротка, а ты слишком красива». И знаешь что? Мне было до лампочки. Я знала, чего хочу. Я хотела стать врачом. – Она прожигает Джеймса взглядом, будто он ей возразил. – А потом, к счастью, я образумилась. Больше не пыталась быть другой. Поступила, как поступали все девушки. Вышла замуж. От всего отказалась. – На языке у нее густая горечь. – Стала жить, как все живут. Ты только об этом Лидии и твердил.

Заводи друзей. Стань своей в доску. А я не хотела, чтоб она была как все. – Веки ее краснеют. – Я хотела, чтоб она была необыкновенной.

Ханна на лестнице затаивает дыхание. Страшно шевельнуть даже пальцем. Может, если совсем замереть, родители умолкнут. Мир больше не двинется, Ханна ему не позволит, и тогда все будет хорошо.

– Ну, женись теперь на этой, – продолжает Мэрилин. – Вроде серьезная девица. Сам понимаешь. – Мэрилин предъявляет ему левую руку, где тускло блестит обручальное кольцо. – Такая девочка захочет полный набор. Спичечный домик, белый заборчик. Два, запятая, и три десятых ребенка. – Она выпускает резкий, ужасный смешок, будто гавкает, и Ханна на лестнице лицом прячется в плечо брата. – Надо думать, она ради этого с восторгом откажется от студенческой жизни. Я только надеюсь, что она не пожалеет.

От этого слова – *пожалеет* – в Джеймсе что-то вспыхивает. Ноздри щекочет жаркая горечь, будто запах паленых проводов.

– Как пожалела ты?

Внезапная ошеломленная тишина. Ханна вжимается в Нэтово плечо, но отчетливо видит мать: лицо застывшее, веки багровые. Если заплачет, думает Ханна, потекут не слезы. Закапает кровь.

– Пошел вон, – наконец произносит Мэрилин. – Пошел вон из этого дома.

Джеймс щупает карман, проверяет, на месте ли ключи, потом замечает, что держит их в руке – так и не отложил. Будто с первой минуты чувствовал, что здесь не останется.

– Давай, – говорит он, – сделаем вид, что ты со мной никогда не встречалась. Что она никогда не рождалась. Что ничего этого не было.

И уходит.

На побег с лестницы времени нет: когда отец выходит в коридор, Ханна и Нэт даже не поднимаются. Увидев их, Джеймс замирает. Ясно, что они все слышали. Последние два месяца он постоянно подмечал в них осколки их пропавшей сестры – в наклоне головы Нэта, в длинной занавеси волос, за которой прячется Ханна, – и всякий раз поспешно удирал, сам толком не зная почему. Под их взглядами он протискивается мимо, не смея посмотреть своим детям в глаза. Ханна распластывается по стене, пропуская отца, однако Нэт молча смотрит в упор, и прочитать его взгляд Джеймсу не удастся. Машина взвывает, катит со двора, а затем по улице, и шум этот – звуковое сопровождение финала, и это слышат все. На дом пеплом опускается тишина.

Потом Нэт вскакивает. *Стой*, хочет сказать Ханна, но понимает, что Нэт не остановится. Он ее отпихивает. На крючке в кухне висят материны ключи – Нэт хватает их и уходит в гараж.

– погоди, – окликает Ханна, на сей раз вслух. Она не знает, что он задумал – пуститься в погоню за отцом? Тоже сбежать? – но понимает, что замысел его чудовищен. – Нэт. Подожди. Не надо.

Он не ждет. Задев куст сирени у двери, задом сдает из гаража и тоже исчезает.

Мэрилин наверху ничего не слышит. Закрывает дверь, и ее душным одеялом окутывает густое тяжкое безмолвие. Одним пальцем она гладит книги Лидии, рядок аккуратных папок, каждая надписана маркером: класс и дата. Все покрыто шероховатой пылью – строй пустых дневников, старые ленточки с научных ярмарок, открытка с Эйнштейном, обложки папок, книжные корешки. Мэрилин воображает, как по чуть-чуть опустошает эту комнату. Дырочки и яркие заплатки испятнают поблекшие обои, едва исчезнут плакаты и картинки; вмятины от мебели на ковре никогда не расправятся. Как в материнном доме, когда всё вынесли.

Мэрилин воображает, как мать годами возвращалась в пустой дом, где в спальне все по-прежнему, простыни свежи – для дочери, что никогда не вернется, для давно исчезнувшего мужа, что спит в постели другой женщины. Так крепко любишь, так сильно надеешься, а в итоге остаешься ни с чем. Детям больше не нужна. Мужу больше не желанна. Ты одна, вокруг пустота.

Мэрилин сдирает со стены Эйнштейна и рвет напололам. Затем периодическую таблицу – толку-то теперь от нее? Сдергивает стетоскоп за наушники, распускает призовые ленточки на атласные ошметки. Одну за другой сваливает книжки с полок. «Цветной атлас человеческой анатомии». «Женщины-первопроходцы в науке». Дышит все тяжелее. «Как устроено ваше тело». «Химические опыты для детей». «История медицины». Мэрилин помнит все книжки до единой. Словно перематывает время к началу, с конца пролистывает жизнь Лидии. Ей под ноги обрушивается лавина. Ханна, съжившись под кухонным столом, слышит глухой рокот – точно камни стучат в потолок.

И наконец, в дальнем углу книжного шкафа, – самая первая книга, которую Мэрилин купила Лидии. Тоненькая брошюрка одиноко шатается на полке и падает. «Тебя окружает воздух, – сообщают распростертые страницы. – Его не видно, но он есть». Хочется сжечь эту грудку книг на ковре, сорвать обои со стены. Уничтожить все, что напоминает о Лидии, о том, кем Лидия могла стать. И оголенный этот шкаф растоптать в щепу. Он

кренится, будто устал, и Мэрилин опрокидывает его на пол одним толчком.

А в выемке за нижней полкой – еще одна книга. Толстая. Красная. Корешок заклеен скотчем. Мэрилин узнает ее, еще не увидев фотографии. И все равно переворачивает, и внезапно трясутся руки, и на нее неправдоподобно, невероятно взирает Бетти Крокер, и Мэрилин потрясена.

Твоя поваренная книга, сказала Лидия. Я ее потеряла. Мэрилин была счастлива, сочла это знамением: дочь прочла ее мысли. Дочь не будет всю жизнь торчать на кухне как пришитая. Дочь хочет большего. А дочь солгала. Мэрилин перелистывает страницы, которые не видела годами, пальцем водит по материным карандашным пометкам, разглаживает оспины слез, что роняла ночами много лет назад. Выходит, Лидия знала, что книга эта неподъемным жерновом висит у матери на шее. Лидия не уничтожила книгу. Лидия прятала ее все эти годы, заваливала другими книгами, придавливала, чтобы матери больше никогда не пришлось на нее смотреть.

Пятилетняя Лидия стоит на цыпочках и наблюдает, как в раковине пенятся уксус с содой. Лидия тащит тяжелый том с полки, говорит: «Покажи опять, покажи еще». Лидия нежно-нежно подносит стетоскоп к маминому сердцу. Слезы застилают глаза Мэрилин. Лидия любила вовсе не науку.

Сквозь телескопные линзы слез Мэрилин видит четче – рваные плакаты и открытки, гору книг, павший книжный шкаф. Все, чего она хотела для Лидии, все, чего Лидия никогда не хотела, но приняла. Мэрилин охватывает тоскливый холод. Быть может, – и от этой мысли нечем дышать – все это в конце концов и утянуло Лидию на дно.

Скрипит дверь, и Мэрилин медленно поднимает голову, точно вопреки всем вероятностям в спальню может войти Лидия. И какой-то миг творится невероятное: крохотный размытый призрак маленькой Лидии, темноволосый и большеглазый, мнетя в дверях, цепляется за ручку. Пожалуйста, думает Мэрилин. И в этом слове все, чего она не может сказать даже себе самой. Пожалуйста, вернись, пожалуйста, дай мне начать заново, пожалуйста, не уходи. Пожалуйста.

Затем она смаргивает, и фигура в дверях проясняется: дрожащая бледная Ханна, лицо блестит от слез.

– Мам, – шепчет она.

Мэрилин бездумно раскидывает руки, и Ханна падает в ее объятия.

На другом конце города в винном магазине Нэт ставит на прилавок бутылку виски. Спиртное он пробовал ровно один раз – в Гарварде Энди

угощал его пивом. Нэт выпил четыре бутылки, возбужденный скорее самой мыслью об алкоголе, чем вкусом (на вкус пиво напоминало газированную мочу), и остаток вечера комната слегка пошатывалась на оси. А теперь пусть весь мир сорвется с креплений и перевернется.

Мужик за прилавком вглядывается Нэту в лицо, затем щурится на бутылку. Пальцы у Нэта подрагивают. В восемнадцать лет ему разрешено покупать лишь водянистое слабоалкогольное пиво, которое его одноклассники лакают на вечеринках. Но 3,2 процента ему сейчас не хватит. Продавец опять смотрит на него, и Нэт предчувствует: «Иди домой, сынок, маловат ты для такого пошла».

Однако продавец говорит:

– Это у тебя сестра умерла?

В горле резь, будто ножом полоснули. Нэт кивает, взглядом сверлит полку за прилавком, где ровными красно-белыми колоннами лежат сигареты.

И тогда продавец берет вторую бутылку виски и кладет в пакет к первой. Подталкивает пакет к Нэту вместе с десяткой, которую тот выложил на прилавок.

– Удачи тебе, – говорит продавец и отворачивается.

Нэт не знает в городе места безлюднее, чем на окраине у границы округа. Он паркуется на обочине и вынимает из пакета бутылку. Один глоток виски, затем другой прожигают себе путь в желудок, и Нэт воображает, как от них сгорает внутри все воспаленное, и красное, и больное. Почти час дня, и к тому времени, когда пустеет первая бутылка, мимо проезжает лишь одна машина – темно-зеленый «студебекер» со старушкой за рулем. Алкоголь не оправдывает надежд. Нэт думал, виски начисто омоет разум, все сотрет, как губка с доски, но с каждым глотком мир четче, голова кружится от деталей: пятно на водительском зеркальце, последняя цифра на одомере, застывшая между 5 и 6, швы на сиденье, только-только начавшие истрепываться. Беглый листик, застряв под дворником, трещит на ветру. Приступив ко второй бутылке, Нэт внезапно вспоминает лицо отца, когда тот выходил за дверь, – как отец даже на них не посмотрел, будто разглядывал что-то далекое, на горизонте или в очень давнем прошлом. То, чего не видно ни Нэту, ни Ханне, то, чего им не коснуться, даже если захотят. Воздух в машине густеет, забивает легкие ватой. Нэт откручивает окно вниз. А затем, едва его окатывает холодный ветер, рывком перегибается вбок и вылевывает обе бутылки на обочину.

Джеймс у себя в машине тоже обдумывает эту минуту на лестнице.

Выехав со двора, вжимая ногу в педаль, он покатил бездумно, куда угодно – лишь бы давить на газ. И сам не заметил, как поехал не к Луизе, а через весь город, мимо кампуса, на шоссе, пихая стрелку спидометра к шестидесяти, шестидесяти пяти, семидесяти. Он соображает, как далеко заехал, лишь когда над головой распахнутой зеленью мелькает указатель «Толидо, 15 миль».

Вполне логично, решает Джеймс. Толидо. Как замечательно симметрична жизнь. Десять лет назад сюда, бросив все, сбежала Мэрилин. А теперь его очередь. Он глубоко вдыхает и газует решительнее. Он наконец это произнес – то, чего больше всего боялся, то, что она так жаждала услышать: «Сделаем вид, что ты со мной никогда не встречалась. Что ничего этого не было». Он исправил величайшую ошибку ее жизни.

Да вот только – и как он ни старается, не получается отрицать – не похоже было, что Мэрилин ему благодарна. Вздогнула, будто он плюнул ей в лицо. Прикусила губу раз, другой, точно с трудом проглатывала твердую косточку. Машина выворачивает к обочине, под колесами колотится гравий.

Она ушла первой, напоминает себе Джеймс, опять выталкивая машину на середину дороги. Она хотела этого с самого начала. Но, еще не додумав эту мысль, он понимает, что это неправда. Желтая полоса дорожной разметки виляет и вихляет. Для Джеймса, у кого годами по спине бегали мурашки от беззастенчивых взглядов, будто он зверь в зоопарке, кому шепотки на улице годами жалили уши («китаеза, узкоглазый, катись в свой Китай»), «другой» – выжженное на лбу клеймо. Это слово замарало всю жизнь – вся жизнь им захватана, точно жирными пальцами. Но для Мэрилин «другое» – это другое.

Мэрилин – юная и бесстрашная, в классе, где сплошь парни. Выливает мочу из мензурок, законопачивает уши, наполняя мысли грезами. Белая блузка в море темно-синих блейзеров. Она так жаждала *другого* – в жизни, в себе. Мир Джеймса словно подняли, наклонили и поставили обратно. Мэрилин ради дочери упрятывала свои грезы в нафталин, подбивала улыбку разочарованием. Трижды отрезана от мира – домом, тупиковой улицей, крошечным университетским городком; руки мягки и без мозолей, однако праздны. Замысловатые механизмы ее ума беззвучно тикают, но никто не слышит; мысли бьются в закрытые окна, словно пчелы в западне. А теперь она сидит одна в спальне их дочери, и от дочери остались одни реликвии, и даже нафталина нет – только пыль в воздухе. Джеймс давным-давно уже не различал в жене желаний. Потом – и до конца своих дней – он станет мучительно подбирать слова к этому чувству, но ему так и не

удастся хотя бы про себя сказать, что же он имеет в виду. А в эту секунду мысль у него лишь одна: как это возможно, недоумевает он, – так ошибаться?

Нэт в Миддлвуде не знает, сколько провалялся на переднем сиденье. Знает только, что кто-то открывает дверцу машины. Кто-то его окликает. Затем чья-то рука сжимает ему плечо, теплая, мягкая, сильная рука – и не отпускает.

Нэту, который выдирается из глубокого опьяненного ступора, чудится отцовский голос, хотя отец никогда не произносил его имя так тихо, не прикасался к нему с такой нежностью. За миг до того, как Нэт разлепляет веки, перед ним стоит отец – и не исчезает, даже когда мир фокусируется, складывается в мутный солнечный свет, патрульную машину, Фиска на корточках перед открытой дверцей. Пустую бутылку из пальцев Нэта вынимает Фиск, поднять голову ему помогает Фиск, но в сердце своем Нэт видит отца и плачет, когда отец так ласково говорит:

– Сынок, пора домой.

Одиннадцать

А в апреле Нэт рвался из дома прочь. Весь месяц перед поездкой в университет подкладывал книжки и одежду в растущую гору вещей. Каждый вечер, ложась в постель, доставал из-под подушки письмо и перечитывал, смакуя подробности: третьекурсник из Олбени Эндрю Биннер, *астрофизик*, устроит ему экскурсию по кампусу, проведет беседы интеллектуального и практического плана за трапезами в столовой и поселит у себя на длинные выходные. С пятницы по понедельник, думал Нэт, читая билеты на самолет, девяносто шесть часов. После ужина в честь дня рождения Лидии он стащил чемодан вниз – все, что надо взять с собой, и все, что надо оставить, к тому времени уже было рассортировано.

Даже из-за закрытой двери своей спальни Лидия слышала: клац-клац – открываются чемоданные застежки; хлоп – крышка откинулась на пол. У них в семье никто не путешествовал. Как-то раз, когда Ханна была еще крохой, съездили в Геттисберг и Филадельфию. Отец нарисовал маршрут в атласе – череда достопримечательностей, так пропитавшихся американской историей, что она сочилась отовсюду: из названий бензоколонок («Дизельное топливо “Вэлли-Фордж”»^[36]), из меню в забегаловке, куда они заехали пообедать («Креветки “Геттистаун”», «Свиная вырезка “Уильям Пенн”»^[37]). В каждом ресторане официантки таращились на отца, затем на мать, затем на Лидию, и Нэта, и Ханну. И Лидия, хоть и была маленькая, понимала, что больше они сюда не вернуться. С тех пор отец каждый год брал летние курсы, будто хотел – справедливо подозревала она – избежать вопросов насчет семейного отпуска.

У Нэта в комнате с грохотом задвинули ящик. Лидия легла на кровать и закинула ноги на стенку, попирая открытку с Эйнштейном. Во рту осталась тошнотворная сладость глазури, в желудке воро чался праздничный торт. В конце лета, подумала Лидия, Нэт упакует не единственный чемоданчик, а огромный чемоданище, и груды коробок, и все свои книжки, и тряпки, и вообще все, что у него есть. Из угла комнаты исчезнет телескоп; стопка журналов по авиации испарится из чулана. На голых полках – пыльная кайма, а там, где раньше стояли книжки, – блестящее дерево. Во всех ящиках пусто. Даже белья на постели не будет. В дверь толкнулся Нэт:

– Какая лучше? – И предъявил две рубашки – в каждой руке по вешалке, лицо – точно окно между занавесками. В левой руке – однотонная

голубая, Нэтова парадная рубашка, которую он надевал в том году на вручение наград в одиннадцатом классе. В правой – рубашка в «огурцах», Лидия ее раньше не видела; на манжете еще болтается ценник.

– А это ты где взял?

– Купил, – ухмыльнулся Нэт.

Всю жизнь, если ему требовалась новая одежда, мать волокла его в универмаг «Декерз», и Нэт соглашался на все, что она выбирала, – лишь бы побыстрее отделаться. А на той неделе, пересчитывая свои девяносто шесть часов, впервые сам поехал в торговый центр и купил эту рубашку, выудил яркий узор с забитой вешалки. Будто новую кожу купил – и сестра тоже это уловила.

– Для занятий больно красотка. – Поправляться Лидия не стала. – Или в Гарварде так принято?

Нэт опустил вешалки:

– Там у них тусовка для гостей. И этот мой студент написал, что они в общаге на выходные закатывают вечеринку. В честь конца триместра. – Нэт снова приложил к себе узорчатую рубашку, прижал воротник подбородком: – Пожалуй, примерить надо.

Он удалился в ванную, и Лидия услышала, как вешалка проскребела по штанге. Тусовка: музыка, танцы, пиво. Флирт. Телефоны и адреса на клочках бумаги. *Напиши мне. Позвони мне. Встретимся.* Ноги сползли со стены на подушку. Тусовка. Где перетасовывают колоду новых студентов, где они сливаются с остальными, преображаются.

На ходу застегивая верхнюю пуговицу, из ванной вернулся Нэт:

– Ну как?

Лидия прикусила губу. Голубой узор на белом ему шел – так Нэт стройнее, выше, смуглее. Пуговицы пластмассовые, но блестели, как жемчуга. Нэт уже стал другим человеком – знакомым из далекого прошлого. Лидия уже по нему скучала.

– Другая лучше, – сказала она. – Ты же в колледж едешь, а не в «Студию 54»^[38].

Но ясно было, что Нэт уже решил.

Ближе к полуночи Лидия на цыпочках зашла к нему. Весь вечер хотела рассказать про отца и Луизу, про то, что видела днем в машине, про то, что точно *знала*. Нэт был поглощен своими мыслями; проще дым руками хватать, чем улавливать Нэтово внимание. А у Лидии последний шанс. Утром Нэт уедет.

В сумеречной комнате горела только лампочка на столе, Нэт в старой полосатой пижаме стоял на коленях у подоконника. Лидия решила, что он

молится, смутилась, застигнув его в такой интимный момент, – все равно что голым застать – и уже начала закрывать дверь. Но Нэт обернулся на ее шаги, и улыбка его сияла, как луна, уже распухавшая над горизонтом, и Лидия сообразила, что ошиблась. Нэт у открытого окна не молился, Нэт грезил – что, позднее поймет Лидия, по сути почти одно и то же.

– Нэт, – сказала она.

В голове на перекатах бурлило все, что она хотела сказать. *Я видела. Мне кажется. Мне надо.* Как впихнуть такую громадину в крохотные гранулы слов? Нэт ничего не замечал.

– Ты посмотри, – прошептал он в таком восторге, что Лидия тоже опустила на колени и выглянула.

В вышине разливом чернил распахнулось густочерное звездное небо, усыпанное звездами. Они совсем не походили на звезды из учебников – размытые капли, точно брызги слюны. Они были бритвенно-остры – четкими световыми точками разделяли небесные слова. Если запрокинуть голову, не видно ни домов, ни озера, ни уличных фонарей. Только небо – такое огромное, такое черное, вот-вот раздавит. Будто Лидия очутилась на другой планете. Нет – будто Лидия одиноко плывет в космосе. Она поискала созвездия с плакатов Нэта: Орион, Кассиопея, Большая Медведица. Картинки теперь казались детскими глупостями – эти прямые отрезки, яркие цвета, палочные фигуры. Звезды блестками слепили глаза. «Вот она, бесконечность», – подумала Лидия. Звездная ясность переполняла ей душу – будто в сердце булавками кололи.

– Потрясающе, да? – тихо произнес Нэт из темноты. Словно он уже за много световых лет от дома.

– Да, – еле слышно ответил ему голос Лидии. – Потрясающе.

Наутро Нэт совал в чемодан зубную щетку, а Лидия топталась в дверях. Через десять минут отец увезет Нэта в кливлендский аэропорт, оттуда «Транс уорлд» унесет брата в Нью-Йорк, а потом в Бостон. На часах – половина пятого утра.

– Позвонишь, расскажешь, как дела? Обещаешь?

– Конечно, – ответил Нэт. Четким крестом затянул эластичные ремешки поверх сложенной одежды и захлопнул чемодан.

– Обещаешь?

– Обещаю. – Одним пальцем прихлопнул застежки и вздернул чемодан за ручку. – Папа ждет. Пока, до понедельника.

Раз – и нет его.

Гораздо позднее, спустившись к завтраку, Лидия почти смогла

притвориться, будто ничего не произошло. На столе лежала ее домашка с четырьмя галочками на полях; Ханна выуживала из плоски хлопья, точно гальку, мать прихлебывала улун и листала газету. Лишь одно изменилось: стул Нэта пустовал. Словно и не было никогда никакого Нэта.

– Ну наконец-то, – сказала Мэрилин. – Поторопись, милая, исправь там. А то автобус скоро, не успеешь поесть.

Лидия шагала к столу, точно по воздуху плыла. Мэрилин между тем просматривала газету – рейтинг президента Картера 65 процентов, Мондейл вступил в должность «старшего советника»^[39], запрещен асбест, в Нью-Йорке снова перестрелка; взгляд наткнулся на заметочку в углу: «Лос-анджелесский врач вернул к жизни человека, 6 лет пролежавшего в коме». Потрясающе, подумала Мэрилин. И улыбнулась дочери, а та стояла, цепляясь за спинку стула, как будто боялась улететь.

Вечером, когда Лидия жалась и ежилась от неотвязного внимания родителей, Нэт не позвонил. *У меня тут каталог курсов в колледже – не хочешь летом пойти на статистику? А тебя уже пригласили на бал? Ну, наверняка скоро пригласят.* Нэт не позвонил и в субботу, когда Лидия рыдала в постели, пока не уснула, и в воскресенье, когда она проснулась, а глаза все еще жгло. Вот, значит, как теперь будет. Словно у меня и не было брата.

В отсутствие Нэта Ханна ходила за Лидией, как щенок, прибежала под дверь по утрам, опережая будильник, и сопела, едва не задыхалась: «Угадай что? Лидия, угадай что?» Никогда не угадаешь, и неважно что: идет дождь, на завтрак оладьи, на елке сойка. Изо дня в день с утра до ночи Ханна ходила за Лидией хвостиком и предлагала, чем бы заняться: «Можно “Игру в жизнь”^[40], сегодня пятница – можно кино по телику, можно сделать попкорн». Всю жизнь Ханна, как Луна вокруг Солнца, крутилась возле них, маячила в отдалении, и Лидия с Нэтом молча терпели свою маленькую неловкую луну. А теперь Лидия подмечала у сестры тысячу мелких черт: как Ханна дергает носом, когда говорит, раз-два, быстро-быстро, точно кролик; как она стоит на цыпочках, словно на невидимых каблуках. А в воскресенье после обеда, влезая на сброшенные Лидией танкетки, Ханна огласила свежую идею: «Можно пойти поиграть на озеро. Лидия, пошли поиграем на озеро», – и Лидия заметила, как под рубашкой у Ханны блестит что-то серебристое.

– Это что там у тебя?

Ханна попыталась было отвернуться, но Лидия отдернула ей воротник и теперь увидела отчетливо то, что заметила мельком, – гибкую серебряную цепочку, изящное серебряное сердечко. Свой медальон. Лидия потянула за цепочку одним пальцем, Ханна покачнулась и, еле удержав равновесие, с грохотом сверзилась с танкеток.

– Ты зачем это взяла?

Ханна покосилась на дверь, будто верный ответ написан на стене. Бархатную шкатулочку под кроватью у Лидии она нашла шесть дней назад.

– Я думала, тебе не надо, – прошептала она.

Но Лидия не слушала. *Смотри на него и вспоминай, что в жизни взаправду важно.* Быть общительной. Быть популярной. Быть своей. *Вам неохота улыбаться? Что делать тогда? Заставьте себя улыбнуться. Не критикуйте, не осуждайте, не жалуйтесь.* Ханна, такая довольная в крохотной серебряной западне, походила на маленькую Лидию – робкую, неуклюжую, едва начала горбиться под этим бременем, хотя оно такое тонкое, такое серебристое, такое легкое.

Ладонь Лидии с треском огрела Ханну по щеке, Ханну отбросило назад, голова мотнулась. Лидия накрутила цепочку на руку и рванула Ханну к себе, точно собаку на строгом ошейнике. «Прости», – хотела сказать Ханна, но звука не получилось – только тихий ах. Лидия натянула цепочку сильнее, та лопнула, и сестры вновь задышали.

– Ты этого не хочешь, – сказала Лидия, и нежность в ее голосе удивила Ханну, да и саму Лидию. – Послушай меня. Ты думаешь, тебе это надо. Тебе не надо. – Она скомкала цепочку в кулаке. – Обещай, что никогда это не наденешь. Никогда в жизни.

Ханна распахнула глаза и затрясла головой. Лидия большим пальцем погладила ее шею, растерла дорожку крови там, где цепочка врезалась в кожу.

– Никогда не улыбайся, если неохота, – сказала Лидия, и Ханна, ослепленная этим светом, этим безраздельным вниманием, кивнула. – Навсегда запомни.

Ханна сдержала слово: в тот вечер и еще много лет спустя она вспоминала эту минуту и всякий раз касалась горла, где давным-давно исчезла красная отметина. Лидия не рассердилась – скорее встревожилась. Цепочка болталась у нее в пальцах дохлой змеей, в голосе – почти печаль, словно это Лидия напортачила, а не Ханна. Собственно, после медальона Ханна больше ни разу ничего не украла. Но эта минута, этот последний разговор с сестрой озадачивал ее еще очень долго.

Вечером, укрывшись у себя в комнате, Лидия вытащила тетрадный

листок, где Нэт нацарапал телефон студента, у которого гостил. После ужина, когда отец удалился в кабинет, а мать устроилась в гостиной, Лидия под села к телефону на лестничной площадке и развернула листок. Ответили ей лишь после шестого гудка; из трубки доносился гвалт разгорающейся вечеринки.

– Кого? – дважды переспросили в трубке, и Лидия плюнула, перестала шептать, рявкнула:

– Нейтана Ли. Он у вас гостит. *Нейтан Ли*.

Потекли минуты, и с каждой минутой плата за междугородний звонок росла, – впрочем, когда принесут счет, Джеймс будет в таком отчаянии, что не заметит. Мэрилин внизу все крутила и крутила ручку телевизора: «Рода». «Человек на шесть миллионов долларов». «Куинси»^[41]. Опять «Рода». В конце концов Нэт подошел к телефону.

– Нэт, – сказала Лидия. – Это я.

К ее удивлению, глаза налились слезами от одного его голоса, хотя говорил он ниже и резче, будто простудился. Вообще-то Нэт как раз на три четверти опустошил первое пиво в своей жизни, и комната общаги уже тепло засияла. А голос сестры, сплюснутый межгородом, прорезал это сияние тупым ножом.

– Что такое?

– Ты не позвонил.

– Что?

– Ты обещал. – Лидия запястьем отерла глаза.

– И ты поэтому звонишь?

– Нет, послушай. Я хотела что-то сказать. – И она замолчала, раздумывая, как объяснить. В трубке раздался взрыв хохота – точно волна разбилась о берег.

Нэт вздохнул:

– Что такое? Мама из-за домашки пилит? – Он поднес к губам бутылку; пиво нагрелось, и от пивной затхлости язык будто засох. – Стой, дай угадаю. Мама купила тебе особенный подарок, но это просто *книжка*. Папа купил тебе новое платье – нет, алмазное кольцо – и рассчитывает, что ты будешь его *носить*. Вчера за ужином тебе пришлось говорить, говорить и *говорить*, и все их внимание доставалось тебе одной. Ну как, уже теплее?

Лидия в ошеломлении лишилась дара речи. Всю жизнь только Нэт понимал их семейный язык – все, что никак не объяснишь чужим: что книга или платье – не просто вещи, которые читают и носят; что внимание сопряжено с ожиданиями, и они сыплются на тебя снегопадом, заваливают, расплющивают. Все слова верны, однако Нэт говорит незнакомым голосом,

и они тривиальны, и резки, и пусты. Так их услышали бы другие. Брат ей уже чужой.

– Мне пора, – сказал он.

– Погоди. Нэт, погоди. Послушай.

– Господи боже, только этого мне не хватало. – И во вспышке обиды Нэт прибавил: – Может, Джеку нажалуешься на свои *проблемы*?

Он тогда не знал, как будет мучить его эта фраза. Грохнул трубку на рычаг, и в груди кольнуло виной – будто едкий пузырек лопнул. Но издали, из кокона праздничного жара и шума, Нэт смотрел на мир иначе. Все, что вблизи зловеще заслоняло горизонт – школа, родители, жизнь, – скукоживалось и исчезало, стоило лишь отступить на шаг. Не подходи к телефону, когда они звонят, рви их письма, сделай вид, будто их вовсе нет на свете. Начни с чистого листа – ты новый человек, у тебя новая жизнь. Проблема только в географии, решил он (если ты еще не пробовал порвать семейные узы, такая уверенность дается без труда). Еще чуть-чуть – и Лидия тоже уедет учиться. Еще чуть-чуть – и она тоже разрубит эти цепи. Нэт влил в себя остатки пива и пошел за следующей бутылкой.

Дома, в одиночестве сидя на площадке, Лидия еще долго обеими руками сжимала трубку. Слезы, от которых перехватывало горло, уже высохли. Внутри ровно курился жгучий гнев на Нэта, в ушах звенели его прощальные слова. *Только этого мне не хватало.* Он обернулся другим человеком – и этому человеку плевать, что он нужен Лидии. Этот человек сказал ей гадости, нарочно сделал больно. Она и сама становилась другим человеком – человеком, который бьет сестру по лицу. И сделает больно Нэту – пусть знает. *Может, Джеку нажалуешься на свои проблемы?*

Наутро в понедельник она надела свое самое красивое платье с воротником-хомутом, все в красных цветочках, – отец купил осенью. «Кое-что новенькое к новому учебному году», – сказал он. Они пришли за тетрадками и ручками, и он углядел это платье на манекене в витрине. Джеймс любил покупать Лидии платья с манекенов – считал, раз платье на манекене, значит, все такие носят. *Последняя мода, верно? Каждой девушке нужно платье на особый случай.* Лидия старалась одеваться незаметнее: спортивная куртка с капюшоном и вельветовые брюки, однотонная блузка и джинсовые клеша, – и понимала, что в таких платьях ходят на свидания, но сама-то на свидания не ходила. Месяцами платье висело в глубине чулана, но сегодня Лидия стащила его с вешалки. Тщательно расчесала волосы на пробор, прямо по центру, и пристегнула сбоку красной заколкой. Кончиком помады обвела контур губ.

– Какая ты красавица, – за завтраком сказал Джеймс. – Глаз не оторвать, прямо Сьюзен Дей^[42].

Лидия улыбалась и не произнесла ни слова – ни когда Мэрилин сказала: «Сегодня не задерживайся, к ужину вернется Нэт», – ни когда Джеймс ткнул пальцем в ямочку у нее на щеке – опять эта старая шутка – и сказал: «Теперь все мальчишки будут за тобой увиваться».

Ханна через стол разглядывала сестрино платье и помадную улыбку, пальцем растирала запекшуюся паутинку болячки, оплетшую горло. *Не надо*, хотелось сказать ей, но она не знала, чего *не надо*. Знала одно: вот-вот что-то случится, и тут ничего не скажешь и не сделаешь, оно случится все равно. Когда Лидия ушла, Ханна схватила ложку и размяла мокрые хлопья в кашу.

Ханна не ошиблась. После школы Лидия попросила Джека съездить на Кручу над городом, и они припарковались в тени. Пятничным вечером, пока не шуганут патрульные, здесь, постепенно запотевая окнами, стояло бы с полдюжины машин. А в ясном свете понедельника вокруг ни души.

– И когда Нэт возвращается?

– Сегодня, по-моему.

На самом деле Лидия знала, что Нэт приземлится в кливлендском аэропорту Хопкинса в пять девятнадцать. Отец довезет его до дома к половине седьмого. Она выглянула в окно на часовую башню «Первого федерального», едва различимую в центре города. Пять минут пятого.

– Странно, что его нет?

Лидия рассмеялась – получился краткий горький смешок.

– Да ему наверняка не хватило. Не терпится слинять с концами.

– Ну вы же не на веки вечные расстаетесь. Он будет приезжать. На Рождество. Летом. Да? – И Джек задрал бровь.

– Может быть. Или он вообще никогда не вернется. Кого колышет? – Лидия сглотнула, постаралась говорить ровнее. – У меня своя жизнь.

Клен за опущенным окном шелестел новенькой листвой. Сорвался и завертелся в воздухе позабытый с осени одинокий вертолетик. Внутри Лидию всю трясло, но когда она взглянула на свои руки, оказалось, что они тихо и невозмутимо лежат на коленях.

Она открыла бардачок и вытащила коробку презервативов. Две штуки, как и несколько месяцев назад.

Джек напрягся:

– Ты что делаешь?

– Ничего страшного. Ты не переживай. Я не пожалею. – Он был так близко, что она чуяла соленую сладость его кожи. – Ты не такой, как все

думают, – сказала Лидия и положила ладонь ему на бедро. – Все думают, у тебя столько девчонок, что тебе на все плевать. Но это вранье. Ты на самом деле не такой, да? – Их глаза встретились – голубое с голубым. – Я тебя знаю.

Джек все таращился, а Лидия вдохнула поглубже, будто нырять собралась, и его поцеловала.

Она никогда ни с кем не целовалась, и поцелуй у нее получился (хотя она этого не знала) детский, целомудренный, девчачий. Губы Джека были теплы, сухи, неподвижны. Он пахнул дымом, а еще – словно только что вышел из леса – зеленой листвой. Запах – как бархат на ощупь: хочется погладить руками и прижать к лицу. Мысли Лидии мгновенно прокрутились вперед, как киноплёнка. Промотали ту сцену, где оба они перебираются на заднее сиденье, падая друг на друга, и их руки не успевают за желаниями. И ту, где развязывается узел воротника у нее на шее, и сдирается одежда, и Джек нависает над ней всем телом. И ту, где происходит неведомое и, если честно, почти невообразимое. К возвращению Нэта она переменится. Вечером, когда он расскажет ей все-все, что видел в Гарварде, все-все о новой сказочной жизни, в которую уже вступил, Лидии тоже будет что ему рассказать.

И тут Джек очень мягко отстранился.

– Ты хорошая, – сказал он.

Он глядел на нее сверху вниз, но – и это инстинктивно поняла даже Лидия – не с любовью, а нежно, как взрослый на ребенка, который упал и поранился. Внутри у нее все увяло, во рту расцвела горечь. Лидия уставилась на свои коленки, волосами закрыв горящее лицо.

– Только не говори, что вдруг отрастил порядочность, – окрысилась она. – Или что – я для тебя недостаточно хороша?

– Лидия, – вздохнул Джек, и голос его был как фланель. – Дело не в тебе.

– А в чем?

Долгая пауза – очень долгая, Лидия уже заподозрила, что Джек позабыл вопрос. Но в конце концов он ответил – отвернувшись к окну, будто суть скрывалась снаружи, за кленами, за озером, за всем, что под Кручей:

– В Нэте.

– В Нэте? – Лидия закатила глаза. – Нэта не бойся. Нэт никого не волнует.

– Волнует, – сказал Джек, по-прежнему глядя в окно. – Меня волнует.

С минуту Лидия переваривала эти сведения, потом вытаращилась,

будто на ее глазах у Джека вылепилось другое лицо или перекрасились волосы. Он большим пальцем тер основание безымянного, и Лидия понимала, что это правда – и очень-очень давняя.

– Но... – Она осеклась. *Нэт?* – Ты же всегда... в смысле, все же знают... – Не удержавшись, она нечаянно глянула на заднее сиденье, на выцветшее и смятое одеяло навахо.

Джек криво улыбнулся:

– Как ты сказала? «Все думают, у тебя столько девчонок, – но ты на самом деле не такой». – Он покосился на нее. Ветер из окна ворошил его песочные кудри. – Никому бы и в голову не пришло.

К Лидии возвращались обрывки их разговоров – и теперь они звучали иначе. *А где твой брат? А Нэт что подумает? И еще: Ну как, скажешь брату, что мы скорешились и я не злодей?* Что она ответила-то? *Он мне ни в жизнь не поверит.* На нее раззявила пасть полупустая коробка с презервативами – Лидия смяла ее в кулаке. *Я тебя знаю, слышала она собственный голос, и ее передернуло.* Какая же я дура, подумала она. Так его не понять. Вообще ничего не понять.

– Я пошла. – И она подхватила с пола рюкзак.

– Мне жаль, что все так.

– Жаль? Чего тебе жаль? Нечего тут жалеть. – Лидия набросила лямку на плечо. – Это мне тебя жалко. Втюрился, а он тебя ненавидит.

И Лидия прожгла его взглядом, а Джек поморщился, будто она ему водой в глаза плеснула. Затем лицо его напряглось, заострилось, закрылось – как с чужими, как в первый день знакомства. Он улыбнулся – получилась скорее гримаса.

– Зато мне другие не вдалбливают, чего я хочу, – ответил он, и от его презрения Лидия вздрогнула. Он давно не говорил с ней таким тоном. – Зато я знаю, кто я. Чего хочу. – Глаза его сузились. – А у вас с этим как обстоят дела, мисс Ли? Вы-то чего хотите?

Да знаю я, чего хочу, подумала она, но открыла рот, и язык не вспомнил ни слова. *Врач, популярная, счастлива* зарикошетили в голове стеклянными шариками и рассыпались в безмолвие.

Джек фыркнул:

– Зато мною другие с утра до ночи не командуют. Зато я хотя бы не боюсь.

Лидия сглотнула. Одним взглядом он словно сдирал с нее кожу. Хотелось его ударить, но этого будет мало. А потом она сообразила, как побольнее его уязвить.

– Нэту, наверное, интересно будет про это узнать, – сказала она. – И

всем в школе тоже. Ты как думаешь?

И у нее на глазах Джек съежился, как лопнувший шарик.

– Слышь... Лидия... – начал он, но она уже распахнула дверцу, уже захлопнула ее за собой.

На каждом шагу рюкзак бил по спине, но Лидия бежала до самой центральной улицы, а потом до дома и не остановилась, даже когда закололо в боку. То и дело оборачивалась на гул машин, думала, это Джек, но его «фольксваген» не появился.

Может, Джек так и сидит на Круче, и глаза у него – как у загнанного зверя.

Она миновала озеро и на повороте в тупик замедлила шаг, чтобы отдышаться. Все вокруг было незнакомое, слишком четкое, а цвета яркие, будто у телика выкрутили цветопередачу до максимума. Зеленые лужайки отдают синевой, кожа на руках – желтизной, белый фронтон миссис Аллен как-то слишком ослепителен. Все слегка искажено, и Лидия щурилась, стараясь запихать мир в привычные контуры. Подойдя к дому, не сразу сообразила, что женщина, подметающая веранду, – ее мать.

Мэрилин увидела дочь и раскинула руки в предвкушении поцелуя. Лишь тогда Лидия заметила, что все еще сжимает в кулаке коробку с презервативами, и поспешно сунула ее в рюкзак за подкладку.

– Какая ты горячая, – отметила Мэрилин и снова взяла веник. – Я почти закончила. Потом сядем готовиться к экзаменам. – Под прутьями веника плющились нападавшие с деревьев зеленые почки.

На миг голос застрял у Лидии в глотке, а на волю вырвался таким истошным, что ни она, ни мать его не узнали.

– Я же сказала, – рявкнула Лидия. – Не надо мне помогать.

К завтрашнему дню Мэрилин забудет это мгновение – крик дочери, иззубренное лезвие ее голоса. Мгновение сотрется из ее воспоминаний о Лидии – воспоминания о любимых и потерянных всегда выглаживаются, упрощаются, сбрасывают сложность, как чешую. А сейчас, напуганная этим странным тоном, Мэрилин списала его на усталость, на то, что скоро вечер.

– Времени-то мало, – напомнила она, когда Лидия потянула на себя дверь. – Уже май, между прочим.

Позже, оглядываясь на этот последний вечер, вся семья не вспомнит почти ничего. Многое срежет грядущая печаль. Нэт, от возбуждения красный, весь ужин болтал, но никто – в том числе и он – не запомнит эту необычайную разговорчивость, не сохранит ни единого сказанного слова.

Они не вспомнят, как свет раннего вечера подтаявшим маслом выплескивался на стол или как Мэрилин сказала: «Сирень уже зацветает». Не вспомнят, как Нэт упомянул «Кухню Чарли», а Джеймс улыбнулся, думая о стародавних обедах с Мэрилин, как Ханна спросила: «А в Бостоне такие же звезды?» – и Нэт ответил: «Конечно, такие же». Все это к утру испарится. Но еще многие годы они будут препарировать этот вечер. Что они упустили, что проглядели? Какой крошечный позабытый жест мог бы все изменить? Они обдерут этот вечер до костей, спрашивая себя, отчего все пошло наперекосяк, и наверняка так и не узнают.

А что до Лидии, она весь вечер задавала себе тот же вопрос. Не заметила ни ностальгии отца, ни сияющего лица брата. Весь ужин, после ужина и после того, как она пожелала всем доброй ночи, в голове у нее ворочался один-единственный вопрос. Когда все пошло наперекосяк? Оставшись одна, под мурлыканье проигрывателя, при свете лампы она рылась в воспоминаниях. Еще до сегодняшнего лица Джека – дерзкого, и нежного, и затравленного. Еще до Джека. Еще до заваленной контрольной по физике, до биологии, до призовых ленточек, до книжек, до настоящего стетоскопа. Когда все перекошилось?

Часы тихо щелкнули, перемахнув с 1:59 на 2:00, и с таким же тихим щелчком в голове у Лидии все встало на место. Пластинка давно докрутилась до конца и замерла, и от темноты за окном безмолвие сгущалось, как придушенная тишина в библиотеке. Лидия наконец поняла, когда все пошло наперекосяк. И поняла, куда ей срочно надо.

Доски причала были гладки, как и в воспоминаниях. Лидия села на краю, как много лет назад, болтая ногами над водой, над лодкой, что деликатно бодала причал. Все эти годы Лидия не смела сюда приблизиться. А сегодня, в темноте, страха не было, и она умиротворенно этому подивилась.

Джек прав: она годами боялась и уже забыла, каково это – не бояться; не бояться, что однажды мать вновь исчезнет, отец надломится, семья снова рухнет. С того самого лета семья стояла на ногах шатко, будто балансировала над обрывом. До того Лидия не сознавала, сколь непрочно счастье: его можно опрокинуть и разбить одним неосторожным жестом. Все, чего хочет мама, пообещала она тогда.

Только бы мама осталась. Вот до чего ей было страшно.

И всякий раз, когда мать спрашивала: «Хочешь?..» – Лидия отвечала да. Она знала, о чем мечтают родители, им можно вслух и не говорить, и она хотела, чтоб они были счастливы. Она сдержала слово. И мать осталась. Прочти эту книгу. Да. Хоти этого. Люби то. Да. Как-то раз в музее

при колледже, когда Нэт дулся, что не попал на звездное шоу, Лидия увидела кусочек янтаря с пойманной мухой. «Ему четыре миллиона лет», – прошептала Мэрилин, обняв дочь сзади. Лидия смотрела и смотрела, пока Нэт не утащил их обеих прочь. А теперь вообразила, как муха грациозно садится в лужу смолы. Может, приняла ее за мед. Может, даже не заметила, что там смола. А когда поняла, что села в лужу, было поздно. Муха билась, а потом задохнулась, а потом утонула.

С того самого лета Лидия боялась – потерять мать, потерять отца. И нарастал самый страшный страх – потерять Нэта, единственного, кто постигал их странное и хрупкое семейное равновесие. Кто знал все, что случилось. Кто всегда держал ее на плаву.

В тот далекий день, сидя на этом самом месте на причале, Лидия уже провидела. Как тяжело наследовать родительские мечты. Как удушает такая любовь. Почувствовав руки Нэта на плечах, она почти готова была сказать ему спасибо – за то, что падает, за то, что сейчас утонет. А потом озеро закатило ей пощечину. Лидия хотела закричать, и холод втиснулся в горло, и дышать стало нечем. Она пощупала ногами, но дна не нашла. Раскинула руки – и тоже ничего. Только влажный холод.

А потом – тепло. Пальцы Нэта, ладонь Нэта, локоть Нэта, Нэт тянул ее обратно, и ее голова вынырнула из озера, и с волос текло в глаза, и глаза резало. Ногами работай, велел ей Нэт. Его руки подняли ее – такие сильные, такие уверенные, удивительно, – и тепло затопило ее целиком. Его рука нащупала ее пальцы, и в этот миг Лидия перестала бояться.

Работай ногами. Я тебя держу. *Ногами работай.*

Так оно с тех пор и повелось. Не дай мне утонуть, думала она, на шаривая его ладонь, и, взяв ее за руку, он пообещал, что не даст. Вот этот миг, подумала Лидия. Вот когда пошло наперекосяк.

Но еще не все потеряно. Сидя на причале, Лидия опять дала слово – на сей раз себе самой. Она начнет заново. Скажет матери: хватит. Снимет со стены плакаты и уберет книжки. Если завалит физику, если так и не станет врачом, – не беда. Так она матери и скажет. И прибавит: еще не все потеряно. Не потеряно вообще ничего. Она вернет отцу медальон и книжку. Больше не станет разговаривать с гудком в телефонной трубке, бросит изображать кого-то другого. Отныне будет делать то, чего хочет сама. Уверенно попирая ногами пустоту, Лидия, столько лет зачарованная чужими грезами, еще не знала, чего же она хочет, но вселенная внезапно заблистала возможностями. Она все изменит. Попросит прощения у Джека, пообещает никогда не выдавать его тайну. Если он храбрый, если он знает, кто он есть и чего хочет, вдруг она тоже так сможет? Она скажет ему, что

все понимает.

И Нэту. Она скажет Нэту, что пусть он уезжает, она не против. С ней все будет хорошо. Он за нее уже не в ответе, пусть не волнуется. А потом она его отпустит.

И, принеся эту последнюю клятву, Лидия поняла, что делать. Как начать заново, с чистого листа, чтобы никогда больше не бояться одиночества. Как скрепить клятвы печатью, чтоб они стали правдой. Она осторожно сползла в лодку и отвязала швартов. Отталкиваясь от сваи, предчувствовала панику. Паники не случилось. И даже когда, неуклюже взмахивая веслами, Лидия выгребла на середину озера – далеко-далеко от берега, причальный фонарь превратился в крохотную точку, не маравшую темноты, – необычайная безмятежность, бесстрашие осеняли ее. Луна над нею была кругла, как монетка, резка и совершенна. Лодка под нею покачивалась так мягко, что почти и не ощущалось. Лидия задрала голову – будто плывешь в космосе, не связанная ничем. Не бывает ничего невозможного.

Вдалеке звездой мерцал фонарь. Если сощуриться, различимы смутные очертания причала, бледная полоса досок в ночной черноте. А когда Лидия туда доберется, станет видно отчетливее: доски, истертые многими поколениями босых ног, сваи, что держат эти доски прямо над водой. Лидия неторопливо встала; лодка закачалась, и Лидия раскинула руки. Тут не так уж далеко. У нее получится, никаких сомнений. Надо только работать ногами. Она добрыкается до причала, и уцепится за доски, и подтянется, и вылезет из воды. Завтра утром расспросит Нэта про Гарвард. Как там было. С кем он познакомился, какие возьмет курсы. Она скажет, что ему там непременно понравится.

Она посмотрела в озеро, что разверзлось под лодкой, во тьме обратилось в ничто – в черноту, в великую пустоту. Все будет хорошо, сказала себе Лидия и шагнула в воду.

Двенадцать

Всю дорогу до дома Джеймс твердит себе: «Еще не все потеряно. Еще не все потеряно». Повторяет на каждом указателе, отмеряющем мили до Миддлвуда, а затем мимо проносится колледж, а после озеро. Наконец Джеймс въезжает во двор – дверь гаража распахнута, машины Мэрилин не видно. Джеймс старается держаться, но его шатает от каждого вздоха. Все эти годы он помнил одно: она сбежала. И принял как должное: она вернулась. А потом: она осталась. Он тянется к дверной ручке, и колени подгибаются. Еще не все потеряно, внушает он себе, однако нутро сотрясает дрожью. Если Мэрилин снова сбежала, на сей раз с концами, ее не в чем упрекнуть.

В прихожей Джеймса встречает тягостная похоронная тишина. Но в гостиной на полу съежилась крошечная фигурка. Ханна. Свернулась калачиком, обхватила себя руками. Глаза водянисто-розовые. Джеймс вспоминает давний вечер, двух осиротевших детей на холодной веранде.

– Ханна? – шепчет он, уже чувствуя, как рушится, точно старый дом, до того ветхий, что стены не стоят. Портфель выпадает из пальцев на пол. Дышит Джеймс как будто через соломинку. – Где мама?

Ханна поднимает голову:

– Наверху. Спит. – А затем – и тут Джеймсу наконец удается вздохнуть: – Я ей сказала, что ты вернешься. – Ни самодовольства, ни торжества. Факт, простой и округлый, как бусина.

От благодарности онемев, Джеймс оседает на ковер подле маленькой дочери, и та раздумывает, говорить ли дальше. Ей есть что сказать, о да: как они с мамой лежали на постели Лидии и проплакали полдня, обнимаясь так крепко, что их слезы перемешивались, а потом мама заснула. И как полчаса спустя на патрульной машине приехал брат, помятый, хмельной и ужас какой вонючий, но до крайности умиротворенный, и ушел напрямик наверх, и лег в постель. Из-за штор Ханна видела Фиска за рулем, а вечером во дворе незаметно возникнет машина Мэрилин – помытая и с ключами на водительском сиденье. Пожалуй, это подождет. Ханне не внове хранить чужие тайны, а отцу надо сообщить кое-что поважнее.

Она дергает его за локоть, тычет в потолок – надо же, какие маленькие у нее ладошки, какие сильные.

– Гляди.

Поначалу Джеймс, ослабевший от облегчения, привычный смотреть

сквозь свою младшенькую, ничего не видит. Еще не все потеряно, думает он, подняв глаза к потолку, чистому и яркому, как пустой лист бумаги на послеполуденном солнце. Еще не конец.

– *Гляди*, – не отступает Ханна, властной рукой наклоняя его голову. Она раньше не смела так командовать, и растерянный Джеймс вглядывается и все-таки видит: отпечаток подошвы, белый на белесом, словно кто-то наступил в краску, а потом на потолок, оставил бледный, но четкий след. Джеймс его прежде не замечал. Ханна ловит его взгляд, и лицо у нее серьезное и гордое, точно она открыла новую планету. Что за нелепица – след башмака на потолке. Необъяснимо, бессмысленно и волшебю.

Ханна хихикает – будто колокольчик звякнул. Приятно слышать. Джеймс тоже смеется, впервые за многие недели, и Ханна, внезапно осмелев, прижимается к отцу. Растворяется в нем, и это очень знакомо. Джеймс вспоминает то, что давно забыл.

– Знаешь, как мы с твоей сестрой иногда играли? – медленно произносит он. – Когда она была маленькая, совсем маленькая, еще меньше тебя. Знаешь как? – Он ждет, пока Ханна заберется ему на спину. Потом встает и вертится туда-сюда, и она всем весом елозит ему по спине. – Где же Лидия? – спрашивает он. – Где же Лидия?

Он повторял это снова и снова, а она лицом зарывалась ему в волосы и хихикала. Он кожей, ушами чувствовал жар ее дыхания. Бродил по гостиной, заглядывал за шкафы и за двери.

– Я ее слышу, – говорил он. – Я вижу ее ногу. – И он сцапывал ее за щиколотку, крепко сжимал. – Где же она? Где же Лидия? Куда она подевалась? – Он крутил головой, она визжала и пригибалась, а он делал вид, будто не замечает, что дочь висит у него на спине. – Вот она где! Я нашел Лидию! – Он крутился все быстрее и быстрее, Лидия цеплялась все крепче и крепче, а потом он падал, и она, хохоча, скатывалась на ковер. Ей никогда не надоедало. Нашли, потеряли, нашли опять, потеряли, хотя вот же она – прижимается к его спине, и он держит ее за ноги. Откуда берется драгоценное? Потеряй, а потом найди. Столько раз он притворялся, будто ее потерял. Он опускается на ковер – от горя кружится голова.

А потом маленькие руки обнимают его за шею, к спине жмет жар детского тельца.

– Пап? – шепчет Ханна. – Еще.

И, сам не понимая как, он поднимается.

Еще столько нужно сделать, столько всего починить. Но сейчас он ни о

чем не думает – в его объятиях дочь. Он и забыл, каково это – вот так обнимать ребенка, хоть кого-нибудь обнимать. Они прижимаются к тебе всем телом, инстинктивно за тебя цепляются. Доверяют тебе. Он еще очень не скоро сможет ее отпустить.

И Мэрилин, в гаснущем свете проснувшись и сойдя по лестнице, видит вот что: в круге лампового света ее муж обнимает их младшую дочь, и лицо его покойно и нежно.

– Ты дома, – говорит Мэрилин. Все трое понимают, что это вопрос.

– Я дома, – отвечает Джеймс, и Ханна на цыпочках крадется к двери. Она чувствует, как все застыло на краю, – не знает, что за этим краем, но не хочет нарушить прекрасное зыбкое равновесие. Ее никогда не замечают, и сейчас она бочком приближается к матери, готовая незаметно ускользнуть. Тут Мэрилин мягко касается ее плеча, и Ханнины пятки с удивленным хлоп опускаются на пол.

– Не волнуйся, – говорит Мэрилин. – Нам с папой просто нужно поговорить. – А затем – и от восторга Ханна вспыхивает – Мэрилин целует ее в голову, прямо в пробор, и добавляет: – Мы оба утром с тобой увидимся.

На полпути по лестнице Ханна останавливается. Снизу доносится лишь невнятное бормотание, но в кои-то веки она не подкрадывается назад к двери подслушивать. *Мы оба утром с тобой увидимся*, сказала мать, и Ханна полагает это обещанием. Она на цыпочках пересекает площадку, мимо закрытой двери, за которой брат спит, не видя снов, всеми порами постепенно исторгая остатки виски, мимо сестриной спальни, которая во тьме смотрится так, будто ничего не изменилось, хотя это наглое вранье, до самой чердачной спальни, где за окнами чернильно-синяя лужайка только-только начала чернеть. На светящихся часах – самое начало девятого, но ощущение такое, будто час поздний, середина ночи, и темнота плотна и глуха, как пуховое одеяло. Ханна кутается в нее. Родителей отсюда не слышно. Но довольно знать, что они дома.

Внизу Мэрилин стоит в дверях, ладонь положила на косяк. Джеймс пытается сглотнуть, но в горле рыбьей костью застряло что-то твердое и острое. Некогда он прочитывал настроение Мэрилин даже со спины. По наклону плеч, по тому, как она переминается с ноги на ногу, понимал, о чем она думает. Но он давным-давно не смотрел на нее пристально и теперь даже лицом к лицу видит лишь неотчетливые морщинки в уголках глаз, неотчетливые морщинки на блузке, помятой и затем расправленной.

– Я думала, ты уехал, – наконец произносит Мэрилин.

Протиснувшись мимо твердой заглушки в горле, голос у Джеймса

выходит пронзительным, как исцарапанная пластинка:

– А я думал – ты.

И пока им больше ничего не нужно говорить.

Есть вещи, о которых они так и не заговорят. Джеймс ни единым словом не перемолвится с Луизой и будет стыдиться до конца своих дней. Позднее он и Мэрилин мало-помалу отчасти соберут из осколков то, чего не сказали. Он покажет ей отчет судмедэксперта; она втиснет ему в руки поваренную книгу. Сколько времени пройдет, прежде чем Джеймс заговорит с сыном, не высекая искр в голосе; сколько времени пройдет, прежде чем Нэт, слыша отцовский голос, перестанет вздрагивать, будто его секут. Остаток лета и еще долгие годы они будут нащупывать слова, говорящие ровно то, что они хотят сказать – Нэту, Ханне, друг другу. А сказать нужно многое.

А в эту минуту тишины что-то касается руки Джеймса – легко, почти неощутимо. Мотылек, думает Джеймс. Манжета рубашки. Но, опустив глаза, он видит кисть Мэрилин – изгиб пальцев, легкое пожатие. Он почти забыл, каково это – прикоснуться к ней. Получить хоть сколько-то прощения. Он склоняет голову и лбом тычется в ее руку, переполненный благодарностью за то, что ему подарен еще день.

В постели они нежны, будто впервые вместе. Его рука деликатно скользит по ее пояснице, ее пальцы осторожно, медленно расстегивают пуговицы на его рубашке. Их тела постарели; он чувствует, как сутулятся его плечи, видит серебристые шрамы кесарева ниже ее талии. Во тьме они друг с другом бережны, будто понимают, до чего они хрупки, понимают, что могут разбиться.

Ночью Мэрилин просыпается и чувствует подле себя тепло мужа, чует его – похоже на гренук, сочный и горько-сладкий. Хорошо бы остаться, прижаться к нему, всем телом чувствовать, как поднимается и опускается его грудь, будто это она сама дышит. Но у Мэрилин есть дело.

Перед спальней Лидии она останавливается, взявшись за ручку, и головой прислоняется к косяку, вспоминает свой последний вечер с дочерью: как вспыхнул свет на стакане с водой, как она, Мэрилин, поглядела на Лидию через стол и улыбнулась. С бесконечной самонадеянностью сочиняя Лидии будущее, она ни на миг не могла даже вообразить, что этого будущего не случится. Что она хоть отчасти ошибается.

Тот вечер, та самонадеянность теперь видятся древними, крохотными, будто уже миновало много лет. Пережиты еще до рождения детей, до

замужества, в детстве. Она понимает. Надо идти вперед – больше некуда. Но внутри ворочается желание вернуться в прошлое хоть на миг. Не изменить прошлое, даже не поговорить с Лидией, не рассказывать ей ничего. Лишь отворить дверь, и еще разок увидеть спящую дочь, и знать, что все хорошо.

И, в конце концов отворив дверь, именно это Мэрилин и видит. Силуэт дочери в постели, на подушке – длинная прядь. Приглядевшись, различает, как с каждым вздохом ходит вверх-вниз цветастое одеяло. Мэрилин понимает, что ей даровано видение, и старается не моргать, впитывает этот миг, напоследок явленный прекрасный образ – свою спящую дочь.

Однажды, когда Мэрилин будет готова, она раздернет шторы, выгребет одежду из комода, соберет книжки с пола и упакует в коробки. Выстирает постельное белье, выдвинет ящики стола, опустошит карманы дочериних джинсов. И обнаружит лишь осколки Лидии: монетки, не отосланные открытки, выдранные из журналов страницы. Задумается над мятной жвачкой, еще завернутой в целлофан, – важно ли это, значило ли что-то для Лидии или было забыто и отброшено? Мэрилин понимает, что ответов не найдет. Но пока она смотрит на силуэт в постели, и глаза ее наполняются слезами. Этого довольно.

Сойдя по лестнице на рассвете, Ханна проводит учет. Две машины во дворе. Два кольца с ключами на столике в прихожей. Пять пар обуви у двери – одна пара Лидии. От этой последней картины внутри, прямо между ключицами, жжет, но арифметика обнадеживает. А выглянув на улицу, Ханна видит, как у Вулффов открывается дверь и выходят Джек с собакой. Ничего не будет как прежде, это Ханна понимает. Но Джек с собакой по дороге к озеру тоже обнадеживают. Будто вселенная постепенно возвращается на круги своя.

Однако для Нэта, который стоит наверху у окна, истинно обратное. Нэт очнулся от глубокого пьяного сна, организм исторгнул из себя виски, и теперь все вокруг как новое: контуры мебели, солнечные лучи, исполозовавшие ковер, собственные руки. Даже боль в желудке (Нэт не ел со вчерашнего утра, и того завтрака, как и виски, тоже давным-давно нету) ярка, и чиста, и остра. А теперь на улице он видит то, что ищет который день, – Джека.

Нэт не переодевается, не берет ключей, ни о чем не думает. Лишь натягивает кроссовки и слетает по лестнице. Вселенная подарила ему шанс, и Нэт этот шанс не прохлопает. Он распахивает дверь; Ханна – испуганное размытое пятно в прихожей. Ханна даже не обувается.

Выскакивает босиком, мчится следом, и асфальт у нее под ногами еще холоден и влажен.

– Нэт! – окликает она. – Нэт, он не виноват.

Нэт не останавливается. Он не бежит – он в исступлении шагает к повороту, за которым только что исчез Джек. Нэт сейчас – как ковбой в отцовских фильмах: выпятил челюсть, целеустремленно и неумолимо надвигается по пустынной улице.

– Нэт! – Ханна хватает его за локоть, но он даже не сбавляет шагу, а она семенит рядом, стараясь не отстать.

Они уже на углу и замечают Джека одновременно – тот сидит на причале, обхватив колени, а рядом улеглась собака. Нэт тормозит на тротуаре, пропуская машину, и Ханна изо всех сил тянет его за руку.

– Ну пожалуйста, – говорит Ханна. – Ну пожалуйста.

Машина проезжает, и Нэт колеблется, но он слишком давно добивается ответа. Сейчас или никогда, решает он, отдергивает руку и перебегает улицу.

Если Джек и слышит их шаги, виду он не подает. Застыл и глядит на воду, пока над ним не нависает Нэт.

– Ты что думал, я тебя не замечу? – спрашивает Нэт.

Джек не отвечает. Медленно встает, поворачивается, не вынимает рук из задних карманов джинсов. Как будто, думает Нэт, со мной и драться не стоит.

– Вечно прятаться не выйдет.

– Я понимаю, – отвечает Джек. Собака у его ног тихо скулит.

– Нэт, – шепчет Ханна. – Пошли домой. Ну пожалуйста.

Нэт пропускает это мимо ушей.

– Надеюсь, ты тут сидел и сожалел, – говорит он.

– Мне ужасно жаль, – отвечает Джек, – что так вышло с Лидией. – В голосе легкая дрожь. – Что все так вышло.

Его собака пятится, жметя к ногам Ханны, и Ханна не сомневается: теперь Нэт разожмет кулаки, и отвернется, и уйдет, и оставит Джека в покое. Да вот только ничего подобного. На миг Нэт теряется – и от растерянности звереет.

– И ты считаешь, это что-то меняет? Абсолютно ничего. – У Нэта белеют костяшки. – Скажи мне правду. Сию секунду. Я должен знать. Что между вами было. Зачем она пошла на озеро.

Джек как бы качает головой, но обрывает жест, будто не понимает вопроса.

– Я думал, Лидия тебе рассказала... – Рука у него вздрагивает, будто он

хочет взять Нэта за плечо, за руку. – Надо было мне самому рассказать, – продолжает он. – Давным-давно надо было...

Нэт делает полшага. Он так близко, так близок к пониманию, что голова идет кругом.

– Что? – спрашивает он почти шепотом, очень тихо, Ханна еле разбирает. – Что виноват ты?

За секунду до того, как все случается, Ханна понимает, что сейчас случится. Нэту нужна мишень, нужно куда-то нацелить злость и угрызения – иначе он попросту сломается. Джек тоже это понимает – она читает это у него в лице, в том, как он расправляет плечи, как он напряжинивается. Нэт склоняется ближе и впервые за многие годы смотрит на Джека в упор – карие глаза в голубые. Требует. Умоляет. *Скажи мне. Прошу тебя.* И Джек кивает. *Да.*

И тогда Нэт бьет его кулаком, и Джек складывается пополам. Нэт в жизни никого не ударил и раньше думал, что это приятно – ты же сразу такой сильный – и что рука будет ходить, как поршень. А вот и нет. Словно тычешь кулаком в кусок мяса, плотный и тяжелый, и он не сопротивляется. Нэта слегка мутит. Он ждал такого «пау!», как в кино, но вышло почти беззвучно. Только глухой *плюх*, будто тяжелая сумка упала на пол, и тихий вздох, и от этого тоже мутит. Нэт ждет, готовится, но Джек его не бьет. Медленно выпрямляется, держась за живот, не сводит глаз с Нэта. Даже кулак не сжимает, и от этого Нэта мутит сильнее всего.

Он-то думал, надо только отыскать Джека, кулаком вмазать в самодовольную Джекову физиономию – и тогда полегчает. Все изменится, и затверделый сгусток гнева, что разросся внутри, рассыплется в песок. Как бы не так. Гнев никуда не делся – бетонным комом до крови расцарапывает нутро. И физиономия у Джека вовсе не самодовольная. Нэт думал, Джек будет защищаться или, может, испугается, но в глазах ничего такого нет. Взгляд почти нежен, будто Джек сочувствует. Будто хочет протянуть руки и Нэта обнять.

– Давай! – орет Нэт. – Что, так стыдно? Даже драться не можешь?

Он хватается Джека за плечо, опять замахивается, и Ханна еле успевает отвести взгляд, а Нэтов кулак бьет Джека по лицу. Из носа у Джека течет кровь. Джек ее не оттирает, и она течет – из ноздрей, по губам, на подбородок.

– Хватит! – кричит Ханна и, лишь услышав свой голос, замечает, что плачет, что щеки, и шея, и даже воротник футболки от слез уже мокрые. Нэт и Джек тоже слышат. Оба смотрят на нее – Нэт не опускает кулака, Джеково лицо и эта нежность теперь обращены к Ханне. – Хватит! – снова

кричит она, и в животе у нее все переворачивается, и она втискивается между ними, пытается собой закрыть Джека, ладонями колотит брата, отталкивает прочь.

И Нэт не отбивается. Только чувствует, как Ханна его отпихивает, и он качается на краю, ноги оскальзываются на истертых досках – и он падает с причала в воду.

Вот, значит, каково это, думает Нэт, когда над головой смыкается вода. Он не сопротивляется. Задерживает дыхание, глаз не закрывает, руки-ноги застыли, тело летит ко дну. Вот каково это. Он воображает, как тонула Лидия; солнце над головой тускнеет, Нэт тоже тонет. Скоро достигнет дна, ногами, руками, поясницей ляжет на песок. Не двинется, пока не кончится дыхание, пока не накатит вода, не задует сознание, как свечу. Глаза режет, но он разжимает веки. Вот каково это, говорит он себе. Замечай. Замечай всё. Запоминай.

Но вода слишком знакома. Тело знает, как поступать, – так оно знает, что дома на повороте лестницы надо пригнуться, потому что низкий потолок. Мускулы тянутся, бьются. Тело само по себе выправляется, руки цепляются за воду. Ноги брыкаются, пока голова не вырывается на поверхность, и Нэт выкашливает ил, легкими вбирает прохладный воздух. Все уже потеряно. Он давно научился не тонуть.

Он ложится навзничь, закрыв глаза, и вода держит усталые руки-ноги. Ему не узнать, каково ей было – ни в первый раз, ни в последний. Можно гадать, но взаправду не узнаешь. Каково ей было, о чем она думала, все, чего она ему не сказала. Считала, что он ее бросил? Хотела, чтоб он ее отпустил? И от этого он с небывалой остротой чувствует, что ее больше нет.

– Нэт? – окликает Ханна, и бледное личико выглядывает через край причала. Затем появляется другая голова – Джека – и к Нэту тянется рука. Нэт знает, что это рука Джека, и знает, что, доплыв, все равно ее примет.

А когда примет – тогда что? Добредет домой, мокрый как мышь, грязный, кулак разбит о Джековы зубы. Подле него Джек – весь в синяках, распухший, рубашка в темно-бурых пятнах Роршаха. Ханна будет явно заплаканная – лицо исполосовано слезами, ресницы мокро хлопают о щеку. Но, как ни странно, все трое будут светиться, точно отмытые добела. Еще разбираться и разбираться. Сегодня предстоят беседы с родителями и с матерью Джека, миллион вопросов. *Вы из-за чего подрались? Что случилось?* Беседа затянется надолго – ничего же не объяснишь, а все трое понимают, что родителям нужны объяснения. Они переоденутся в сухое –

Джек наденет старую футболку Нэта. Меркурохромом смажут Джеку щеку, а Нэту костяшки, и от этого получится на вид еще кровавее, будто раны снова открылись, хотя на самом деле они как раз начали заживать.

А завтра, через месяц, через год? Времени понадобится много. Даже спустя годы они все еще будут складывать те кусочки мозаики, что смогли отыскать, разглядывать черты Лидии, перерисовывать очертания. Уверяясь, что уж на сей-то раз поняли ее правильно, какой-то миг не сомневаясь, что наконец постигли ее целиком. Вспоминать ее будут часто. Когда Мэрилин раздернет шторы в спальне Лидии, откроет чулан и примется снимать одежду с полок. Когда их отец в один прекрасный день придет на вечеринку и впервые не оглядит мельком все блондинистые головы в толпе гостей. Когда Ханна перестанет так сутулиться, заговорит чуть внятнее, в один прекрасный день знакомым жестом откинёт волосы за ухо и на миг задумается, откуда взялся этот жест. И Нэт. Когда в колледже его спросят, есть ли у него братья-сестры (*две сестры, но одна умерла*), когда в один прекрасный день он посмотрит на горбинку, навсегда искривившую переносицу Джека, и захочет нежно обвести ее пальцем. Когда много-много лет спустя он сверху посмотрит на безмолвный голубой шарик Земли и вспомнит сестру – как будет вспоминать ее в любую важную минуту. Нэт этого еще не знает, но чувствует нутром. Столько всего произойдет, думает он; столько всего я захочу тебе сказать.

А сейчас, наконец открыв глаза, он неотрывно смотрит на причал, на руку Джека, на Ханну. Нэт дрейфует на спине, и Ханнино перевернутое лицо для него не перевернуто, а потом он плывет к ней по-собачьи. Не хочет нырять, не хочет потерять ее из виду.

Примечание автора

Я допустила ряд мелких исторических вольностей. Описанная в романе обложка «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» – сплав обложек нескольких разных изданий, однако текст подлинный. А «Поваренная книга Бетти Крокер» цитируется по изданию 1968 года, которым пользовалась моя мать, хотя у матери Мэрилин было более раннее издание.

Благодарности

Громадное спасибо моему агенту Джули Бэрер, которая шесть лет терпеливо ждала этот роман и всегда верила в него (и в меня) больше, чем я сама. Спасибо за нее моим счастливым звездам. Уильям Боггесс, Анна Уинер, Джемма Пёрди и Анна Кнутсон Геллер из литературного агентства *Barer Literary*, работать с вами в радость, лучших покровителей и пожелать нельзя.

Мои редакторы в *The Penguin Press* Андреа Уокер и Джинни Смит Юнс помогли мне неизмеримо улучшить эту книгу и всю дорогу держали меня за руку. Каждое письмо Софии Группен буквально озаряло мою жизнь. Мой литературный редактор Джейн Каволина, мой корректор Лиса Торнблум и Барбара Кэмпо с командой выверяли мириады несообразностей и терпеливо сносили мою склонность к курсиву. Пресс-агент Джулиана Киян – моя энергичная и неутомимая соратница, и я очень благодарна Энн Годофф, Скотту Мойерсу, Трейси Локк, Саре Хатсон,

Бриттани Бафтер и всем остальным в *The Penguin Press* и *Penguin Random House* за то, что с таким воодушевлением и любовью вывели эту книгу в мир.

Многие уверяют, будто писательскому мастерству нельзя научиться, но от своих учителей я почерпнула очень многое – и о том, как писать, и о том, как быть писателем. На моем первом творческом семинаре Патриша Пауэлл учила меня серьезно относиться к работе. Уэнди Хайман посоветовала мне сдать на магистра искусств, и за это я обязана ей по гроб жизни. Элизэра Шаффцин поддерживал и ободрял меня в самом начале, и это было очень важно. Мои бесконечно великодушные преподаватели в Мичигане – Питер Хо Дейвис, Николас Дельбанко, Мэттью Клэм, Айлин Поллак и Нэнси Райсмен – по сей день остаются для меня источником мудрости и руководства.

Я также в большом долгу перед учителями за кадром – моими друзьями-писателями. Я очень благодарна моим однокурсникам по мичиганской магистратуре, особенно Уэму Акпану, Ясперу Карлсу, Ариэль Джаникян, Дженни Феррари-Адлер, Джо Килдуффу, Даниэль Лазарин, Таэми Лим, Питеру Мейшли, Фиби Ноублз, Мариссе Перри, Прите Самарасан, Бриттани Сонненберг и Джесмин Уорд. Айлет Эмитти, Кристина Маккэрролл, Энн Стамешкин и Элизабет Стаут заслуживают двойной – тройной, четверной – благодарности за то, что годами читали

черновики этого романа и подбадривали меня. Джес Хейберли – не просто надежный резонатор, но жизненно необходимый голос разума.

Писательство – одинокое занятие, и я очень признательна сообществам, которые на этом пути принимали меня в свои ряды. Сотрудники журнала *Fiction Writers Review* постоянно напоминали мне, что *беллетристика – это важно*, а программа *Bread Loaf Writers' Conferences* познакомила меня со многими будущими друзьями и литературными идолами, в том числе с Вольтронами^[43]. Бостонский писательский клуб *GrubStreet* принял меня в свою гостеприимную семью – отдельное спасибо Кристоферу Кастеллани за то, что меня туда привел. Мой писательский клуб *The Chunky Monkeys* (Чип Чик, Дженнифер Делеон, Калвин Хенник, Соня Ларсон, Александрия Марцано-Лесневич, Уитни Шарер, Адам Штумахер, Грейс Талюсан и Бекки Тух) неизменно поддерживает меня и беспощадно критикует. А всякий раз, когда я оказываюсь в тупике, кембриджская кофейня «У Дарвина» волшебным образом вновь оживляет меня горячим чаем, лучшими сэндвичами в городе и – уж не знаю, как им это удастся – неизменно правильной музыкой в динамиках.

Наконец, я сердечно признательна друзьям и родным, благодаря которым во многих смыслах стала той, кто я есть. Кейти Кэмбл, Саманта Цзинь и Энни

Сюй остаются моими чирлидерами и конфидентками вот уже больше двух десятилетий. На этом пути рядом со мной было столько друзей, что всех и не перечислить; вы сами знаете – спасибо вам. Десять с лишним лет назад Кэрол, Стив и Мелисса Фокс радушно приняли меня в своем литературоцентричном доме. А семья поддерживала меня неизменно, даже еще не *вполне* разобравшись, что делать с моим писательским бзиком; спасибо моим родителям Дэниэлу и Лили Инг и моей сестре Ивонн за то, что разрешили (и помогли) найти свою дорогу. Мой муж Мэттью Фокс не просто поддерживал меня на каждом шагу – чтобы я могла работать, он брал на себя очень и очень многое. Без него эта книга ни за что бы не родилась. И наконец – хотя стоило с этого начать, – спасибо моему сыну, который великодушно терпит мать, витающую в облаках, постоянно меня смешит и помогает не терять из виду того, что важно; ты – достижение, которым я горжусь всего сильнее, и иначе никогда не будет.

СНОСКИ

Дэвид Берковиц, он же Сын Сэма (Ричард Дэвид Фалко, р. 1953) – американский серийный убийца. В период с лета 1976 г. по июль 1977 г. убил 6 и ранил 7 женщин из револьвера 44-го калибра; предпочитал женщин с темными, длинными и волнистыми волосами. Был арестован в августе 1977 г., в настоящее время отбывает 6 пожизненных сроков тюремного заключения. – *Здесь и далее примеч. перев.*

«Король рок-н-ролла» Элвис Пресли (1935–1977) умер 16 августа.
Продажи игровой приставки *Atari 2600* начались 1 сентября.

Артур Херберт Фонцарелли – персонаж американского ситкома «Счастливые дни» (*Happy Days*, 1974–1984), сыгранный Генри Уинклером; акулу он перепрыгивает на водных лыжах в эпизоде 5-го сезона «Голливуд (часть 3)», вышедшем в эфир 20 сентября 1977 г. Сцена стала нарицательной как образец алогичного и абсурдного сюжетного поворота, выдуманного сценаристами исключительно ради телерейтинга.

Джордж Вашингтон (1732–1799) – первый президент США (1789–1797). Уильям Фредерик Коуди «Баффало Билл» (1846–1917) – американский охотник на бизонов и шоумен, владелец и звезда развлекательного шоу «Дикий Запад». Спиро Теодор Агню (1918–1996) – 39-й вице-президент США (1969–1973) при президенте-республиканце Ричарде Никсоне.

«Энни Холл» (*Annie Hall*, 1977) – романтическая комедия Вуди Аллена с ним и с Дайан Китон в главных ролях.

Патрик Генри (1736–1799) – вирджинский юрист, один из отцов-основателей США, губернатор Вирджинии (1776– 1779, 1784–1786), активный сторонник независимости (Америки от Англии, а также штатов от федерального правительства).

«Одинокий рейнджер» (*The Lone Ranger*, 1949–1957) – американский сериал-вестерн Джорджа В. Трендла и Фрэна Страйкера с Клейтоном Муром и Джоном Хартом в роли Одинокого Рейнджера и Джеем Серебряные Каблуки (*Jay Silverheels*, Гарольд Джон Смит) в роли Тонто. «Дымок из ствола» (*Gunsmoke*, 1955–1975) – долгоиграющий сериал-вестерн Нормана Макдоннелла и Джона Местона с Джеймсом Арнессом в главной роли судебного исполнителя Мэтта Диллона в канзасском городе Додж-Сити.

Ричард Генри Ли (1732–1794) – американский политик, автор резолюции о независимости колоний, принятой на Втором Континентальном конгрессе, сенатор от штата Вирджиния (1789–1792). Роберт Эдвард Ли (1807–1870) – генерал Конфедерации, командующий Северовирджинской армией, а затем и всеми военными силами Юга в период Гражданской войны в США.

Рой Роджерс (Леонард Фрэнклин Слай, 1911–1998) – американский певец и киноактер, «Король Ковбоев», звезда многочисленных киновестернов, а также телевизионного «Шоу Роя Роджерса» (*The Roy Rogers Show*, 1951–1957). Джин Отри (Орвон Гроувер Отри, 1907–1998) – поющий ковбой, звезда радио, кино и телевидения в этом амплуа. Джон Уэйн (Мэрион Митчелл [Роберт] Моррисон, 1907– 1979) – американский актер, в основном в амплуа «крутого парня», режиссер и продюсер.

Честер Алан Артур (1829–1886) – 21-й президент США (1881–1885).

Ред Склтон (Ричард Бернард Склтон, 1913–1997) – американский шоумен, звезда радио, ведущий телевизионного «Шоу Реда Склтона» (*The Red Skelton Show*, 1951–1971).

Бетти Крокер – рекламный персонаж, придуманный Марджори Хастед в 1921 г., олицетворение рачительной американской домохозяйки; фигурировала на упаковках и в рекламе различных продуктов, с советами по домоводству выступала по радио и на телевидении (в исполнении, в частности, Аделаиды Холи Камминг).

Милдред Делорес Лавинг (в девичестве Джетер, 1939–2008) и Ричард Перри Лавинг (1933–1975) поженились в Вашингтоне в июне 1958 г., впоследствии были арестованы в Сентрал-Пойнт, штат Вирджиния, и приговорены к годовичному тюремному заключению, отложенному на 25 лет при условии их отъезда из штата. В 1964 г. пара начала оспаривать это решение, и в 1967 г. Верховный суд США единогласно признал его антиконституционным. Дело «Лавинг против Вирджинии» стало прецедентом, который позволил за последующие три года отменить запрет на межрасовые браки, еще сохранявшийся в ряде штатов.

Пс. 22:1; 22:4.

«Розалинд Франклин и ДНК» (*Rosalind Franklin and DNA*, 1975) – работа журналистки Энн Сейри, биография английского биофизика и рентгенографа Розалинд Франклин, чьи исследования внесли существенный вклад в открытие структуры молекулы ДНК.

«Шоу Джеки Глисона» (*The Jackie Gleason Show*, 1952– 1970) – американская телевизионная комедийно-музыкальная программа, которую вел комик Джон Херберт Глисон (1916–1987).

«Могучая мышь» (*Mighty Mouse*, 1942–1961) – мультипликационный сериал Пола Терри про супергеройскую мышь. «Суперпес» (*Underdog*, 1964–1973) – мультипликационный сериал У. Уоттса Биггерза про супергеройскую собаку. «У меня есть секрет» (*I've Got a Secret*, 1952–2006) – телевикторина, созданная Алланом Шерманом и Хауардом Мерриллом для CBS; в ходе игры полагалось угадывать секреты (некие обстоятельства биографии) участников, задавая им наводящие вопросы.

«Моя жена меня приворожила» (*Bewitched*, 1964–1972) – американский ситком Уильяма Эшера про ведьму, из которой муж пытается сделать нормальную домохозяйку. «Заклучим сделку» (*Let's Make a Deal*, с 1963) – американское телешоу Стефана Хейтоса и Монти Холла, в ходе которого участники заключают сделки вслепую. «Если по правде» (*To Tell the Truth*, с 1956) – американская телевикторина Боба Стюарта, где игроки-звезды, задавая вопросы, угадывают, кто из участников им лжет, а кто говорит правду.

Джон Уильям Карсон (1925–2005) – американский комик, телезвезда, ведущий «Вечернего шоу Джонни Карсона» (*The Tonight Show Starring Johnny Carson*, 1962–1992).

Уолтер Лиленд Кронкайт-мл. (1916–2009) – американский тележурналист, в 1962–1981 гг. ведущий *CBS Evening News*; с 1937 г. освещал многочисленные ключевые события в США и в мире, в том числе американскую космическую программу.

Gemini IX-A – седьмой пилотируемый космический корабль программы НАСА *Gemini*. Полет состоялся 3–6 июня 1966 г.; в экипаж входили астронавты Томас П. Стэффорд и Юджин Сернан.

«Я люблю Люси» (*I Love Lucy*, 1951–1957) – американский ситком, выходивший на CBS, с Люсиль Болл в главной роли, классический образчик жанра. «Отец знает лучше» (*Father Knows Best*, 1954–1960) – американский ситком Эда Джеймса с Робертом Янгом в главной роли, долгоиграющая история идеализированной американской семьи; тоже выходил на CBS.

В ходе полета Юджин Сернан должен был, помимо прочего, провести испытания ракетного ранца, для чего его космический скафандр был соответствующим образом модифицирован, но программу выхода в открытый космос пришлось сократить по техническим причинам, и ракетный ранец так и не испытали.

Журнал «Мисс» (*Ms.*, с 1971) – американский либерально-феминистский журнал, основанный феминистками второй волны Глорией Стайнэм и Дороти Питмен Хьюз; поначалу выходил как приложение к журналу *New York*, затем как самостоятельное ежемесячное издание и в 1970-х был очень популярен.

Истина (*лат.*).

Дональд Кларк (р. 1957) и Олив Мари (р. 1959) Озмонд – американский поп-дуэт, брат и сестра, актеры и певцы, бывшие младшие члены семейного музыкального коллектива *The Osmonds*, в 1976–1979 гг. – соведущие телепрограммы в жанре варьете *Donny & Marie*.

Бестселлер Дейла Брекенриджа Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» (*How to Win Friends and Influence People*) впервые вышел в 1936 г.

«Старски и Хатч» (*Starsky & Hutch*, 1975–1979) – американский полицейский телесериал Уильяма Фредерика Блинна про двух неразлучных, хотя и очень разных друзей-полицейских.

Фэрра Фосетт (1947–2009) – американская телевизионная и киноактриса, в 1976 г. стала звездой, сыграв в первом сезоне телесериала «Ангелы Чарли» (*Charlie's Angels*, 1976– 1981).

Линда Джин Кордова Картер (р. 1951) – американская актриса и певица, победительница конкурса «Мисс Мира» 1972 г. и исполнительница главной роли супергероини в телесериале Дагласа С. Крамера и Стэнли Ральфа Росса «Чудо-женщина» (*Wonder Woman*, 1975–1979).

Линдзи Джин Вагнер (р. 1949) – американская актриса и модель, сыграла главную роль, супергероиню Джейми Соммерз, в телесериале Кеннета Джонсона «Бионическая женщина» (*The Bionic Woman*, 1976–1978).

«Пролетая над гнездом кукушки» (*One Flew Over the Cuckoo's Nest*, 1975) – драма Милоша Формана, экранизация одноименного (в рус. пер. – «Над кукушкиным гнездом») романа Кена Кизи (1962). Упомянутый ниже Джек Николсон сыграл главную роль, Рэндал Патрика Макмёрфи, и получил за нее «Оскара»; фильм собрал пятерку основных «Оскаров» и стал одной из ключевых картин 1970-х.

«Семейка Брейди» (*The Brady Bunch*, 1969–1974) – ситком американского телепродюсера Шервуда Шварца о семье, которая складывается, когда мать с тремя дочерьми выходит замуж за отца с тремя сыновьями.

«Ватерлоо» (*Waterloo*, 1974) – второй (и первый выпущенный за рубежом) альбом диско-группы *ABBA*.

Лидия слушает песню Пола Саймона *The Only Living Boy in New York* с пятого и последнего студийного альбома Пола Саймона и Арта Гарфанкла *Bridge Over Troubled Water* (1970); это третья песня на стороне В.

Вэлли-Фордж – военный лагерь под Филадельфией, где во время Войны за независимость американская Континентальная армия под командованием Джорджа Вашингтона провела зиму 1777/78 гг.; из-за голода, холода и болезней в лагере погибло более 2,5 тысяч солдат.

Геттистаун – первоначальное название Геттисберга, штат Пенсильвания, где 1–3 июля 1863 г. произошло переломное сражение американской Гражданской войны; 19 ноября 1863 г. Авраам Линкольн, открывая в городе Национальное солдатское кладбище, произнес Геттисбергскую речь, ставшую одним из ключевых образцов риторики в истории США. Уильям Пенн (1644–1718) – английский предприниматель, квакер, основатель Пенсильвании (названной в его честь) и города Филадельфии.

«Студия 54» (*Studio 54*) – изначально театр, а в 1977– 1986 гг. – знаменитый нью-йоркский ночной клуб, основанный Стивом Рубеллом и Иэном Шрагером.

Уолтер Фредерик Мондейл (р. 1928) – американский политик-демократ, вице-президент при президенте Джимми Картере (1977–1981).

«Игра в жизнь» (*The Game of Life*) – американская настольная игра, изобретенная первопроходцем игровой индустрии Милтоном Брэдли в 1860 г. и воссозданная в ее нынешнем виде Рубеном Клеймером в 1960-м; в ходе игры игроки последовательно проходят разные жизненные этапы – учатся, работают, заводят семью, выходят на пенсию и т. д.

«Рода» (*Rhoda*, 1974–1978) – ситком Дэвида Дейвиса и Лоренцо Мьюзика с Вэleri Харпер в роли Роды Моргенстерн, которая приезжает в Нью-Йорк из Миннесоты и деятельно устраивает там свою личную жизнь. «Человек на шесть миллионов долларов» (*The Six Million Dollar Man*, 1973–1978) – фантастический телесериал по мотивам романа Мартина Кейдина «Киборг» (*Cyborg*, 1972) с Ли Мейджорсом в главной роли – секретного агента, бывшего астронавта Стива Остина, после крупной аварии усовершенствованного бионическими имплантатами. «Куинси» (*Quincy, M. E.*, 1976–1983) – детективный телесериал Глена А. Ларсона и Лу Шоу с Джеком Клагменом в заглавной роли, судмедэксперта доктора Р. Куинси.

Сьюзен Дей (р. 1952) – американская актриса, сыгравшая Лори Партридж, одну из дочерей вокально-инструментального семейства в музыкальном ситкоме «Семья Партридж» (*The Partridge Family*, 1970–1974).

Вольтроны – два гигантских составных суперробота из анимэ-сериала «Вольтрон: Защитник Вселенной» (*Voltron: Defender of the Universe*, 1984–1985) по мотивам двух не связанных между собой японских анимэ-сериалов *Beast King GoLion* (1981–1982) и *Kikou Kantai Dairugger XV* (1982–1983).